

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Кафедра отечественной истории

Учитель учителей

**Сборник воспоминаний,
документов и материалов
памяти Николая Петровича Мунькова**

Казань 2016

*Печатается по решению
кафедры отечественной истории
Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Редакционная коллегия:

Г.М. Мустафина (отв. ред.), Р.Ш. Нигматуллин, О.В. Сеницын

Рецензенты:

С.Ю. Малышева,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории ИМОИВ КФУ*

Ю.А. Лексина,
*кандидат исторических наук,
заместитель директора Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского*

Учитель учителей: сборник воспоминаний, документов и материалов памяти Николая Петровича Мунькова / Составитель и автор предисловия Г.М. Мустафина; под ред. Г.М. Мустафиной, Р.Ш. Нигматуллина, О.В. Сеницына. – Казань: Астория, 2016. – 140 с., ил.

Сборник посвящен памяти ученого-историка, педагога и общественного деятеля Николая Петровича Мунькова (1923–2002). Он включает материалы его личного архива, воспоминания коллег и учеников, а также публикации о Н.П. Мунькове, вышедшие в разные годы.

Материалы сборника адресованы интересующимся историей науки и народного образования, прежде всего Казанского университета и Казанского пединститута. В них нашли отражение история г. Казани, будни и чаяния казанской интеллигенции.

Содержание

Предисловие	4
Из архива Н.П. Мунькова	
• Воспоминания о студенческих годах в Казанском университете (1940–1945) (к 175-летию Казанского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина)	9
• Мое участие в мобилизационных предприятиях за 5 лет	19
• Речь, произнесенная на торжественном митинге в КГУ 9 мая 1945 г.	19
• Более полувека в Казанском педагогическом университете (страницы памяти)	20
• Наш институт (<i>Из газеты «За педагогические кадры», 1968, 7 октября</i>).....	60
• Новый отсчет (<i>Из газеты «Педагог», 1994, №1</i>)	64
Воспоминания и статьи	
• <i>Зайцева М.А.</i> Дружба длиною в более полувека	69
• <i>Валкин М.Х.</i> Верный друг	75
• <i>Вульфсон Г.Н.</i> Эта дружба продолжается и сегодня (<i>Из воспоминаний «Страницы памяти»</i>)	84
• <i>Бикметова Р.М.</i> Пока живы его ученики	90
• <i>Султанбеков Б.Ф.</i> Наставник	94
• <i>Краснов В.И.</i> Наука жизни	98
• <i>Краснова Н.Н.</i> Лучшие чувства не умирают	99
• <i>Городнянская А.С.</i> Он умел убеждать	101
• <i>Ермолаев И.П.</i> Учитель, коллега, товарищ (память о Николае Петровиче Мунькове)	102
• <i>Литвин А.Л.</i> Его всегда было интересно слушать	106
• <i>Кадыров И.Х.</i> Н.П. Муньков и школа	109
• <i>Синицын О.В.</i> Н.П. Муньков как историограф	113
Публикации прошлых лет	
• <i>Гудкова В.</i> Педагог по призванию (<i>Из газеты «Вечерняя Казань», 1983, 24 мая</i>).....	118
• <i>Магдиев М.</i> Из статьи «Икенче рэттәге кара төймә» («Черная клавиша во втором ряду») (<i>Журнал «Сәхнә», 2004, №3</i>)	122
Библиография трудов Н.П. Мунькова	124
Именной указатель	132

Предисловие

Данный сборник был задуман сразу после кончины Николая Петровича Мунькова (1923–2002). По разным причинам подготовка его откладывалась, и так случилось, что книга выходит в год 140-летия основания Казанского государственного педагогического института, история которого началась с создания в 1876 году Учительского института в Казани.

Педагогическая деятельность Н.П. Мунькова была теснейшим образом связана с историей одного из лучших педагогических вузов страны, поэтому представленные в сборнике материалы отражают не только жизнь и деятельность видного ученого-историка, талантливого лектора и общественного деятеля, но и многие страницы и аспекты истории института во второй половине XX века.

В первый раздел сборника вошел ряд не публиковавшихся ранее материалов, написанных Н.П. Муньковым и отражающих различные этапы его жизни. «Воспоминания о студенческих годах в Казанском университете (1940–1945)» были написаны к 175-летию Казанского государственного университета, выпускником которого он был. Текст напечатан на пишущей машинке самим Н.П. Муньковым. В личном архиве хранятся и два рукописных текста – «Мое участие в мобилизационных предприятиях за 5 лет» и «Речь, произнесенная на торжественном митинге в КГУ 9 мая 1945 г.».

Основную часть первого раздела составляют воспоминания «Более полувека в Казанском педагогическом университете (страницы памяти)». Наконец, сюда же включены две публикации Н.П. Мунькова в институтской многотиражной газете, одна из которых связана с получением КГПИ статуса университета.

Раздел «Воспоминания и статьи» состоит из материалов, написанных близкими друзьями, учениками, коллегами Николая Петровича. За исключением ранее опубликованных воспоминаний Г.Н. Вульфсона, все они подготовлены специально для нашего сборника. Дата написания указана, если она есть в оригинале.

В раздел «Публикации прошлых лет» вошел очерк известного в республике журналиста В.Я. Гудковой, опубликованный к 60-летию юбилею Н.П. Мунькова в газете «Вечерняя Казань», и

отрывок из статьи выпускника КГПИ, известного писателя и ученого М. Магдиева в журнале «Сэхнэ».

Библиография трудов Н.П. Мунькова составлена профессором О.В. Синицыным.

В именной указатель включены сведения об авторах материалов сборника, а также тех персоналиях, с которыми связаны сюжеты воспоминаний Н.П. Мунькова (прежде всего из истории Казанского пединститута). Упомянутые в сборнике персоналии не включены в именной указатель, если:

- в тексте приводятся подробные сведения о них;
- речь идет о широко известных ученых, государственных деятелях и деятелях культуры;
- сведения не найдены.

* * *

Жизнь и деятельность Н.П. Мунькова после поступления в Казанский университет нашли отражение в материалах сборника. В данном предисловии мы остановимся на «доуниверситетском» периоде.

Н.П. Муньков родился в Казани 18 мая 1923 года в семье служащих. Его отец – Петр Трофимович, родом из Мамадыша – был бухгалтером. Он скончался в 1932 году в возрасте 48 лет от чахотки. Мать – Мария Ивановна, в девичестве Суслопарова – родилась и выросла в селе Вятское (ныне территория Республики Марий Эл), работала в аптеке. Она всю свою долгую жизнь прожила с Николаем Петровичем, позднее – с его семьей, и умерла в 1987 году, прожив почти 100 лет.

Детские и юношеские годы прошли в старом районе Казани – сначала на Георгиевской улице в Суконной слободе¹, потом на улице Большой². В детстве большое влияние на мальчика оказал родственник Марии Ивановны Иван Кузьмич Суслопаров (1858–1936), которого Коля называл дедушкой. В прошлом он служил в страховой компании, был человеком начитанным, имел хорошую библиотеку.

¹ Впоследствии улица Я. Свердлова, ныне – Петербургская.

² Возможно речь идет о Большой Проломной улице (ныне ул. Н. Баумана), переходившей после т.н. «Кольца» в Георгиевскую, что косвенно подтверждается посещением Богоявленского храма (см. ниже).

В небольшом архиве Н.П. Мунькова есть по-своему уникальный источник – его юношеский дневник. Это две сшитых общих тетради в общем коленкором переплете, первую из которых, судя по всему, Коле подарил дедушка, который и сделал запись на обложке: «Дневник Коли Мунькова. 5/18 мая 1923 г.». Им же сделаны и первые записи – эти девять страниц наполнены трогательными подробностями и пронизаны искренней любовью к внуку. Из записей видно, что в эти годы наступательного атеизма и борьбы с религией жизнь семьи сопровождалась традиционными религиозными обычаями. Приведем несколько записей И.К. Суслопарова: «Коля родился в гор. Казани 5/18 мая 1923 г. в родильном отделении университетской клиники... Крещен в Георгиевской церкви³... Обряд крещения совершал протоиерей Фотий Корейшов...»; в этом же храме венчались родители Коли. Отец «отпет в церкви Трех святителей, похоронен на Архангельском кладбище» (более поздняя приписка Коли: «Церковь Трех святителей, в которой был отпет мой папа в мае 29-го 1932 г., закрыли в конце июня и в этом же году сломали»)⁴.

«Будучи 2-х лет, он охотно ходил с мамой в церковь, где говорил: “О! Как шибко поют!” – редко, чтобы он не принес 3-4 просфорки, ему постоянно давали их знакомые и Маша-сторожиха за хорошие, смелые и ясные разговоры». (Как вспоминал Н.П. Муньков, в детстве они с мамой ходили в соседнюю Богоявленскую церковь⁵, которая в 1929 году приняла общину закрытого Георгиевского храма.)

И.К. Суслопаров отмечал, что Коля с детства пристрастился к книжкам, сам научился читать и в 7 лет был принят в школу I

³ Храм великомученика Георгия Победоносца в Суконной слободе находился на месте сквера с фонтаном на пересечении нынешних улиц Петербургской и А. Айдинова (в советские годы в сквере находился бюст Карла Маркса). Храм, в котором в 1923 г. крестили Н.П. Мунькова, был закрыт в конце 1929 г., разобран в течение 1930–1931 гг.

⁴ Трехсвятительский храм (в честь Казанских святителей Гурия, Германа, Варсонофия и священномученика Ермогена, патриарха Всероссийского) находился на окраине Суконной слободы – на углу улиц Лаврентьева и 1-й Оренбургской (ныне – В. Качалова и Ф. Шаляпина). Следует уточнить, что церковь закрыли не в июне, а в сентябре 1932 г., разрушили в начале зимы 1933 г. (на ее месте расположен жилой дом).

⁵ Богоявленский храм на улице Большой Проломной (ныне – ул. Н. Баумана), с 1933 г. – кафедральный собор. Закрыт в ноябре 1935 г., возвращен верующим в 1997 г. В настоящее время – архиерейское подворье в честь Крещения Господня Казанской епархии Московского патриархата.

ступени на улице 3-я Гора (ныне – ул. М. Калинина). Наряду с чтением он любил музыку, пение и декламацию. Несмотря на скромный достаток, выезжали на природу на пароходе (Услон, Печищи, Мариинский Посад) и по железной дороге, а с трех лет – в село Вятское к бабушке.

Записи Коли начинаются в сентябре 1932 года (3 класс) и завершаются в августе 1945-го – в год окончания университета. Если поначалу это регулярные, но малозначащие, скорее бытовые заметки, то со временем они все более интересны как для изучения повседневности, так и с точки зрения становления личности автора, того, как школьник воспринимает события в стране и в мире в целом

Дневник отражает то, как причудливо сочетались в жизни обычной казанской семьи, казанского школьника черты нового образа жизни (сборы, демонстрации, учком) с традиционными, революционные праздники с религиозными (1 января 1936 г. – «Сегодня по случаю нового года в школах впервые начали устраивать елки»; 7 января 1936 г. – «Рождество Христово. Стряпали. Пирог: мясной, рыбный, сладкий. Торт, булки сдобные, 4 пирожка с груздями»).

С первых школьных лет мы наблюдаем любовь к учебе, общественную активность, формирующиеся ораторские способности («выступал с докладом на собрании», «утреннике», «я выступил с речью» и т.д.). 8 января 1936 г. – «Сегодня я получил газету, в которую был заснят как ударник. Назв. “Яш Ленинче”». 13 октября 1939 г. – «Были в Кремле, где созывалось совещание классных председателей учкомов... Выступал нарком просвещения и я».

Нашли отражение в дневнике и поэтические опыты школьника Коли Мунькова. В стихотворении в честь 8 марта 1935 года, которое он посвятил своей учительнице, такие строки:

*А женщины страдали в царские года,
Им трудно приходилось от тяжкого труда.
Болели руки, ноги, болела и спина,
В защиту не вступался за них никто тогда.
И как свободно дышится всем женщинам у нас,
Женщина с мужчиной теперь в одних правах.*

Записи, сделанные в старших классах, позволяют проследить, как возникает увлечение историей, интерес к международным отношениям и внешней политике, который со временем выльется в читаемые студентам курсы и тему диссертации. С младших классов он отмечает кончину видных политических деятелей, ученых, артистов, иногда дополняя записи некрологами, вырезанными из газет. Если вначале эти записи по-детски наивны (1 декабря 1934 г. – «Сегодня убили в Смольном С.М. Кирова ... и думали, что больше не станет в правительстве хорошего человека. Но враг просчитался. На место Кирова стал тов. Жданов»), то впоследствии хроника важнейших событий сопровождается в дневнике переписанными от руки текстами важнейших документов, прежде всего связанных с отношениями СССР и Германии. К этому времени уже сформировался характерный «муньковский» почерк и стиль письменной речи. Последующие записи уже связаны с поступлением в университет и посвящены событиям, нашедшим отражение в сборнике.

Может возникнуть вопрос: почему бы не включить дневник в сборник? Во-первых, он значителен по объему. Во-вторых, требуется специальная подготовка к печати. Надеемся, это удастся сделать в будущем⁶.

Благодарим всех, кто откликнулся на нашу просьбу и подготовил воспоминания о Н.П. Мунькове. Все вместе они создают многогранный образ Ученого, Педагога, Учителя учителей, Гражданина.

Благодарим заместителя директора Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Ю.А. Лексину за предоставленную справочную информацию.

Спасибо всем, кто участвовал в оформлении этой книги.

⁶ Фрагменты дневника были опубликованы в 2003 году. См.: Мустафина Г.М. «В отношении меня он действительно друг» (Из дневников Н.П. Мунькова) // Уроки Вульфсона / под ред. Е.А. Вишленковой, А.Н. Бикташевой. Казань, 2003. С. 23–31.

Из архива Н.П. Мунькова

Воспоминания о студенческих годах в Казанском университете (1940–1945) (к 175-летию Казанского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина)

Приближается славная дата в истории Казанского университета – 175-летие со дня его основания. За это время, в особенности за годы советской власти, в его стенах подготовлены тысячи высококвалифицированных специалистов. Многие из них стали видными партийными и государственными деятелями, народными учителями, представителями социалистической культуры, прославили свою родину и отечественную науку важными открытиями.

Каждый из выпускников, кто бы он ни был, по праву гордится своей альма-матер, родным Казанским университетом, где прошли студенческие годы, озаренные светлыми и неповторимыми воспоминаниями. Никто и ничто из этой поры не может и не должно быть забыто!

Эти небольшие воспоминания – дань большой любви к родному университету, его замечательным преподавателям и чудесным студентам, товарищам и друзьям, с которыми прошли прекрасные студенческие годы, пожалуй, самые лучшие во всей человеческой жизни.

Как я стал студентом-историком

17 июня 1940 г. я окончил среднюю школу № 20 Молотовского района г. Казани с аттестатом отличника. Это давало мне право без всяких собеседований и вступительных экзаменов поступить в любое учебное заведение нашей страны. Передо мной, как и перед многими другими выпускниками тех лет, стоял широкий выбор будущей профессии. Никакой профориентации в школах в те годы не существовало, стране нужны были люди самых различных специальностей, ощущался недостаток специалистов и с высшим образованием, поэтому все выпускники настраивались в основном на учебу в вузах и как-то довольно удачно выбирали себе жизненные профессии.

Для меня особой проблемы выбора не существовало – я с детских лет был увлечен профессией учителя, нередко дома играл «в школу», изображая преимущественно учителя истории. Моей «ученицей», как правило, была моя мама. Мои уроки продолжались по 20 минут. Преподавал я по гимназическому учебнику проф. С.Ф. Платонова, лучшему в дореволюционной России. Разумеется, в концепциях этого историка-монархиста я в те годы не разбирался и все, что там было написано, за исключением открыто клерикальных и монархических высказываний, принимались мной как должное.

Моему увлечению гуманитарными науками не в малой степени способствовало и то обстоятельство, что мой дедушка Иван Кузьмич имел у себя небольшую, но довольно хорошую библиотеку, в которой были такие книги, как «Энциклопедия» т-ва «Просвещение» (20 тт.), «Энциклопедический словарь» бр. Гранат (17 тт.), учебники по русской и всеобщей истории, «История России в XIX веке» бр. Гранат (9 тт.), «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева в 6 книгах (изд-во «Общественная польза»), «Русская история» под ред. М.В. Довнар-Запольского, дореволюционная «Детская энциклопедия» (отдельные тома), отдельные сочинения Г. Спенсера, С. Смайльса, Э. Ренана, книги по церковной истории и истории религии, в т.ч. широко известная ранее «История религий» Шантепи де ля Соссея, знаменитый труд Дрэвсса о И. Христе, а также произведения Лермонтова, Шекспира и др. классиков литературы.

Все эти книги сожительствовали вместе с нами в небольшой комнатке площадью в 12 кв. метров, с двумя большими окнами, выходящими в темный дворик. Со многими из этих книг я познакомился в детские годы, разумеется, далеко не все в них понял, но тем не менее в целом мог считать себя, в сравнении с моими сверстниками и товарищами, довольно эрудированным «историком», тем более, что большинство из них увлекалось техникой, планеризмом, радиолюбительством и т.п. вещами. Многие из них стали потом хорошими специалистами в этих областях.

Увлечению историей я не в малой степени был также обязан своему учителю истории Константину Николаевичу Ермолину, замечательному педагогу, горячо влюбленному в свой предмет и умевшему передать любовь к нему своим ученикам. Яркие, запо-

минающиеся уроки Ермолина оставляли в нашем сознании сильное впечатление. Он умел включать в работу и своих учеников, давал им писать рефераты и доклады по отдельным вопросам истории, что в те годы практиковалось далеко не всеми.

Вспоминается, что и я написал реферат на тему о первом признаке империализма (по работе В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»), выступил с ним на уроке, получил оценку 5, заслужив похвалу учителя.

Будучи учеником 10 класса, из газеты «Пионерская правда» я узнал о том, что исторический факультет Московского университета объявил среди учащихся московских школ конкурс на лучшее сочинение по истории. Мне очень захотелось принять в нем участие, и я написал письмо в МГУ, где просил разрешения на это. Вскоре я получил напечатанные на ротапринтере условия конкурса и разрешение участвовать в нем, за подписью Я.И. Линкова, который позднее стал нашим преподавателем в Казанском университете. Тему разрешалось выбрать самому. Я решил написать свое сочинение на такую тему: «Состояние Российского государства в конце XVII века и реформы Петра I». Тема эта была слишком широкой, но в те годы я не считал ее таковой. С большим рвением принялся за работу, прочитал все (тогда крайне малочисленные) учебники и учебные пособия по истории СССР, проштудировал соответствующие тома «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева (о его специальной работе «Публичные чтения о Петре Великом» я в те годы не слышал), сочинения В.О. Ключевского, дореволюционных историков С. Князькова и М.В. Довнар-Запольского, некоторые другие книги. Прочитал также высказывания В.И. Ленина о Петре и беседу И.В. Сталина с немецким писателем Э. Людвигом, где характеризовалась классовая сущность реформ Петра.

Встретились и некоторые трудности. Например, в библиотеке мне наотрез отказались выдать труды М.Н. Покровского, имя которого в те годы вовсе подвергалось уже незаслуженному шельмованию.

В результате у меня получилось довольно большое сочинение, написанное от руки, объемом в 86 убористых страниц. Свой труд я писал без всяких консультаций, на свой страх и риск. Моим рецензентом был назначен аспирант кафедры истории СССР

МГУ Л.Б. Плавник, о чем я был уведомлен специальным письмом. Мне разрешалось также консультироваться у него по всем интересующим меня вопросам. Вскоре он прислал мне свой отзыв. В нем говорилось, что сочинение написано на основе тщательного и внимательного изучения ряда работ, которые были перечислены, а также материалов Казанского музея, что дало возможность автору «с большим количеством примеров и фактов» описать состояние России накануне петровских реформ, осветить вопросы экономики, управления государством, положение крестьянства, состояние культуры. Вторая часть излагала основные реформы, осуществленные Петром I. Далее рецензент Л. Плавник отметил, что «несмотря на тщательную разработку темы и глубокое знание автором материала, работа не лишена ряда недостатков». К их числу рецензент отнес недостаточную продуманность вопроса о социальной сущности петровских реформ, а также отсутствие специального раздела о народных движениях эпохи петровских преобразований. Действительно, такого раздела у меня не было, поскольку я полагал, что это – тема специального исследования. В заключение рецензент писал: «Несмотря на указанные недостатки, представленное сочинение свидетельствует о большой работе, проделанной автором, о его способности разбираться в литературе, активно использовать имеющийся в ней материал». Вскоре мне было сообщено, что моя работа удостоена почетной грамоты Московского университета. Это было весьма приятно для начинающего историка, и я очень гордился своим участием в этом конкурсе. Л.Б. Плавник написал мне несколько писем, в которых советовал не бросать занятия историей, углублять тему своего исследования. Много лет спустя я узнал, что Л.Б. Плавник пал смертью храбрых, защищая свободу и независимость отчизны от фашистских захватчиков⁷.

Успешное участие в конкурсе окончательно убедило меня стать историком. Вставал вопрос: где учиться? Ехать в другой город, в том числе в Москву, в МГУ, мне не хотелось, да к тому же я и мало был подготовлен к самостоятельной жизни, прожив все эти годы под сенью родительского крова со своей мамой (отец мой умер еще в 1932 г., когда мне едва исполнилось 9 лет).

⁷ Все названные письма хранятся в архиве семьи Н.П. Мунькова.

Оставалось одно: учиться в Казани, где исторические отделения были в университете и педагогическом институте. Наши знакомые Петуховы посоветовали мне поговорить по этому вопросу с преподавателем политэкономии пединститута С.А. Козловой (Красовской), женой известного в те годы в нашем городе профессора-гинеколога И.Ф. Козлова. Позднее я узнал, что и сама Сусанна Александровна была замечательной личностью, с юных лет принимала участие в революционном движении, позднее вступила в коммунистическую партию.

В сопровождении нашей знакомой Н.В. Петуховой я с трепетным волнением поднимался в квартиру Козловых по ул. М. Галактионовская.

Сусанна Александровна приняла меня очень тепло, рассказала о профессии историка и порекомендовала мне поступить в университет на историческое отделение, считая, что там я получу значительно больше, чем в пединституте. Придя домой и тщательно все обдумав, я бесповоротно решил стать студентом восстановленного в 1939 г. исторического отделения Казанского университета, который, по словам поэта Маяковского, был «горделивостью Казани». Теперь, когда после окончания университета прошло более трех десятилетий, я могу точно и вполне определенно сказать: выбор был сделан правильно и я горжусь тем, что 5 лет моей жизни протекли в стенах этого замечательного вуза, хотя это были и нелегкие годы, поскольку значительная их часть совпала с Великой Отечественной войной советского народа против фашистской Германии.

В начале июля 1940 г. я подал все полагающиеся документы в приемную комиссию Казанского университета и 9 июля получил извещение о том, что я зачислен студентом 1 курса историко-филологического факультета и что начало занятий – 1 сентября. Из всех выпускников нашего класса я один стал студентом университета.

Родной университет

Как и многие другие, зачисленные на учебу в вузы, я с большим нетерпением стал ожидать наступления дня занятий. В конце августа узнал свою (88) группу, познакомился с расположением аудиторий, списал расписание и когда наступил заветный

день 1 сентября – в восьмом часу утра отправился в университет. Идти было близко, поскольку тогда я жил на улице Свердлова в доме № 42 – не более 15 минут. С трепетным волнением вошел я впервые как студент в учебную университетскую аудиторию на свою первую в жизни лекцию. Может быть, именно поэтому она мне особенно заполнилась, хотя с тех пор миновало 38 лет.

Первая лекция была по истории СССР и читалась в химическом корпусе, в знаменитой Бутлеровской полукруглой аудитории. Везде были шкафы с химической посудой и приборами, некоторые сохранились со времен самого А.М. Бутлерова. Народу было очень много – и ни одного знакомого лица. Как это было непривычно по сравнению со школой, где в классе все знали друг друга. Большого шума не было, все сидели тихо, ожидая начала первой лекции.

В 8 часов прозвенел звонок и в аудиторию вошел плотно сложенный, коренастый педагог среднего возраста с несколько беспорядочными волосами на голове, в белой рубашке и с большим портфелем. Это был доцент Евгений Иванович Устюжанин. Ровным и спокойным голосом, без излишних эмоций, но с хорошей дозой юмора в нужных местах он начал свой лекционный курс по истории СССР. Он рассказал о значении истории как науки, упомянул о выдающихся отечественных историках, о марксистско-ленинских принципах советской исторической науки, об основных источниках отечественной истории и важнейшей литературе.

Речь его текла плавно, правда, лектор иногда злоупотреблял словосочетанием «так сказать», что, впрочем, не особенно мешало усвоению того, о чем он говорил. Два часа пролетели незаметно. Вновь прозвенел звонок и лектор, сказав «Об этом мы будем говорить в иной связи», покинул аудиторию. Лекция Е.И. Устюжанина всем первокурсникам очень понравилась, и мы всей душой полюбили как историю СССР, так и преподавателя этого предмета. Конечно, тогда у меня и не мелькало мысли о том, что пройдет не так уж много времени, и мы будем с Евгением Ивановичем добрыми друзьями: я буду работать 20 лет под его руководством на кафедре истории СССР в Казанском пединституте, а в декабре 1967 г. сменю его в качестве заведующего этой же кафедры – с его согласия и по его рекомендации Ученому совету.

Хорошее впечатление у первокурсников оставили и другие преподаватели: В.И. Пономарев, проводивший с нами занятия по «Русской правде» (о нем мы подробно написали в совместных воспоминаниях с проф. Г.Н. Вульфсоном «Страницы памяти»⁸), А.М. Файт – преподаватель истории древнего мира, латинист Н.П. Шкляев, доц. Е.К. Бахмутова, читавшая курс «Введение в языкознание» и др. Елена Константиновна запомнилась нам тем, что с необычайной увлеченностью пропагандировала т.н. «новое учение о языке» акад. Н.Я. Марра, которое в те годы считалось высшим достижением марксистского языкознания. До сих пор в моей памяти сохранилось положение о происхождении языка из четырех элементов: сал, бер, йон, рош. Е.К. Бахмутова была талантливым ученым, отлично знала свой предмет и умела увлечь им своих слушателей. Мы, историки, относились к ней с большой симпатией.

Самым блестящим лектором на первом курсе был наш декан, единственный в те годы в г. Казани кандидат исторических наук Александр Павлович Плакатин, воспитанник Московского университета. Он читал нам лекции по основам марксизма-ленинизма (так в те годы назывался курс истории КПСС) в первой аудитории физмата. Бодрым, уверенным шагом, выставив грудь вперед, вступал он на кафедру. Читал Плакатин великолепно. Запомнился один фрагмент из его лекции: Россия, породившая титанов мысли, как Чернышевский и Добролюбов, не погибнет, породивши прохвоста Бакунина и недоучившихся студентов. А.П. Плакатин хорошо относился ко всем студентам, но особенно любил наших историков-второкурсников: это были его любимые дети-студенты первого приема. Студенты платили ему такой же любовью. Позднее А.П. Плакатин погиб на фронте в 1943 г. Мы тяжело переживали гибель нашего любимого декана. Теперешнему поколению студентов о нем напоминает памятный мемориал, установленный в здании историко-филологического факультета.

В конце 1940 г. по направлению НКВШ в университет приехал новый преподаватель истории СССР, кандидат историче-

⁸ Вульфсон Г.Н., Муньков Н.П. Страницы памяти. Историко-филологический факультет в годы Великой Отечественной войны // Во имя Отчизны: Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1975. С. 42–63.

ских наук Владимир Борисович Донской, окончивший аспирантуру в Ленинградском университете, ученик проф. М.Д. Приселкова. Он начал заведовать кафедрой истории СССР и продолжил чтение курса отечественной истории, начатого Е.И. Устюжаниным. Это был первый дипломированный ученый по истории СССР на молодом историческом отделении университета. Теперь на факультете работало два кандидата исторических наук, включая нашего декана А.П. Плакатина.

В первые же дни учебы студенты-первокурсники, присутствуя на лекциях, семинарских занятиях, различных собраниях, быстро перезнакомились как друг с другом, так и со второкурсниками – студентами-историками первого приема. В год моего поступления, кроме историков, стали набирать и филологов, факультет стал историко-филологическим, каковым является и теперь (1978 г.).

Некоторые студенты сразу же обратили на себя внимание прежде всего серьезностью подхода к изучению наук, увлеченностью, я бы сказал даже, в известной мере одержимостью, чего, к сожалению, так не хватает порой многим современным студентам-гуманитариям. В их числе были Александр Лосев, Сергей Романовский, Георгий Шамов, Геннадий Иванов, Дима Диев, из девушек выделялась своей серьезностью Тося Мишанина, Галя Петрова, Зоя Тонкова, Валя Малышкина, Надя Азимуратова. Из числа второкурсников запомнились Г. Вульфсон, И. Ионов, С. Бурматин, В. Бондаренко, Л. Ханин, Г. Абдулхакова, Т. Красильникова, Л. Жадаева, Т. Ян, Г. Кузнецова, Н. Замалеева – депутат Верховного совета ТАССР первого созыва. Талантливые люди были и среди филологов. Студенты-историки были на редкость дружными и сплоченными.

Занятия по историческим дисциплинам проходили живо и интересно. Часто возникали шумные дискуссии, где будущие историки оттачивали и закаляли свои педагогические навыки и профессиональное мастерство. Особенно ожесточенно спорили на семинарах по истории СССР при изучении «Русской правды». Руководитель занятий, превосходный знаток истории Древней Руси и опытнейший методист-преподаватель В.И. Пономарев умел мастерски «подливать масла в огонь», ставить дискуссионные вопросы и пробуждать к полемике мысль своих питомцев.

Особенным задором и активностью отличалась 88 группа историков, старостой которой я являлся. Не случайно в годы войны она была признана лучшей группой в университете и получила премию в размере 1000 рублей. В ней учились все перечисленные выше студенты.

На одном из семинаров разгорелся жаркий спор о том, можно ли было считать обельного холопа рабом или нет, и вообще – о категории холопства в Древней Руси. Мнения разделились, спорили чуть ли не до потери сознания. Наконец, возникла мысль – написать об этом крупнейшему знатоку русского феодализма и истории Киевской Руси академику Б.Д. Грекову. Как председателю научного кружка истфилфака и старосте группы письмо было поручено написать мне. Описав суть наших дискуссий, я высказал мысль о том, что холопы и рабы – разные вещи по «Русской правде». В качестве аргументов привел следующие положения: 1) поскольку Киевская Русь миновала рабовладельческую формацию, законодателю вряд ли было целесообразно закреплять то состояние несвободы (рабство), которое составляло меньшую часть производственного процесса и постепенно сокращалось; 2) если бы холоп и раб составляли одну социальную группировку, то почему бы законодательно вместо термина холоп не употреблять слово раб – более распространенное в то время; 3) указывая на то, что «холопство обельное трое», «Русская правда» дает возможность при поступлении в холопское состояние делать «ряд» с господином. Отсюда – вряд ли бы человека, полностью превращаемого в раба, стали спрашивать, на каких условиях он хочет быть рабом; 4) если признать, что обельный холоп есть раб, то просто холоп (не обель) является ли им? Не есть ли люди, заключившие «ряд» с господином, просто холопы, а не обельные и следовательно – не рабы? 5) наконец, нельзя ли принять такую градацию социальных группировок в Киевской Руси: раб → холоп (не обель, а просто холоп) → закупы, рядовичи, вдачи и проч. → смерды. В заключение письма маститому ученому я писал: «Считая Вас, многоуважаемый Борис Дмитриевич, крупнейшим исследователем Киевской Руси, мы просим Вас не отказать в разъяснении нашего спора о сущности холопства, хотя бы и очень кратко, памятуя о Вашей занятости... Были бы Вам очень при-

знательны и благодарны, если бы Вы смогли дать разъяснения к 15 мая (в этот день должен был состояться доклад о холопстве – Н.М.)». Я просил также Б.Д. Грекова сообщить дату смерти акад. М.К. Любавского, она была нам нужна для словаря историков, составить который решили члены нашего кружка (к сожалению, эта идея осталась по ряду причин неосуществленной).

Ответ ученого ожидался всеми с большим нетерпением. Он был получен мной 27 мая.⁹ Необычайно деликатный человек, Борис Дмитриевич извинялся, что не смог ответить нам к 15 мая, т.к. письмо было получено в Ленинграде и переслано в Москву, на что ушло определенное время. Далее в письме говорилось: «Уважаемый Николай Петрович!.. Вы совершенно правы. Холопы и обельные холопы – это не одно и то же. «Русская правда» различает эти обе категории. Настоящий раб (патриархальное рабство) – это обельный холоп. Холоп – это зависимый человек, но, по-видимому, очень близко примыкающий к обельному холопу. Смердов Вы совершенно правильно поставили на последнее место, но только надо иметь в виду две категории смердов – зависимых и свободных. Зависимые смерды очень приближались к холопам, почему в «Правде» Ярославичей и др. местах наших источников, их и ставят обычно рядом. В истории русского холопства надо иметь в виду его эволюцию и тенденции к переходу в крепостничество, очевидно чаще всего через отпуск «на волю» с последующим изгойством». Б.Д. Греков сообщил далее о том, что его книга «Киевская Русь» подготавливается к новому изданию. Там будет больше сказано и по интересующему нас вопросу. В заключение своего письма ученый писал: «Кружку желаю успехов. Хотелось бы побывать как-нибудь у Вас». Могли ли мы думать, что пройдет не так уж много времени и Б.Д. Греков не только просто побывает у нас, но и будет читать нам лекции по истории Киевской Руси, присутствовать на заседаниях кружка, всячески помогать в нашей работе. Но об этом – несколько позднее.

Казань, 1978 г.

⁹ Письмо Б.Д. Грекова долгие годы хранилось у Н.П. Мунькова, он приносил его на лекции по историографии, чтоб продемонстрировать студентам. К сожалению, после кончины Н.П. Мунькова оно не было найдено.

Мое участие в мобилизационных предприятиях за 5 лет

1. 6–21 октября 1941 г. – поездка в Чистопольский район в колхоз на уборку урожая.
2. 28 октября 1941 г. – 1 января 1942 г. – пребывание на окопах в Чуваш. республике.
3. 16 июля – 6 сентября 1942 г. – пребывание на с/х работах в колхозе «Ударник» Пестречинского района Ивановского сельсовета.
4. 7 сентября – 16 сентября 1942 г. – по рекомендации А.С. Шкляева назначен уполномоченным Райкома в колхоз «Красный пахарь» Пестречинского района.
5. 15–31 августа 1943 года – по распоряжению Ректора работал на подсобном хозяйстве КГУ в Лесных Морквашах.
6. 22 августа – 7 сентября 1945 года – по приказу Ректора проверял готовность Казанского стоматологического института к новому учебному году.

Речь, произнесенная на торжественном митинге в КГУ 9 мая 1945 г.

Товарищи! Да здравствует исторический день 9 мая 1945 г. – день всенародного торжества Советского народа, победоносно завершившего Великую Отечественную войну против немецко-фашистских поработителей и водрузившего над Берлином алое знамя нашей Победы!

Проклятье и вечный позор гитлеровским палачам, залившим кровью земли Европы и принесшим человечеству неисчислимы бедствия и страдания.

Слава героической Красной армии и Советскому народу, спасшим своей величественной борьбой европейскую цивилизацию от фашистских погромщиков и изуверов.

Вечная слава героям, павшим на поле боя в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствует наша свободная Отчизна – нерушимый оплот мира и прогресса – Союз Советских Социалистических Республик!

Да здравствует великая коммунистическая партия большевиков – организатор всенародной борьбы с немецкими захватчиками.

Да здравствует и живет долгие годы величайший полководец всех времен и всех народов, Верховный Главнокомандующий Премьер и Маршал Советского Союза кавалер ордена Победы тов. И.В. Сталин!

***Более полувека
в Казанском педагогическом университете
(страницы памяти)***

2 июля 2000 года исполнилось 55 лет с того памятного дня, когда я впервые переступил порог старейшего педагогического вуза нашей страны – Казанского педагогического института, с 1994 года ставшего педагогическим университетом.

То был памятный для всех людей планеты год, когда победоносно завершилась Великая Отечественная война против фашистской Германии, и все человечество было освобождено от угрозы истребления и порабощения. Все люди доброй воли гордились этой всемирно-исторической победой, решающую роль в достижении которой сыграла наша великая страна – Союз Советских Социалистических Республик – могучая и непобедимая держава.

И каждый из нас старался внести посильный вклад в ее достижение. Я, например, работал с ноября 1942 года учителем истории в школе № 24 им. В.П. Чкалова г. Казани и одновременно обучался на историческом отделении истфилфака Казанского университета, куда поступил в сентябре 1940 года.

Очень горжусь тем, что мой скромный труд учителя в суровые военные годы получил высокую оценку: в 1945 г. я был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Для меня, не воевавшего с врагом на полях сражений, это была самая высокая награда Родины.

29 мая 1945 года я окончил Казанский университет, получив диплом с отличием, а месяц спустя декан истфака КГПИ доц. М.Д. Бушмакин, который преподавал нам в университете курс по истории первобытного общества, пригласил меня прочитать студентам-заочникам пединститута курс лекций по истории СССР.

В записке, которая хранится в моем личном архиве, Михаил Дмитриевич писал: «Товарищ Муньков! Я хотел предложить Вам провести на заочном отделении КГПИ курс истории СССР. Мне необходимо Вас срочно увидеть для переговоров по этому вопросу. Если возможно, зайдите ко мне (Большая Красная, д. 59, кв. 4) или позвоните мне (мой телефон 27–38). М. Бушмакин, 25/VI 45».

История России была для меня любимым предметом, и я сразу же принял предложение М.Д. Бушмакина. 2 июля 1945 года я был оформлен приказом по КГПИ и приступил к занятиям со студентами-заочниками. Многие из них были значительно старше меня по возрасту, и мне приходилось очень серьезно готовиться к занятиям, чтобы, как говорится в подобных случаях, «не ударить в грязь лицом».

Мое самоутверждение в должности вузовского преподавателя истории в целом состоялось, и я на равных правах, наряду с другими преподавателями, довольно удачно и без проблем вписался в замечательный коллектив педагогического института.

С тех пор прошло 55 памятных лет. Поэтому мне хотелось бы вспомнить прошлое, людей, с которыми пришлось работать и о которых я буду помнить всю свою жизнь, ибо им я обязан очень многим. Нелишне отметить, что в настоящее время среди преподавателей педуниверситета нет ни одного, кто проработал бы в нем столь длительное время. За всю же 124-летнюю историю нашего вуза по 55 лет проработали лишь два человека: кроме меня, это была профессор кафедры литературы З.А. Старицына, вышедшая на заслуженный отдых в 1999 году.

Институт в 1945 году и в первые послевоенные годы

1945/1946 учебный год был первым послевоенным мирным годом, когда началась нормализация привычной вузовской жизни. Институты начали получать обратно свои учебные здания, занятые для военных нужд, стали возвращаться демобилизованные из армии преподаватели-фронтовики, восстанавливалась традиционная вузовская жизнь.

Казанский пединститут оказался единственным вузом в городе, который не получил обратно свое основное главное здание,

в котором крепко (и, похоже, навсегда) обосновалось открытое в 1944 году Суворовское училище, являющееся ныне одним из лучших среди подобных учебных заведений.

Поэтому материальная база педагогического вуза оказалась по сути неудовлетворительной, поскольку передача ему здания бывшего реального училища (Лево-Булачная, 44)¹⁰ не решала этой острейшей проблемы. Поэтому приходилось заниматься в разных зданиях, в том числе в помещении Института усовершенствования учителей (Большая Красная, 68), во втором здании (К. Маркса, 74), в помещении школы № 33 и позднее – школы № 80. Все это значительно осложняло учебный процесс.

В начале 1945 года произошли большие изменения в руководстве института. Прибывшая в Казань осенью 1944 правительственная комиссия во главе с зам. предсовнаркома РСФСР В.П. Прониным основательно перетряхнула казанские вузы, найдя много недостатков в их работе. Особенно «пострадал» в этом плане педагогический институт. Комиссия признала уровень руководства его работой неудовлетворительным и отстранила от работы директора И.А. Громова, преподавателя истории партии, и его заместителя доц. И.Г. Пехтелева. Решением директивных органов Минпрос РСФСР утвердил новым директором института начальника спецшколы ВВС Юсефа Ахметжановича Туишева.

Этот выбор оказался исключительно удачным. Юсеф Ахметжанович оказался весьма компетентным, умным, знающим проблемы образования руководителем. Длительное время он работал в Наркомпросе республики, был широко образованным человеком, отлично знал русскую, татарскую, зарубежную литературу, позднее защитил кандидатскую диссертацию о педагогических взглядах Г. Тукая и издал о нем содержательную монографию. Он поддерживал личные контакты с такими видными деятелями культуры, как Б. Урманче, Н.Г. Жиганов, К.И. Шульженко, Р. Бейбутов и многие другие.

Это был спокойный, выдержанный, взвешенный руководитель, много сделавший для развития и укрепления Казанского пединститута, который он возглавлял 22 года, был удостоен высоких государственных наград и по достижении 60 лет добро-

¹⁰ Адрес указан автором ошибочно. Правильно: М. Межлаука, 1.

вольно, по собственному желанию, покинул свой пост, уйдя на заслуженный отдых, продолжив работу доцентом кафедры педагогики (можно упомянуть, что Ю.А. Туишев окончил в Москве Академию комвоспитания им. Н.К. Крупской, где слушал ее лекции по педагогике, а также А.В. Луначарского, знаменитого педагога и психолога П.П. Блонского и многих других видных преподавателей педагогической науки).

Новому директору досталось сложное наследие. Здание бывшего реального училища, расположенное рядом с центральным рынком, где в годы войны был госпиталь, находилось в крайне запущенном состоянии. Некоторое время оно было фактически без хозяина. Любой мог зайти в него и делать там все, что ему захочется. В здании царил антисанитария, нижний этаж был загажен, и руководству во главе с Ю.А. Туишевым пришлось принять весьма энергичные меры по наведению порядка, тем более, что в нем расположились дирекция, учебная и хозяйственная части, библиотека, а также факультеты физико-математический, естественно-географический, иностранных языков.

В громадном здании было печное отопление, стояли полукруглые «голландские печи», для обслуживания их требовалось много дров и специальные печники. Топить их в холодное время года приходилось ежедневно. Это создавало много неудобств: тогда в конце 40-х – начале 50-х гг. Ю.А. Туишев принял смелое решение – устроить в институте паровое отопление, не имея на то разрешения Минпроса РСФСР. Ведь перевод на центральное теплоснабжение требовал немалых затрат. Однако Юсеф Ахметжанович рискнул: он распорядился сломать все старые печи и перевести главное здание на центральное отопление. Московские чиновники были недовольны таким своеволием руководителя. Он был вызван в Москву для «промывания мозгов», но все закончилось благополучно. Принявший его первый зам.минпроса А.М. Арсеньев, учившийся вместе с Ю.А. Туишевым в Академии комвоспитания в Москве, слегка пожурив его, сказал в заключение беседы, что «победителя не судят» и закрыл «отопительную проблему» в КГПИ.

Постепенно стали решаться и другие вопросы. Рядом с главным зданием было построено третье здание, институту были переданы здания бывшей консерватории, где начал работать муз-

педфак, школы № 39 и бывшего Местпрома, для студентов построено общежитие. Значительно позднее при других руководителях выстроили специальные здания для факультета физвоспитания и два студенческих общежития на ул. Пушкина. Это позволило усилить прием сельских абитуриентов.

Нельзя не сказать несколько слов об историческом факультете. Он располагался во втором здании (К. Маркса, 74), в помещении бывших Высших женских курсов – прекрасном здании с большим двухсветным залом и очень малым количеством аудиторий. Самой знаменитой была большая 8-я аудитория, где были еще столы дореволюционного времени.

В 1945 году, когда я начал там работать, истфак состоял из двух профилирующих кафедр – истории СССР и всеобщей истории. Первую возглавлял выпускник института, кандидат исторических наук доц. А.Н. Григорьев, вторую – кандидат исторических наук доц. М.Д. Бушмакин. Остальные преподаватели кафедр ученых степеней и званий тогда не имели.

А.Н. Григорьев был желчным, к тому же больным человеком. Он считался знатоком системы известного просветителя XIX века Н.И. Ильминского, причем оценивал его с сугубо классовых и архипартийных позиций. Он усматривал в нем только отрицательные черты и характеризовал его как русификатора татарского населения. Особой эрудицией он не обладал, преподавателем был весьма посредственным, по отзывам студентов, лекции по истории СССР читал скучно и неинтересно. Особой популярностью в коллективе он не пользовался.

Совсем другой личностью был М.Д. Бушмакин, соединявший в своем лице век нынешний и век минувший. Это был интеллигент в самом высоком и благородном значении этого слова. В 1906 году в возрасте 24-х лет он окончил историко-филологический факультет Казанского университета, после чего успешно трудился в коммерческом училище (ныне это здание Казанской сельскохозяйственной академии на ул. К. Маркса).

В Казанском пединституте он начал работать с 1919 года и окончил свою деятельность в 1957 году, выйдя на пенсию, будучи удостоен в свое время высшей награды государства – ордена Ленина.

Это был широко образованный и высокоэрудированный преподаватель, обладавший спокойным, уравновешенным характером. Бушмакин в совершенстве знал французский язык, до революции был за рубежом и вывез из Франции жену – Жанну Николаевну. Она плохо говорила по-русски, и супруги общались между собой на французском языке (она преподавала в нашем институте французский язык). Детей своих у них не было, и они воспитывали двух приемных детей – Мишу и Веру. Последняя в свое время окончила факультет физвоспитания нашего института.

Сам Михаил Дмитриевич преподавал историю средних веков и считался авторитетным медиевистом. Когда я учился в университете, он читал нам историю первобытного общества, а медиевистику мы слушали у классиков этой дисциплины – чл.-корр. АН СССР (позднее академика) Е.А. Косминского и профессора Б.Ф. Поршнева. М.Д. Бушмакин был любимцем студентов, являя собой пример высокогуманного преподавателя, почти никогда не ставившего плохих отметок.

До сентября 1945 года он был и деканом исторического факультета. В годы войны (1942 г.) он защитил в Казанском университете кандидатскую диссертацию на тему «Внешняя политика Генриха IV». Официальными оппонентами выступали академик Е.В. Тарле и профессор Б.Ф. Поршнев. Они высоко оценили труд диссертанта, и ученый совет единогласно присвоил ему ученую степень кандидата исторических наук.

С Михаилом Дмитриевичем у меня сложились превосходные отношения. Позднее, будучи деканом истфака, я дважды организовывал ему юбилейные чествования – в связи с 70-летием и 75-летием со дня его рождения. Особенно торжественным был последний юбилей в 1957 году. Он проходил в актовом зале главного здания. Было очень много народа, перед началом торжественного заседания духовой оркестр исполнил Государственный Гимн СССР. Юбиляр получил множество приветствий и поздравлений, до глубины души был растроган оказанным ему вниманием руководства и всего коллектива института.

Как реликвию, как память о своем учителе берегу подаренные им мне книги – дореволюционную пятитомную «Русскую историю с древнейших времен» М.Н. Покровского с дарственной

надписью и раритетную книгу «Краткая история г. Казани» М.С. Рыбушкина 1850 года издания. В одном из номеров институтской газеты «За педагогические кадры» мною был опубликован большой очерк о жизни и деятельности старейшего ученого нашего института.

М.Д. Бушмакина не стало в ноябре 1962 года. Похоронили его на Арском кладбище г. Казани, где скромный памятник на его могиле, поставленный родственниками, напоминает об этом замечательном преподавателе и обаятельном человеке.

Исторические дисциплины на кафедрах тогда преподавали скромные труженики, без громких имен, ученых степеней и научных званий. Самая высшая должность преподавателя истории была старший преподаватель.

Таковыми на кафедре истории СССР были Е.И. Устюжанин, Е.А. Горбачева, И.М. Ионенко, сменивший М.Д. Бушмакина на посту декана исторического факультета, А.И. Чернов. В 1948 году в этот ранг «неприкасаемых» возвели и меня, бывшего до того ассистентом, да к тому же работавшего сразу на двух кафедрах, имея там по полставки.

В связи с этим произошел следующий инцидент. В 1946/1947 учебном году я был вызван к и.о. директора института И.И. Назарову (Ю.А. Туишев выехал в отпуск).

В довольно резкой форме он стал выговаривать мне, почему я работаю на двух кафедрах, читаю разные лекционные курсы, что было сущей правдой. Действительно, я читал курс истории СССР XIX века на историческом факультете, там же – курс историографии истории, общий курс истории СССР – на литературном, всеобщую историю – на географическом факультете, историю Франции на французском отделении ин.яза, а также лекции о четвертой пятилетке.

Конечно, для настоящего вузовского специалиста это недопустимо, и в своих претензиях ко мне И.И. Назаров был совершенно прав. Я сказал Назарову, что меня интересует отечественная история и был бы очень рад, если бы меня перевели полностью на кафедру истории СССР. Так это и произошло в следующем учебном году. Позднее я узнал, что пожаловался на меня Назарову зав. кафедрой истории СССР А.Н. Григорьев, вместо того, чтобы на факультете решить этот не очень сложный вопрос.

В 1947 году он скончался от туберкулеза, и кафедра перешла к моему университетскому преподавателю Е.И. Устюжанину. Под его руководством я проработал почти 20 лет, а затем я в декабре 1967 года сменил Евгения Ивановича на посту зав. кафедрой истории СССР КГПИ, которую возглавлял до конца 1985 года. Об этом замечательном человеке, ставшем моим наставником и другом, я более подробно расскажу в другом месте.

Историю СССР советского периода студентам преподавал А.И. Чернов, выпускник МИФЛИ, участник Великой Отечественной войны, демобилизованный из Советской Армии в 1946 году в звании майора и награжденный многими правительственными наградами.

Это был знающий, начитанный преподаватель, хорошо знавший литературу по читаемому им курсу. Он был требовательным преподавателем, не любил студентов-лентяев и тех, кто без уважительных причин пропускал учебные занятия. Последних он называл растратчиками, подчеркивая, что они впустую тратят время, отпущенное на овладение избранной специальностью. А.И. Чернов преподавал позднее методiku истории и являлся старшим методистом кафедры.

Он не был ярким лектором, читал лекции монотонно, но давал студентам богатый фактический материал. Анатолий Иванович был очень принципиальным человеком, строго придерживался партийных установок в процессе преподавания истории, пользовался заслуженным авторитетом среди преподавателей и студентов. В 1966 году коллектив факультета тепло проводил А.И. Чернова на заслуженный отдых: состояние здоровья не позволило ему продолжить работу в институте. Он скончался в возрасте 77 лет в 1983 году.

Семинарские занятия по истории СССР проводила Е.А. Горбачева (1905–1980 гг.). Это была добрая женщина, быстро сходявшаяся с людьми. Среди ее знакомых были маршал авиации К. Вершинин, профессор биологии Ф. Дворянкин, семья академика Б.Д. Грекова и другие.

Научный багаж Евдокии Андреевны во многом устарел и почти не пополнялся. Но ее человеческая душевность, доброе отношение к студентам и коллегам-преподавателям с лихвой компенсировали ее другие минусы. Ее дочь Люся также училась на

нашем факультете, затем длительное время преподавала историю, а внучка Наташа, окончившая истфак университета, многие годы работает на кафедре отечественной истории советского периода КГУ и ныне завершает работу над докторской диссертацией. Е.А. Горбачева оставила о себе добрую память в коллективе института.

Несколько лет членом кафедры истории СССР была старейшая учительница Казани (она работала в школе № 15) Надежда Николаевна Яснитская. Она преподавала студентам методику истории и в свое время была награждена орденом Ленина. Ее корни находились в бывшей Симбирской губернии, где ее отец Николай Сергеевич Яснитский был преподавателем той гимназии, где учился Владимир Ульянов и более того, был классным наставником ульяновского класса (его подпись имеется на аттестате зрелости, выданном В. Ульянову после окончания гимназии). Надежда Николаевна окончила в Казани Высшие женские курсы и всю жизнь преподавала историю. В научном плане она изучала жизнь и деятельность П.Я. Чаадаева, готовила на эту тему кандидатскую диссертацию. К сожалению, работу до конца не довела, оставила тему и вскоре вышла на пенсию. Она умерла в 1972 году восьмидесяти шести лет от роду. Это был высокообразованный преподаватель дореволюционной школы, яркий представитель старой интеллигенции.

Несколько занятий по методике провела замечательный учитель-новатор школы № 19 г. Казани, историк-орденоносец Надежда Евгеньевна Козырева. К сожалению, она заболела и в скором времени ушла из жизни.

Некоторые преподаватели работали на условиях почасовой оплаты. Среди них можно бы добрым словом упомянуть Розу Григорьевну Виноградову. Она прекрасно преподавала основы Советского государства и права, строила свои занятия на высоком научном уровне, излагала их доходчиво и ярко, в совершенстве владела русским языком. Ее супруг композитор Ю. Виноградов был профессором Казанской консерватории.

Большой популярностью среди студентов-историков и коллег-преподавателей пользовался Иван Михайлович Ионенко. Он был выпускником Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, учеником видного советского историка профессора В.В. Мав-

родина, зав. кафедрой истории СССР ЛГПИ. Возвратившись после войны в институт в звании капитана, Иван Михайлович с присущей ему неутомимой энергией, с юношеским задором включился в работу, став деканом исторического факультета КГПИ. Тогда факультет располагался в здании ТИУУ, там же была и его квартира.

Высокий, стройный, с аристократическими чертами лица, красавец-мужчина Ионенко, человек весьма демократичный, был кумиром студентов-историков, особенно девушек. Но, к их огорчению, он был уже женат на Ольге Владимировне Меньшиковой, также работавшей в нашем институте на кафедре русской литературы.

Иван Михайлович поручил мне разработать и начать с 1946 года чтение лекций по российской историографии. Его не смущало, что я был на кафедре самым молодым и еще весьма неопытным преподавателем, а курс требовал фундаментальной подготовки. Подводить мне его не захотелось, и я засел за изучение специальной литературы, поскольку тогда был единственным курс «Русская историография», написанный профессором Н.Л. Рубинштейном. Позднее эта книга подверглась сокрушительной и недобросовестной критике в период борьбы с т.н. «космополитизмом».

Так или иначе, но с 1946/47 учебного года я приступил к чтению лекций по историографии и продолжаю читать его до сих пор, подготовив себе достойную замену в лице своего ученика и члена нашей кафедры Олега Владимировича Сеницына. 20 апреля 2000 года он блестяще защитил докторскую диссертацию и был утвержден в ученой степени доктора исторических наук, а немного позднее избран профессором кафедры.

Работать с Иваном Михайловичем в КГПИ мне пришлось недолго. Позднее, уже став доктором исторических наук, он заведовал кафедрой истории СССР Казанского университета. Ему было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Татарстана.

Но совместная работа с И.М. Ионенко продолжалась. Он заведовал кафедрой истории СССР вечернего университета марксизма-ленинизма казанской ГК КПСС, где я преподавал 42 года (1945–1987 гг.).

Иван Михайлович – автор интересных мемуаров «Нам жить и помнить», где изложены его воспоминания об участии в Великой Отечественной войне. Автор подарил мне свою книгу с трогательной надписью. Она постоянно напоминает мне о чудесном человеке, глубоком знатоке отечественной истории вообще и советского периода в особенности. Он умер в 1989 году в возрасте 76 лет.

Одним из замечательных преподавателей отечественной истории и института в целом был любимец студентов-историков, выдающийся ученый, позднее Заслуженный деятель науки ТАССР Евгений Иванович Устюжанин, чья жизнь была тесно связана с институтом 33 года (1935–1968).

Я неоднократно писал о Е.И. Устюжанине, в последний раз – в 1999 году в сборнике статей, посвященном 60-летию создания в Казанском университете исторического факультета (см. очерк «Первый заведующий»).

В первый раз я встретился с ним 1 сентября 1940 года, когда стал студентом исторического отделения исторического факультета КГУ. Это была самая первая в моей жизни студенческая лекция, которую я прослушал как университетский первокурсник. Всем нам, собравшимся в т.н. «бутлеровской аудитории» во дворе университета, где хранились препараты, изготовленные еще самим А.М. Бутлеровым, очень понравились как сам лектор, так и прочитанная им лекция «Введение в курс истории СССР».

Евгений Иванович тогда являлся и.о. зав. кафедрой истории СССР в университете, местом же его постоянной работы был педагогический институт. В конце учебного года по направлению Наркомпроса в КГУ прибыл новый заведующий кафедрой, молодой кандидат исторических наук, ученик профессора М.Ф. Приселкова Владимир Борисович Донской. Он же и продолжил чтение курса истории СССР, начатое его предшественником.

Евгений Иванович часто присутствовал на заседаниях студенческого исторического кружка, и я имел возможность встречаться с ним в неформальной обстановке, тем более, что вскоре был избран председателем студенческого научного кружка всего факультета. Встречались мы с ним и на «Краеведческих средах» в Государственном музее Татарстана, которым руководил замеча-

тельный музейный работник, директор музея В.М. Дьяконов (1906–1984).

Особенно бурным было заседание, посвященное обсуждению книги «Жизнь замечательных людей в Казани». На заседании присутствовали казанские ученые-историки и краеведы, а также студенческий актив истфака КГУ. Острой критике подвергся очерк о А.П. Щапове, написанный профессором-медиком, позднее действительным членом АМН В.Н. Терновским.

Всестороннюю оценку труда профессора-медика дал студент II курса истфака КГУ Г.Н. Вульфсон, ныне выдающийся ученый-историк, заслуженный деятель науки РФ и РТ, профессор кафедры отечественной истории до XX века КГУ. Он хорошо знал материал по Щапову, т.к. изучал «Колокол» А.И. Герцена в связи с событиями в Бездне в апреле 1861 года. Он прямо обвинил В.Н. Терновского в научной недобросовестности, а точнее, в плагиате, поскольку его материал представлял собой пересказ работы о А.П. Щапове, принадлежавший Н. Арсентьеву, дореволюционному автору.

В своем выступлении я добавил перцу в адрес автора очерка, начав его словами басни И.А. Крылова: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник – и дело не пойдет на лад».

Завязался острый разговор. Автор пытался как-то оправдать свою недобросовестность и в конце выступления заявил, что очерк о Щапове писал не он, а ... его жена... В итоге было принято решение опубликовать рецензию на сборник в газете «Советская Татария» и составлена комиссия в лице известного краеведа Н.Ф. Калинина, безвестных тогда студентов Г.Н. Вульфсона и Н.П. Мунькова. Рецензия вскоре появилась, и за одной подписью – Н. Калинина. По-видимому, мнение студентов было сочтено неавторитетным для этой газеты.

Наша следующая встреча с Евгением Ивановичем произошла в августе 1945 года в доме отдыха «Шеланга», где обычно отдыхали казанские ученые и студенты. Дом отдыха располагался на высоком правом берегу Волги в живописной местности. Купаться же отдыхающие переправлялись на левый берег, где располагались созданные самой природой песчаные пляжи.

После окончания университета я тоже получил путевку в Шелангу, куда и прибыл в августе, как раз в день объявления Советским Союзом войны Японии.

В Шеланге было много знакомых и друзей, в их числе профессор Ветинститута Н.А. Васнецов с женой и дочерью, доц. КГПИ И.А. Рахлин, директор Госмузея В.М. Дьяконов, мои друзья М. Булатов, Л. Тузов, В. Виноградов и др.

В один из дней в Шелангу прибыл на «побывку» только что демобилизовавшийся из армии Е.И. Устюжанин. Он был в военной форме капитана Советской армии, и я был в числе немногих лиц, которые видели его в военной экипировке. Военная форма очень шла Евгению Ивановичу. Наша встреча была очень теплой, мы вспомнили университетские годы, отдельных лиц, и не думали, что очень скоро наши судьбы на долгие годы пересекутся в КГПИ.

Вскоре он стал там зав. кафедрой, а я начал работать ассистентом этой кафедры. Постепенно мы стали не только коллегами, но и большими друзьями. Я считаю его вместе с Ю.А. Туишевым своим наставником и воспитателем, незабываемым человеком, оставившим неизгладимый след в моей душе и сердце.

Е.И. Устюжанин был человеком сильной воли и характера, твердокаменным большевиком (он состоял членом партии с 1928 года), архипринципальным человеком, умным руководителем, который никогда не повышал голоса на своих подчиненных. Члены кафедры обожали своего руководителя, старались как можно лучше выполнять даваемые им советы и указания. Позднее, когда в 1968 году Е.И. Устюжанин тяжело заболел, члены кафедры распределили его нагрузку между собой, чтобы он мог спокойно получать свою зарплату.

Устюжанин был широко образованным и эрудированным ученым, с ним можно было обсуждать любые вопросы. Он любил шутку, юмор, дружеские застолья, был веселым, жизнерадостным человеком, как говорят в таких случаях, «душой общества».

Вместе с тем это был серьезный ученый, много занимавшийся аграрными вопросами. Его кандидатская диссертация была посвящена крестьянскому движению в Казанской губернии накануне и в период отмены крепостного права. Фактически одним из первых он детально изучил бездненские события 1861 го-

да, и сделанные им выводы прочно вошли в историческую науку. События в Бездне он и другие историки характеризовали как восстание, хотя современная наука более взвешенно оценила их как волнения. В дальнейшем Евгений Иванович начал глубоко изучать историю коллективизации сельского хозяйства в Татарстане, готовя на эту тему докторскую диссертацию. Однако болезнь помешала ему завершить эту тему, хотя ряд статей по этому вопросу был опубликован им в печати и включен затем в обобщающий труд «История Татарской АССР».

Хотя концепция коллективизации в работах Евгения Ивановича не выходила за рамки господствовавших в те годы установок, отдельные наблюдения и выводы ученого представили тогда значительную ценность. Как высокоавторитетный ученый, заслуженный деятель науки ТАССР, Е.И. Устюжанин был избран членом Национального Комитета советских историков и до конца своей жизни достойно и в единственном числе представлял Татарстан в этой организации. Плодотворная научная и общественная деятельность ученого была отмечена рядом государственных наград, а также его избрали депутатом Молотовского райсовета г. Казани.

В личной жизни Евгений Иванович не был счастлив. Его первая жена отказалась выехать в Казань из Ленинграда, где Евгений Иванович закончил аспирантуру под руководством академика Б.Д. Грекова и был направлен Минпросом на работу в КГПИ. Неудачным был и второй брак Евгения Ивановича с В.Н. Федоровой, тогда доцентом, а позднее доктором педагогических наук, профессором АТИН РСФСР, такая же судьба постигла и третий его брак.

Все эти неурядицы отрицательно сказывались на жизни и деятельности Евгения Ивановича, фактически совершенно одинокого человека – со всеми бытовыми неурядицами. Это начало сказываться и на кафедральных делах, поэтому во второй половине 1967 года возник вопрос об его освобождении от должности зав. кафедрой. В силу сложившейся ситуации я был на кафедре единственный, кто мог заменить Евгения Ивановича, поскольку я был тогда проректором по учебной работе и старейшим по стажу работником этой кафедры.

В конце августа я уехал в отпуск, а когда возвратился обратно, Ю.А. Туишев сказал мне, что у Евгения Ивановича ко мне имеются какие-то претензии и предложил мне поговорить с ним, что я и сделал. Выяснилось, что какие-то «недоброжелатели» (не историки) стали наговаривать на меня Евгению Ивановичу, что я хочу сместить его с должности и самому занять его место. По-видимому, эта версия провокаторов показалась ему первоначально правдоподобной, учитывая к тому же его болезненное состояние. Как бывший сотрудник СМЕРШа, Евгений Иванович начал свою проверку, которая показала всю вздорность возводившего на меня поклепа. Декан факультета физвоспитания Ш.Х. Галеев прямо сказал Евгению Ивановичу, что он стал жертвой вздорной клеветы и что он, Галеев, начисто отменяет эти вымыслы. В этом же ключе были и ответы других порядочных людей, вставших на мою защиту.

Надуманый конфликт между нами был фактически ликвидирован. Поскольку конкурс на занимаемую должность зав. кафедрой был объявлен, я сказал Евгению Ивановичу, что буду подавать заявление только с его личного согласия. До заседания Ученого Совета оставался один день. По-видимому, Евгений Иванович все же интересовался, подал я заявление или нет. Он убедился, что моего заявления не было. Тогда он подошел ко мне и сказал: «Берите кафедру, она стала для меня тяжела». Ученый Совет избрал меня заведующим кафедрой истории СССР. На нем выступил Евгений Иванович и лично рекомендовал меня к избранию. Все же 6 голосов «против» я набрал.

Я посоветовал ректору М.З. Закиеву достойно проводить Устюжанина с поста руководителя кафедры. Мною от имени Ученого Совета был написан и зачитан теплый адрес, в котором были отмечены заслуги Евгения Ивановича в руководстве кафедрой, а ректор в своем выступлении сказал, что Евгений Иванович останется и впредь духовным отцом кафедры истории СССР. Таких сердечных проводов в институте больше не было. Очень жалею, что мне не пришла мысль избрать Е.И. Устюжанова пожизненным почетным заведующим кафедрой, он вполне этого заслуживал.

Евгений Иванович скончался 23 ноября 1968 года на шестьдесят шестом году жизни. Скромный памятник на его могиле на

Арском кладбище, поставленный на средства, собранные его учениками и коллегами-историками Казани, напоминает нам об этом замечательном ученом и чудесном человеке. Много сил и энергии вложила в это дело член кафедры истории СССР Г.М. Мустафина, ныне доцент и заведующая этой кафедрой. Только наименование кафедры теперь другое – кафедра истории России.

В 1950–1970 гг. состав кафедры пополнялся новыми преподавателями, некоторые из них были выпускниками нашего исторического факультета.

Среди наших ветеранов прежде всего следует упомянуть Резеду Маликовну Бикметову (род. 4 фев. 1926 г.). Она поступила в КГПИ в 1946 году, будучи участницей Великой Отечественной войны, и после его окончания проработала в нем более 40 лет. Успешно защитила кандидатскую диссертацию, была утверждена в звании доцента кафедры истории СССР, став одним из ведущих ее преподавателей. Многие годы она успешно читала курс истории России периода феодализма и вела семинары по этому периоду. Позднее она разработала курс методики преподавания истории и обществознания, в качестве старшего методиста руководила педпрактикой студентов.

Резеда Маликовна в совершенстве знала изучаемый со студентами материал, постоянно обогащала свои лекции новым материалом, давая студентам фундаментальные знания. Но и требовала со студентов по-настоящему, не допуская либерализма в оценках их ответов. Поэтому студенты, особенно нерадивые, побаивались Резеду Маликовну, зная, что ответы «на шару» и при помощи хитроумных шпаргалок у нее не пройдут. Отличительной чертой Бикметовой была четкость, принципиальность, высокая требовательность к себе, своим товарищам и студентам.

Резеда Маликовна была активным общественником. Многие годы она являлась академруководителем, избиралась в состав партбюро факультета, выполняла другие поручения деканата и кафедры. С ней было легко работать, она внесла весомый вклад в подготовку учителей истории для школ нашей республики. Сейчас она находится на заслуженном отдыхе, но продолжает интересоваться жизнью факультета. Мне особенно приятно писать о Резеде Маликовне. Ведь я знаю ее 54 года, со студенческих лет, сам был академруководителем группы, где она училась. Это была

прекрасная группа, которая не теряет своих связей, в 2000 году она отметила 50-летие со дня окончания института, ныне университета. Неутомимая Резеда Маликовна – ведущий организатор и вдохновитель таких нужных и полезных встреч, которые вот уже полвека продолжают регулярно один раз в пять лет.

В сентябре 1953 года членом кафедры стала молодой преподаватель, только что окончившая классическое отделение университета – Ирек Мухамедовна Абдрашитова, обаятельная, милая девушка с черными, как смоль волосами (1929–1990 гг.). Она также проработала на кафедре около сорока лет и заслужила любовь как преподавателей, так и студентов. Для последних она была чуткой, внимательной и отзывчивой матерью. Отличительной чертой И.М. Абдрашитовой была исключительная интеллигентность. Это был преподаватель высокой квалификации. Она успешно разработала и читала курс по истории Татарстана, проводила интереснейшие семинарские занятия по теме «Культура России XIX века и ее мировое значение». Этот семинар я передал ей, поскольку первым начал проводить его на нашем факультете. Ирек Мухамедовна усовершенствовала его, внесла много нового в его проведение. В научном плане Ирек Мухамедовна изучала научные исторические общества Татарстана и опубликовала на эту тему ряд содержательных статей. Она принимала активное участие в написании учебников по истории Татарии для школ республики. Эти книги, написанные в соавторстве с другими учеными кафедры, получили положительную оценку педагогической общественности. Диссертации она не защищала.

Ирек Мухамедовна была кристально честным и чистым человеком. Она ненавидела подлость, интриги, подхалимство. Ее фотография, помещенная на кафедре, всегда будет напоминать людям об этом прекрасном преподавателе и обаятельном человеке.

Длительное время на кафедре проработала Эмма Хуснутдиновна Мухаметзянова (род. в 1932 г.). Многие годы в нашем же институте в бухгалтерии работала ее мама Муслима Латыповна Гарагуля. Эмма Хуснутдиновна с отличием окончила истфак нашего института, немалое время проработала зав. кабинетом истории, а затем была принята на кафедру истории СССР специально для занятий со слушателями подготовительного отделения.

Это был честный, дисциплинированный и трудолюбивый работник. Она разработала курс лекций для своих слушателей, успешно его преподавала и выполняла все поручения, даваемые ей кафедрой и общественными организациями. Я неоднократно в качестве зав. кафедрой посещал ее занятия и всегда оставался удовлетворенным их научным уровнем. Позднее, уже без меня, у нее возникли недоразумения с новым зав. кафедрой профессором В.В. Ивановым и в связи с достижением пенсионного возраста Эмма Хуснутдиновна покинула кафедру.

Около двух десятилетий на кафедре проработал старшим преподавателем Юрий Константинович Краснов. Он был воспитанником нашего института, преподавал историю СССР и методику преподавания истории, а также использование технических средств в учебном процессе.

Это был человек средних способностей, но честный, добросовестный и знающий. Под моим руководством он написал кандидатскую диссертацию «М.Н. Покровский как историк внешней политики России». Однако его много консультировал сотрудник ИМЛ О.Д. Соколов, защитивший о Покровском докторскую диссертацию и издавший о нем монографию «М.Н. Покровский и советская историческая наука». Консультировался он и у ряда московских ученых (Г. Трукан и др.). Диссертация была успешно защищена в КГУ (первым оппонентом был известный историк из Томска профессор Б.Г. Могильницкий), но затем отклонена ВАКом. Вызванному на заседание ВАКа Ю.К. Краснову задавали странные вопросы, почему, например, ничего не говорится в диссертации о критике Мао Цзэдуна и др. Особенно усердствовал профессор А.М. Сахаров, считавший себя классиком историографии. Это был умный и знающий ученый, но полагавший, что новое слово в науке может произноситься только в Москве, но отнюдь не на периферии. Я называю это «центропупия». По-видимому, этой же болезнью были заражены и некоторые другие члены ВАКа.

Это неутверждение отрицательно повлияло на Краснова. Он серьезно заболел, сильно поднялось давление, он был госпитализирован и 12 мая 1976 года скончался. Вскоре после этого печального события в Москву в командировку поехал Г.Ф. Шамов, мой большой друг и видный историк КГУ. Там он встретился с

А.М. Сахаровым. Последний спросил Шамова, почему Краснов не едет с доработанной диссертацией, поскольку кардинальных изменений вносить в нее не предлагалось. Шамов сказал, что Краснов умер, что повергло Сахарова в шоковое состояние. А вскоре, в 1978 году, ушел из жизни и сам историографический ортодокс А.М. Сахаров.

В 1970-е годы кафедра истории СССР пополнилась тремя новыми, очень перспективными преподавателями. Из Томского университета на нашу кафедру был принят доцент В.В. Иванов, известный специалист по методологии и историографии, ученик выдающегося историка, профессора А.И. Данилова, ставшего затем министром просвещения РСФСР. Я пригласил его с перспективой, что он в свое время заменит меня на посту зав. кафедрой.

К 1970 году он имел ряд опубликованных серьезных работ, а в 1971 году в возрасте 32 лет защитил докторскую диссертацию. Его пригласили на работу в Москву в ИМЛ, но первый секретарь ОК КПСС Ф.А. Табеев не отпустил его в столицу, а взял на работу в ОК КПСС зав. отделом науки, и затем в 1976–1979 гг. он работал министром просвещения Татарии.

Некоторое время В.В. Иванов работал в ИМЛ, а затем возвратился в Казанский университет. Однако в КГУ В.В. Иванов проработал недолго. В результате возникшего конфликта он оказался вынужденным перейти на работу в пединститут на должность зав. кафедрой истории СССР. Но и здесь у него произошел конфликт с руководством КГПИ. Дело приняло для Иванова худой оборот. Был поставлен вопрос о его партийности. На общем партсобрании истфилфака он был исключен из КПСС. В своем выступлении я предложил ограничиться строгим выговором с занесением в личное дело. Лишь два члена партии поддержали это предложение. Так Иванов оказался вне партии и вне института.

Осудив неправильное поведение В.В. Иванова, я продолжал и продолжаю считать его видным ученым-историком, крупным специалистом в области методологии истории, автором серьезных историографических трудов. При В.В. Иванове на кафедре была восстановлена аспирантура, и были подготовлены первые кандидаты наук по этой специальности. В основном это были выпускники-историки нашего института. В их числе А.П. Кулапин, Э.А. Салимова, военный (*ФИО в тексте не указаны.* – *Ред.*), Анатолий Фила-

тов (сейчас д.и.н., профессор), Г.М. Мустафина. Оппонентами выступали видные ученые из Москвы. Все защитившие диссертации были утверждены в ученой степени кандидата исторических наук.

С 1 сентября 1970 года доцентом кафедры стала Клара Романовна Сеницына, многие годы работавшая зам. директора Госмузея Татарстана. Свою деятельность она начала с работы на подготовительном отделении, где преподавала общий курс истории СССР. В связи с переходом в другой вуз на должность зав. кафедрой д.и.н. А.Л. Литвина ей было поручено разработать курс истории СССР советского периода. В те годы этот курс считался самым главным, и Клара Романовна успешно справилась с этим поручением. Данный курс она читала почти 25 лет.

К.Р. Сеницына оказалась очень активным и трудоспособным членом кафедры. Она обладала замечательной коммуникативностью, быстро находила общий язык с преподавателями и студентами, пользовалась их большим уважением. Она, можно сказать, горела на работе, успевала везде и всюду. Кроме курса истории СССР она читала лекции по вспомогательным историческим дисциплинам, что во многом расширяло эрудицию и кругозор самого преподавателя, делало его высококвалифицированным специалистом. Много энергии отдавала она созданию школьных учебников по истории Татарстана. Клара Романовна была активной общественницей, неоднократно избиралась в состав парткома института, выполняя другие серьезные общественные поручения. Она скончалась в 1997 году.

На нашем факультете учился сын Клары Романовны Олег. Отличник учебы, после окончания института он был принят в аспирантуру, успешно защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию, и длительное время работает на нашей кафедре, ведет ответственные курсы по отечественной истории, историографии, был деканом факультета.

В 1975 году на кафедре начала работать талантливая выпускница исторического отделения КГПИ Гульшат Мударисовна Мустафина, ныне доцент, кандидат исторических наук, зав. кафедрой истории России. Ее отец, известный журналист, заслуженный работник культуры РФ и РТ, в свое время также окончил наш исторический факультет, правда, по ОЗО. С первых же дней поступления на учебу выпускница известной в городе «англий-

ской» школы № 18 Гуля Мустафина обратила на себя внимание своей интеллигентностью, воспитанностью, высокой культурой и большой заинтересованностью в овладении историческими науками. Она стала одним из студенческих лидеров факультета. Газета КГПИ «За педкадры» посвятила ей большой очерк, рассказав читателям об этой замечательной студентке. Кстати, как отличница учебы и активная общественница, она была награждена высокой правительственной наградой республики – Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ТАССР.

Наряду с отличной учебой она активно участвовала в научной работе, на последнем курсе написала и блестяще защитила дипломную работу, занималась с архивными документами в Доме Плеханова в Ленинграде, куда специально была командирована. Мне выпала честь быть ее научным руководителем. Это была моя единственная и неповторимая дипломница, т.к. в дальнейшем я не брал никаких дипломантов.

Один год после окончания института она проработала на кафедре политэкономии ввиду отсутствия вакансий на нашей кафедре. Но с 1975 года она по моей просьбе как заведующего кафедрой была переведена к нам, где плодотворно работает и в наши дни. Гульшат Мударисовна разработала курс по истории России XIX века, проводила и проводит семинарские занятия по этому периоду, руководит педпрактикой студентов, а также написанием дипломных работ на интересные, во многом новаторские темы.

Отличительными ее чертами являются требовательность к себе и к другим, большое чувство ответственности за порученное дело, доброжелательное отношение к студентам и коллегам по работе, высокая исполнительская дисциплина, желание прийти на помощь в нужных случаях. В мою бытность зав. кафедрой Гульшат Мударисовна оказывала мне большую помощь и содействие, помогала в проведении кафедральных мероприятий. Она была и остается одной из ключевых фигур кафедры и вполне закономерно, что ныне является ее заведующей.

Более 13 лет проработал на кафедре в качестве ведущего ученого по истории СССР советского периода Алтер Львович Литвин, ныне один из виднейших историков Татарстана и РФ, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ и РТ,

профессор кафедры историографии и источниковедения КГУ, бывший длительное время ее заведующим.

Алтер Львович был одним из членов кафедры, активно занимавшихся наукой. На нашей кафедре он защитил докторскую диссертацию «Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны», издал монографическое исследование под таким же названием, помогал издавать кафедральные сборники по историографии и источниковедению. В них принимали активное участие видные историки Москвы и Казани – А.А. Зимин, С.М. Каштанов (ныне член-корреспондент РАН), Р.И. Нафигов, академик АНТ, профессора Г.Н. Вульфсон, И.Р. Тагиров, Е.И. Медведев, аспиранты нашей кафедры. Позднее А.Л. Литвин перешел на работу зав. кафедрой отечественной истории в КХТИ и КГУ¹¹.

Работать с ним было очень приятно. Он в совершенстве знал свой материал, умел хорошо преподнести его, владея английским языком, привлекал иностранную литературу, одним словом, давал студентам богатейший и новейший материал. У меня сложились с ним самые добрые отношения, и было очень жалко отпускать его в другой вуз. Позднее А.Л. Литвин написал ряд исследований, посвященных реабилитации ученых-историков, ставших жертвой произвола и беззакония в период культа личности (С.А. Пионтковский, Н.И. Ванаг, Н.Н. Эльвов, Е.С. Гинзбург и др.). Эти труды получили высокую оценку научной общественности Татарстана, а их автор стал лауреатом Государственной премии нашей республики. Он внес также значительный вклад в создание учебников и учебных пособий по истории и краеведению для школ нашей республики.

При кафедре работал студенческий научно-исследовательский кружок, в 1951 году был создан воскресный лекторий для учащихся, пользовавшийся успехом у старшеклассников. Для них читались лекции по актуальным проблемам исторической науки, внешней политике дореволюционной и советской России. В отдельных случаях привлекались преподаватели других общественных кафедр. Так, интересную лекцию по философским проблемам прочитал зав. кафедрой философии, доктор

¹¹ В тексте неточность: в 1979 г. А.Л. Литвин стал заведующим кафедрой научного коммунизма КХТИ (впоследствии – кафедра политологии), а в КГУ возглавлял кафедру историографии и источниковедения. – Ред.

философских наук, профессор Х.Ф. Сабиров. Лекторий успешно действовал более двух десятилетий и был хорошей формой связи института и школы. В работе лектория принимали активное участие все основные преподаватели, включая зав. кафедрой.

В течение почти 40 лет (1947–1985 гг.) кафедра имела устойчивое, стабильное руководство. Это положительно сказывалось на ее работе. В течение 20 лет (1947–1967 гг.) кафедрой возглавлял видный и авторитетный ученый-историк Е.И. Устюжанин. Затем на протяжении 18 лет эта миссия пала на меня.

Послевоенные годы для преподавателя истории были очень сложными. Существовал беспощадный идеологический прессинг. Все преподавание строилось на базе единственной методологии – марксизма-ленинизма и любое отступление от канонов краткого курса ВКП(б) считалось недопустимым своевољством и строго наказывалось – вплоть до снятия с работы и исключения из партии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кстати, до 1949 года я был беспартийным преподавателем и лишь в этом году по рекомендации Е.И. Устюжанина и А.И. Чернова был принят кандидатом в члены партии.

Причем во время моего приема на заседании бюро Дзержинского райкома меня с первого захода в партию не приняли, поскольку я плохо знал место работы моего отца, Героя Труда, умершего в 1932 году от туберкулеза. Это был чистейший формализм, тем более, что на следующем заседании бюро я был принят единогласно.

Преподаванию истории очень мешали различные пропагандистские кампании, проводившиеся по указанию ЦК партии в связи с издававшимися в эти годы постановлениями: о журналах «Звезда» и «Ленинград», о кинофильме «Большая жизнь», о кинофильме «Нахимов» и второй серии кинофильма «Иван Грозный», о сталинских работах по вопросам языкознания, дискуссии о положении в биологической науке, о движении Шамиля и т.д.

Началась настоящая фальсификация истории. Все это очень осложняло процесс преподавания. В те годы в преподавании истории господствовали догматы сталинского краткого курса, положения которых были объявлены вершиной марксистской мысли современности. Правда, это не означало, что на каждой лекции нужно было обязательно цитировать «мудрые мысли» классиков

марксизма, к которым относились К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, И.В. Сталин. Но и систематически умалчивать об их оценках тех или иных событий было также делом далеко не безопасным.

Мне бы хотелось не согласиться с утверждением выпускника нашего истфака, позднее народного писателя Татарстана М.С. Магдеева. Я хорошо знал этого замечательного человека, с которым у меня сложились самые теплые отношения. После окончания института он некоторое время проработал учителем истории в Казанбашской средней школе и сумел создать там замечательный школьный музей, известный всей республике.

В 1991 году на страницах журнала «Идель» он дал интервью по вопросам истории вообще и Татарстана в особенности. Выказав совершенно справедливо свою неудовлетворенность тогдашними догматическими методами преподавания, он очень тепло отозвался о своих учителях в КГПИ. Магдеев писал: «Вообще-то моими учителями были знаменитые историки: Бушмакин – выпускник университета Сорбонны (выше говорилось, что Бушмакин окончил не Сорбонну, а КГУ в 1906 году), Устюжанин – крупный специалист по истории Поволжья, Шофман – специалист по истории Древней Греции и Рима, Рифкат Тагиров – специалист по коммунистическому движению... Ременников, Муньков, Трунский... Некоторых из них уже нет на свете». («Идел», 1991, № 2, с.46).

И далее он продолжал: «Несчастливые, они вынуждены были каждую лекцию завершать словами: «Как указывают товарищи Сталин, Жданов, Киров ... А эти товарищи, «любимые вожди», действительно в 1934 году «указали» истории «на место», опубликовав в печати соответствующие постановления».

Конечно, Мухаммед Сунгатович явно переборщил в данном случае. Я, например, никогда не говорил таких слов на своих лекциях, которые слушал Магдеев и группа, явно неправдоподобно звучали его слова о том, что главной причиной поражения восстания Спартака было то, что во главе восстания не оказалось такого стратега, как товарищ Сталин. Ни А.С. Шофман, ни А.М. Ременников не могли говорить на лекциях такую глупость. Тут М.С. Магдеев просто блеснул своим писательским мастерством, желая еще более оттенить вред культа личности и его проявления в исторической науке.

А партийные власти продолжали ужесточать свой идеологический прессинг. Не помню точно, то ли в конце 40-х, то ли в начале 50-х гг. в институт пожаловала комиссия по идеологической проверке преподавателей общественных наук. Для этого преподаватели соответствующих кафедр вызывались в ОК КПСС (на личную беседу).

В составе комиссии были три человека: директор института, зав. кафедрой и т.н. председатель комиссии из ЦК партии с неограниченными полномочиями. Нашу комиссию возглавляла женщина с тяжелым взглядом: ее глаза, казалось, насквозь прожигали собеседника и выворачивали наружу все твои недостатки. Создавалось впечатление, что кафедру она подозревала в чем-то нехорошем, в каждом преподавателе видела чуть ли не врага народа, пробравшегося на преподавательскую должность в вузе. Без сомнения, она была сотрудницей органов, которые, как говорили в то время, никогда не ошибались, т.е. спецслужб.

О чем она спрашивала меня, я сейчас уже вспомнить не могу. КГПИ был представлен Ю.А. Туишевым и Е.И. Устюжаниным. В результате «работы» этой комиссии директору было предложено уволить с работы без указания причин старшего преподавателя нашей кафедры коммуниста-фронтовика А.И. Чернова, старшего преподавателя кафедры политэкономии С.А. Козлову, супругу известного в Казани профессора-гинеколога И.Ф. Козлова, зав. кабинетом общественных наук и ассистента М.С. Круповой. С.А. Козлова была уже в возрасте, и Ю.А. Туишев уговорил ее добровольно уйти на пенсию, а вот А.И. Чернова, супруга которого М.С. Лидкова работала зав. отделом ОК КПСС, «взял на себя», не выполнив указаний о его увольнении.

Свой гуманный подход к людям Ю.А. Туишев проявлял многократно. Вскоре после завершения печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) в институт пришла из Минпроса телеграмма с просьбой сообщить, сколько вейсманистов-морганистов уволено из института. На острие меча у нас попал единственный преподаватель биологии, доцент В.С. Порфирьев, человек высокой интеллигентности и большой культуры, беспартийный. Его оппонентом была ярая лысенковка, доцент, позднее доктор педнаук, профессор, переехавшая в Москву, В.Н. Федорова, к тому же секретарь парткома института. Ректор поступил

мудро: примерно на месяц он задержал ответ Минпросу РСФСР и затем сообщил, что в КГПИ вейсманистов-морганистов нет, все преподаватели биологии строго придерживаются мичуринского направления.

Вообще следует сказать, что Ю.А. Туишев очень бережно относился к преподавателям, не разбрасывался ими направо и налево. Особо ценил способных и талантливых людей.

В 1957 году на должность зав. кафедрой физики КГПИ был приглашен молодой талантливый ученый, защитивший докторскую диссертацию, Камиль Ахметович Валиев. Юсеф Ахметжанович взял его с одним условием – он не покинет институт, за единственным исключением: если будет приглашен на повышение в Москву. Камиль Ахметович начал создавать в институте свою школу, виднейшим представителем которой является ныне Р.М. Юльметьев, профессор и зав. кафедрой физики.

Случилось так, что в 1964 году Валиев был приглашен в Москву в АН СССР. Вскоре он был избран членом-корреспондентом, а затем и академиком АН СССР, стал директором Физического института, лауреатом Ленинской премии и ряда других престижных премий. Ю.А. Туишев сдержал свое слово – без возражений отпустил его в столицу и всегда им гордился. Ныне К.А. Валиев является также действительным членом АНТ. Мировая наука приобрела в его лице выдающегося ученого физики современности.

Второй профилирующей кафедрой истфака была кафедра всеобщей истории во главе с патриархом института доц. М.Д. Бушмакиным, о чем было сказано выше.

Одним из старейших и уважаемых ученых этой кафедры был Ривгат Шакирзянович Тагиров (1903–1977 гг.) – сын известного татарского педагога Ш.А. Тагирова (1858–1918 гг.). Ривгат Тагиров был воспитанником института, долгие годы работал на этой кафедре вначале в должности старшего преподавателя, а позднее – доцента и профессора. Он читал новейшую историю, после ухода из института И.М. Ионенко он стал деканом факультета (до 1951 года).

Это был хорошо знающий свой предмет преподаватель, к тому же преподававший этот предмет в областной партшколе. Со студентами он держался «на расстоянии», был требовательным

преподавателем и администратором, являлся участником Великой Отечественной войны. Большое внимание обращал на изучение студентами марксистской литературы, как это было принято в то время.

С коллегами Ривгат Шакирзянович особенно не сближался, близких людей в институте у него не было. Характер у Тагирова был своеобразный, вследствие чего в любимцах у студентов он не числился. При всем этом был прямым, очень честным, своеобразным человеком.

У меня лично с Р.Ш. Тагировым сразу же сложились хорошие отношения. В конце 1940-х гг. он защитил работу над кандидатской диссертацией «Русская секция I Интернационала». Все основные источники этой темы находились в Москве, вследствие чего ему часто приходилось выезжать в научные командировки.

На период этих поездок он оставлял и.о. декана факультета меня, и с его легкой руки я стал приобщаться к административной деятельности, которой отдал позднее немало времени. Я очень благодарен ему за это, тем более, что после его ухода с должности декана в 1951 году я был назначен на его место. С 1956 года стал деканом объединенного историко-филологического факультета, который располагался в те годы на втором этаже школы № 80 по ул. Татарстан. Ее директором являлась старая коммунистка, активная участница гражданской войны в составе Азинской дивизии М.Ш. Зайнуллина. Нельзя не отметить, что совместное сосуществование в одном здании школы и института очень мешало невольным партнерам. Лишь когда на улице Лево-Булачной, рядом с основным зданием, институт выстроил третье здание, мы с факультетом перебрались туда. Это было третье «великое переселение» историков, впереди были новые.

В 1946 году факультет облетела сенсационная весть о женитьбе Р.Ш. Тагирова. Его избранницей оказалась миловидная девушка, филолог-языковед по образованию Рукия Фатыховна Шакирова, участница войны, бывшая на 20 лет моложе своего супруга, которому шел сорок третий год. Брак оказался на редкость счастливым. Они прожили более тридцати лет и воспитали трех прекрасных сыновей. Рифкат Шакирзянович плодотворно занимался научными исследованиями, в том числе по истории

Татарстана. Им был составлен большой словарь историков нашей республики, который был передан позднее в издательство Татарской энциклопедии и оказал большую помощь при издании «Татарского энциклопедического словаря»¹².

Рифкат Шакирзянович скончался в 1977 году, а 20 лет спустя не стало и его супруги, которая много сделала для сбора и хранения документов, рассказывающих о жизни и деятельности своего супруга.

На кафедре всеобщей истории многие годы плодотворно трудился доцент Василий Иванович Адо (1905–1995 гг.) – блестящий знаток и талантливый преподаватель по новой истории. К сожалению, после войны он был переведен на работу в Казанский университет, где и трудился до выхода на пенсию более сорока лет. Его сын Анатолий Васильевич долгие годы работал на истфаке Московского университета, являлся доктором исторических наук и профессором. В 1995 году, он, уроженец Казани, приезжал в КГУ на 90-летний юбилей своего отца. К сожалению, вскоре после этого он скончался, а вслед за ним ушел из жизни и Василий Иванович.

Всеобщую историю преподавал также Рахман Хасанович Яхин, но и он вскоре был переведен на работу в университет. Древнюю историю преподавала Мария Васильевна Шишкина, ученица известного ленинградского ученого-античника С.И. Ковалева. Студенты не любили этого преподавателя и прозвали ее «Марией древней». Она обладала злым характером, не находила общий язык со студентами, была очень педантичной, во время экзаменов придиралась к студентам, с особой неприязнью относилась к симпатичным девушкам, может быть, это объяснялось тем, что она была «старой девой». Да и с преподавателями у нее отношения складывались сложно.

В 1950 году Ю.А. Туишев пригласил из Москвы окончившего аспирантуру в МГУ у известного античника Н.А. Машкина и защитившего кандидатскую диссертацию Алексея Михайловича Ременникова, ныне заслуженного деятеля науки РТ, доктора исторических наук, профессора. От Шишкиной было решено осво-

¹² В институт энциклопедии были переданы собранные Р.Ш. Тагировым материалы для задуманной им энциклопедии Татарстана, а рукописи библиографического словаря «Истории Татарстана» хранятся в ОРПК научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского.

бодиться, тем более, что она начала устраивать враждебные демонстрации вновь прибывшему преподавателю и даже довела его до слез. Это переполнило чашу терпения, и ректор в специальном приказе объявил Шишкиной за неправильное поведение строгий выговор. Вскоре Шишкина ушла из института, куда она девалась – неизвестно.

Уход Шишкиной, ничего не делавшей в научном плане, значительно улучшил климат на истфаке. Алексей Михайлович продолжал спокойно работать, стал любимцем студентов, защитил позднее докторскую диссертацию, вошел в число видных ученых-античников нашей страны. Продолжал работать на кафедре до сентября 2001 года.

А.М. Ременников – образец профессора-интеллигента. Мягкий, доброжелательный, скромный, умный, знающий, регулярно изучающий иностранные языки. Кстати, являясь ученым-полиглотом, он сравнительно быстро выучил татарский язык, свободно говорит на нем. В 1960 году, после моего назначения проректором института по учебной работе, А.М. Ременников на длительное время стал деканом истфилфака.

В 1951 году Ю.А. Туишев, заботясь об укреплении кафедры всеобщей истории высококвалифицированными преподавателями-специалистами, пригласил на работу в КГПИ еще одного москвича, кандидата исторических наук, доцента Юзефа Геннадьевича Трунского, у которого в Москве создалась сложная ситуация.

Человек непростой судьбы и биографии, Ю.Г. Трунский окончил аспирантуру по новой истории у известного ученого, профессора В.М. Лавровского и считал себя его учеником. Свои исследования Трунский посвятил изучению аграрных проблем истории Франции и стал позднее широко известным ученым-аграрником, защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора.

Юзеф Геннадьевич был довольно сложным по характеру человеком. В отличие от Ременникова, не отличался особой скромностью, при всяком случае, удобном и неудобном, стремился показать свою значимость, обладал определенной амбициозностью, но в целом был доброжелательным человеком, с которым можно было иметь дело. Мне, например, он помог при составлении вы-

ступления при защите кандидатской диссертации о дипломатической деятельности М.И. Кутузова. Он был также очень хорошим редактором при издании Ученых Записок исторических кафедр.

Попытка Юзефа Геннадиевича руководить подготовкой научной смены оказалась неудачной. Из трех соискателей у двоих ничего не получилось, а третий – В.А. Дмитриев – на заседании кафедры снял с автореферата фамилию Трунского как научного руководителя, заявив, что он не только не помогал ему в работе, но фактически мешал написанию диссертации. К тому же поручил аспиранту работать на руководителя. Попытка Трунского завалить диссертанта во время защиты в Москве не имела успеха. Диссертация была защищена, и ныне В.А. Дмитриев является доцентом архитектурно-строительной академии и на условиях почасовой оплаты ведет исторические курсы в КГПУ.

У Трунского было желание уехать в Ленинград к своей дочери. Чтобы прибавить там жилплощадь, он пожертвовал своей двухкомнатной квартирой и переехал в общежитие, где получил маленькую комнату без удобств. Это была большая глупость с его стороны. Его «кочевая» жизнь продолжалась после этого недолго. Он тяжело заболел и в 1989 году скончался.

На истфаке Юзеф Геннадьевич читал студентам второй период новой истории. Материал он преподносил интересно и содержательно. Правда, тексты у него были написаны заранее, и он читал их с листа, к тому же сидя на стуле. Всегда был безукоризненно одет, выглядел настоящим джентльменом, особый вид ему придавали усики а-ля Чарли Чаплин.

Средние века преподавала студентам доцент Т.А. Сидорова. В свое время она окончила наш факультет с дипломом отличника и поступила в аспирантуру в Казанский университет на кафедру профессора А.С. Шофмана. После ее окончания она возвратилась на прежнюю кафедру всеобщей истории, возглавляемую с 1957 года А.М. Ременниковым.

Лекции ее были интересными, глубоко научными. Особое внимание она уделяла вопросам изучения культуры, что очень привлекало студентов, у которых Тамара Анатольевна пользовалась заслуженным авторитетом.

Вместе с тем в отношениях с людьми, своими коллегами, у нее стали проявляться высокомерие, неприятие критики в свой

адрес, определенное неуважение к своим бывшим учителям, субъективный подход к людям. В начале 1990-х годов она по семейным обстоятельствам выехала из Казани в свой родной город Сочи, где работает и в настоящее время.

В 1980–1990 гг. на кафедрах истории СССР и всеобщей истории произошли кадровые перемены, особенно в руководстве кафедрой истории СССР, которая стала именоваться кафедрой отечественной истории, а ныне – кафедрой истории России. В 1998 году произошло разделение кафедры отечественной истории на 2 самостоятельные кафедры – истории России и истории Татарстана. Первую возглавила Г.М. Мустафина, вторую – профессор З.З. Мифтахов.

Соответственно кафедры пополнились новыми преподавателями. На кафедре истории России это были доценты: А.Н. Бикташева, Е.М. Шувалова, Т.П. Крашенинникова, на кафедре истории Татарстана – Э.А. Салимова, О.Л. Малышева, Д.Ш. Муфтахутдинова, на кафедре всеобщей истории – Р.Ш. Нигматуллин (ныне декан факультета), В.В. Тыринов (ныне его заместитель), Л.Т. Гайфуллин.

В связи с этим мне особо хотелось бы подчеркнуть стабильность руководства как на институтском, так и на кафедральном уровнях. Достаточно сказать, что за 55 лет моей работы в КГПУ сменилось всего три ректора: Ю.А. Туишев (1945–1967 гг.), М.З. Закиев (1967–1986 гг.) и Р.А. Юсупов (с 1986 года по настоящее время).

Кафедру, ныне истории России, в течение 38 лет возглавляли два заведующих – Е.И. Устюжанин (1947–1967 гг.) и Н.П. Муньков (1967–1985 гг.).

Такая стабильность руководства имела свои плюсы. И первым было то, что она обеспечивала плавное развитие коллектива, без рывков и потрясений, позволяла перспективно решать многие институтские проблемы.

В первые послевоенные и последующие годы обстановка в КГПИ отличалась спокойным, доброжелательным микроклиматом. Я не помню склок и коллизий, которые мешали бы коллективу в его работе. Во всяком случае, на истфилфаке этого не было, что свидетельствовало о хорошем здоровье коллектива.

Меня всегда поражало доброжелательное отношение коллектива к молодым начинающим преподавателям. Я с благодарностью вспоминаю, с каким вниманием ко мне относились деканы различных факультетов – И.М. Ионенко, Р.Ш. Тагиров, С.Н. Никольский (он работал на литфаке, читал курс древней литературы, ученых степеней и званий не имел, но по своей научной эрудиции, огромным познаниям и умением блестяще преподавать свой предмет он на несколько голов превосходил патентованных мэтров отечественной литературы), З.А. Бурлянд (декан географического) и др. Очень дружной была и кафедра истории СССР во главе с Е.И. Устюжаниным.

Не оставлял без внимания молодых преподавателей и директор института, педагог по специальности Ю.А. Туишев. В сентябре или октябре 1949 года он неожиданно пожаловал ко мне на лекцию по историографии истории СССР. Как сейчас помню, темой лекции было «Исторические взгляды А.Н. Радищева». Я начал серьезно волноваться за исход лекции, хотя материал знал твердо. Дело в том, что незадолго до этого посещения Ю.А. Туишев по поручению ОК КПСС сам выступил с докладом о Радищеве на вечере, посвященном 200-летию со дня его рождения и, следовательно, знал эту тему более или менее основательно. Но опасения мои оказались неосновательными, директор выразил свое удовлетворение прослушанной лекцией и пожелал успехов в работе.

Затем обратился ко мне уже как к и.о. декана истфака (Р.Ш. Тагиров был в командировке) относительно учебы его дочери Адели, которая была студенткой II курса истфака. Его беспокоили дошедшие до него слухи о том, что Аделя плохо ведет себя, а главное, что незаслуженно получает высокие оценки на экзаменах.

Я успокоил Ю.А. Туишева, сказав ему, что Аделя ведет себя нормально, не кичится, что она дочь директора, а что касается оценок, то она их получает в соответствии с ответами на экзаменах и сплошных пятерок у нее нет. Это успокоило Юзефа Аметзяновича. Позднее выяснилось, что тенденциозную информацию подбрасывал директору староста группы Р., с которым почему-то у Адели не заладились отношения.

В это же примерно время И.М. Ионенко, ставший зав.кафедрой истории СССР партшколы, предложил мне прочитать курс лекций по истории СССР в университете марксизма-ленинизма, созданном в самом обкоме, т.к. его сотрудники, очевидно, считали неудобным вместе с простыми смертными слушать эти лекции. Сам Ионенко не пожелал читать эти лекции, намекнув мне, что не хотел бы иметь возможные неприятности от этого контингента слушателей: «Ты же молодой преподаватель и если скажешь что-нибудь не так, то к тебе особых претензий не будет», – сказал Иван Михайлович. Я, получив это предложение, подумал так: «Материал по истории я знаю, марксистскую оценку событий тоже представляю, говорить умею: почему бы и не попробовать». Поставил только одно условие: чтобы из здания обкома (нынешняя консерватория) меня в институт доставляли на машине, поскольку перерыв между обкомовской лекцией и началом институтской в школе № 80 составлял не более 10 минут. Это было принято, и я подъезжал к институту на легковой обкомовской машине, что вызывало большой интерес у студентов. Учебный год пролетел быстро, у своих слушателей я принял положенные экзамены, оценок не завышал. Первое мое педагогическое испытание прошло успешно.

В следующем году такой же университет под своей крышей пожелали иметь всесильные органы, «никогда не ошибавшиеся» КГБ и МВД. Иван Михайлович вновь обратился ко мне. Он сказал, что я уже прошел проверку на идейную зрелость, прочитав лекции в обкоме партии, не получив никаких замечаний, поэтому сам бог велит мне читать лекции в столь авторитетных организациях. Я снова согласился и также успешно прочитал этот курс.

Вывод для себя я сделал такой: если знаешь дело, чувствуешь свою правоту – бояться ничего не надо. Я был еще очень наивным человеком, верил в справедливость, честность и порядочность людей, даже не мог себе представить, какую угрозу таит культ личности Сталина, не мог даже и помыслить о возможности нарушения социалистической законности и т.д. Когда я начал работать в институте, видных ученых, а уж тем более выдающихся, там практически не было, как не было на отделении истории истфилфака своих профессоров и докторов наук. Первым из ученых факультета докторскую диссертацию о В.Г. Бе-

линском как историке русской литературы защитил зав.кафедрой русской и зарубежной литературы доц. И.Г. Пехтелев (1906–1969 гг.). Затем на этой же кафедре доктором наук стали Е.Г. Бушканец и в 1999 году – О.О. Несмелова. В ученном звании профессора была утверждена без докторской диссертации ученица профессора Г.Ф. Линсцера З.А. Старицына, ныне пенсионерка.

На исторических кафедрах докторами наук стали О.В. Сеницын, В.В. Иванов, А.Л. Литвин, А.М. Ременников, Ю.Г. Трунский, был представлен к утверждению в звании профессора без защиты докторской диссертации Р.Ш. Тагиров, но ввиду его кончины вопрос сам собой отпал.

В то же время в институте работало немало высококвалифицированных ученых. На истфаке и истфилфаке, кроме вышеупомянутых, выделялись своим лекторским мастерством доценты Л.З. Шакирова, ныне доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и РТ, заслуженный учитель школ ТАССР, крупный специалист в области методики преподавания русского языка в татарской школе, лингвисты С.П. Лопушанская, позднее доктор филологических наук, профессор Волгоградского пединститута и университета, доцент В.В. Неболюбов, доцент И.И. Назаров, несколько лет возглавлявший кафедру русского языка, быстро зарекомендовала себя как талантливый ученый выпускница литфака А.А. Михеева (в ее группе я читал историю СССР в первый год моей педагогической деятельности (1945/1946 уч. год)). Позднее она также стала видным ученым-методистом в области преподавания русского языка, автором учебников и учебных пособий, изданных центральными издательствами. Особенно успешным было ее совместное научное творчество с Л.З. Шакировой – главой методической школы, из рядов которой вышло немало известных ученых-методистов, в числе которых были профессора М.К. Бакеева, Ф.Ю. Ахмадуллина, доценты Ф.С. Камалова, Н.А. Мунькова, Л.В. Мирошниченко и другие.

Позднее А.А. Михеева стала заслуженным учителем школы РФ и РТ, активным общественным деятелем. Многие годы она была секретарем парткома КГПИ, деканом истфилфака. Сейчас находится на заслуженном отдыхе, но продолжает работать над своими научными проблемами. Многие годы нас связывают доб-

рые дружеские отношения с этой милой обаятельной женщиной, чудесным человеком.

О группе литераторов, где училась Анастасия Александровна, у меня на всю жизнь остались приятные воспоминания. Можно сказать, что здесь я впервые состоялся как преподаватель, получил признание со стороны студентов. Памятным было наше расставание после завершения первого в моей жизни учебного года в качестве вузовского преподавателя. Последняя лекция в этой группе совпала с днем моего рождения: 18 мая 1946 года мне исполнилось 23 года, и я был одним из молодых (если не самым молодым) преподавателем института. В наступившей тишине слово взяла Анастасия Александровна, она была подлинным неформальным лидером группы. Своим милым, приятным голосом она выразила мне глубокую благодарность за прочитанные лекции и от имени первокурсников преподнесла книгу «Французская буржуазная революция 1789–1794 гг.» с трогательной надписью: «Николай Петрович! Хочется сказать Вам простые, хорошие слова благодарности. Вы учили нас не только знанию исторических фактов, но и большой любви к своему делу, любви, без которой нет настоящего учителя. Вы любите и цените книгу – пусть же книга будет скромным выражением нашей благодарности. Студенты I курса литфака. 18 мая 1946 года».

Наше расставание было трогательным. На глазах многих девушек видны были слезы, я сам был растроган до предела. Такие знаки внимания обязывали меня еще основательнее готовиться к лекциям, постоянно совершенствовать уровень своего преподавания. С тех пор прошло 54 года, но я до сих пор помню многих студентов этого курса. Ведь они поверили в меня как преподавателя, и я не мог не оправдать этого доверия. Кстати, в наше время как-то притупились отношения студентов и преподавателей. Из практики исчезло выражение благодарности, и если студенты и говорят иногда об этом, то только на выпускных вечерах. Не исключено, что и мы стали хуже преподавать, так что винить в этом студентов нельзя.

Выше я упоминал об И.И. Назарове, о том самом, который выговаривал мне за работу на двух кафедрах одновременно, а позднее возглавлял кафедру русского языка КГПИ. Он прожил долгую жизнь длиною в 87 лет (1898–1985 гг.), был участником

многих исторических событий – трех войн (Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной), двух революций (Февральской и Октябрьской).

Иван Иванович окончил стационар КГПИ на истфилфаке, был учеником знаменитого ученого-языковеда, члена-корреспондента Российской АН Е.Ф. Будде (1859–1929 гг.). Он рассказывал мне, что Будде обращался к своим слушателям не иначе, как «господа студенты». Вспоминал и свой экзамен у этого профессора, которого поразило тем, что начал отвечать на поставленные ему вопросы почти без обдумывания.

Иван Иванович был в свое время приверженцем т.н. «нового учения о языке» академика Н.Я. Марра, поскольку оно было признано вершиной научной мысли в области языкознания.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. И.В. Сталин объявил этого ученого вульгаризатором марксизма. Поэтому всем языковедам пришлось срочно перестраиваться, в их числе был и Иван Иванович. Это был вдумчивый ученый, автор ряда серьезных исследований в области языкознания, но ученых степеней и званий не имел. Ивану Ивановичу помог счастливый случай. В Казань навестить своего двоюродного брата, профессора кафедры всеобщей истории нашего института, приехал всемирно знаменитый журналист и публицист, сотрудник газеты «Известия» Анатолий Абрамович Аграновский. Трунский рассказал ему об И.И. Назарове, с которым поддерживал дружеские отношения, и вскоре в «Известиях» появилась знаменитая статья Аграновского «Вашу руку, Иван Иванович!». В ней критиковалась позиция ВАКа по вопросу присуждения ученых званий лицам без ученых степеней и доказывалось право Ивана Ивановича на ученое звание доцента. Статья была рассмотрена в высоких министерских инстанциях, и ВАК решил утвердить Назарова в ученом звании доцента. Справедливость восторжествовала. Все мы были очень рады этому событию и от души поздравили Ивана Ивановича с его доцентурой.

А несколько лет спустя в Казань с отчетом о своей депутатской деятельности прибыл министр высшего и среднего социального образования, член-корреспондент АН СССР профессор В.П. Елютин.

Была намечена его встреча с коллективом КГПИ (1962 г.). Актовый зал был переполнен, Елютин сделал яркое сообщение, он прекрасно владел аудиторией, рассказал о своем посещении Елабужского пединститута, студенты которого никогда не видели живого профессора, да к тому же еще министра. Затем он осмотрел наш институт, причем мы смогли ему показать только одну более или менее сносно оборудованную лабораторию зав. кафедрой физики, профессора К.А. Валиева.

Затем в кабинете ректора (в связи с отъездом Ю.А. Туишева я исполнял его обязанности в качестве проректора по учебной работе) состоялась узкая встреча зав. кафедрами и деканов факультета с В.П. Елютиным, который по должности являлся также председателем ВАКа.

В удобный момент при всех я представил И.И. Назарова В.П. Елютину, напомнив о статье Аграновского. Елютин выразил глубокое удовлетворение финалом статьи и пожелал Ивану Ивановичу дальнейших успехов в его педагогической деятельности. Иван Иванович был растроган этой встречей с министром и не раз вспоминал об этом.

Я очень любил Ивана Ивановича, поддерживал с ним дружеские отношения, много раз бывал у него дома. Его супруга Александра Николаевна родилась в том же году и в тот же день, что и Иван Иванович. Они прожили долгую и счастливую жизнь. Их дочь – Нина Ивановна – врач, крупный специалист в области онкологических заболеваний, живет и трудится в Казани. В коллективе института, и прежде всего истфилфака, Иван Иванович пользовался безграничным уважением и авторитетом. Очень торжественно проходили юбилеи Ивана Ивановича, особенно его 60-летие и 80-летие. Большую роль в организации этих празднеств играла зав. кафедрой русского языка профессор Л.З. Шакирова.

Прекрасным человеком и замечательным преподавателем был доцент кафедры русской и зарубежной литературы Илья Александрович Рахлин (1914–1963 гг.). Он мастерски вел курс советской литературы, особенно был влюблен в творчество А.М. Горького и В.В. Маяковского. Многие произведения последнего он знал наизусть и декламировал их в аудитории. Студенты лю-

били Илью Александровича за его преподавательское мастерство, за добрый нрав и отзывчивый характер.

В 1956 году я сменил Рахлина на посту декана объединенного историко-филологического факультета – при слиянии в один факультет историков и литераторов. Он умер от тяжелой болезни в Москве. Прах его захоронен в Казани на Арском кладбище.

Заметной фигурой в институте был профессор И.Г. Пехтелев, читавший лекции по русской литературе XIX века, в частности, спецкурс о творчестве Л.Н. Толстого. Материал он знал великолепно, читал «с чувством, с толком, с расстановкой». Вместе с тем он обладал большим апломбом, всячески старался доказать свою значительность, часто подчеркивал свое знакомство с секретарем ОК КПСС С.Г. Батыевым, на кафедре был диктатором. На этой почве у него возникали конфликты с отдельными преподавателями. Вскоре после защиты докторской диссертации он перешел на работу зав. кафедрой журналистики в КГУ, хотя не являлся специалистом этой дисциплины.

Ректор Ю.А. Туишев просил его не уходить из института, но Иван Георгиевич не внял его советам, т.к. работу в КГУ считал более престижной. Наверное, потом он сожалел о своем решении. На кафедре журналистики возникла склока. В нее оказались втянутыми бывшие ученики и аспиранты Пехтелева, которых он взял с собой на новое место работы. В итоге ему пришлось оставить руководство кафедрой, вскоре он тяжело заболел неизлечимой болезнью и в возрасте 63-х лет скончался. Таков был его печальный финал – во многом расплата за самонадеянность и безапелляционность своих поступков. Очень жаль его, ведь это был способный, умный и во многом талантливый ученый. Как тут не вспомнить слова поэта: «Его пример – другим наука».

Особым миром жили преподаватели национальных кафедр – татарского языка и литературы. Первую кафедру (позднее кафедра татарской литературы получила самостоятельный статус, а первая переименована в кафедру татарского языкознания) возглавлял с 1929 года видный татарский ученый-языковед, современник Тукая, лично знавший великого поэта, Муххамедхан Ашрафзянович Фазлуллин (1883–1964 г.). Это был известный методист в области методики преподавания татарского языка, автор учебников и учебных пособий для школ и вузов, принимавший

активное участие в составлении татарского алфавита на основе русской графики (1939–1940 гг.), ныне переводимого на латиницу. Он был избран членом-корреспондентом АПН РСФСР и возглавлял кафедру татарского языка с 1929 по 1949 гг., работая в КГПИ до 1964 года.

Я хорошо знал Муххамедхана-ага, неоднократно бывал у него дома (ул. К. Маркса, д. 59). Вместе со своей супругой Галией Фатыховной он с радостью принимал гостей, был хлебосольным хозяином. Это был в полном смысле слова ученый-интернационалист, человек большой душевной доброты. По состоянию здоровья отдельные лекции профессор Фазиуллин читал дома, облачившись в роскошный персидский халат, напоминая собой восточного вельможу. В бытность мою деканом факультета и проректором я также был председателем юбилейной комиссии, когда широко отмечались его юбилейные даты.

Кафедрой татарской литературы руководил А.Д. Сайганов. Это был умный и знающий ученый, прекрасный педагог. Одной из привлекательных его черт была человеческая порядочность, честность, прямота и неподкупность, а также смелость, умение говорить правду в глаза, отсутствие подхалимского чиновничества. На этой почве у него возникали коллизии с руководством института, особенно когда речь шла о защите интересов членов кафедры, Абдулла Джамалетдинович был решительным противником беззакония и произвола, в какой бы форме это не проявлялось. Он рубил «правду матку» прямо в глаз руководству, а это очень не нравилось институтским властям предрежащим, в особенности ректору М.З. Закиеву, ярому стороннику авторитарных методов руководства. Это противостояние, в конечном итоге привело к тяжелой болезни А.Д. Сайганова и его безвременной кончине на 60 году жизни, причем ВАК только что утвердил его в ученой степени доктора филологических наук. Образ этого бескорыстного человека и талантливого ученого я навсегда сохраняю в своей памяти.

Хотелось бы еще вспомнить о некоторых замечательных людях института того времени, но лучше будет, если мы сделаем это несколько позднее.

Эту часть воспоминаний хотелось бы закончить небольшим воспоминанием о встречах с замечательными людьми, которые

посещали наш университет в 50–70-е гг. и имели важное значение для патриотического и интернационального воспитания. Как известно, это одна из важнейших задач коллектива, поскольку воспитательная работа – одно из важнейших направлений в деятельности КГПУ. Самое главное здесь с моей точки зрения – повысить эффективность воспитательных мероприятий, их ответственность.

В бытность мою проректором по учебной работе в качестве наиболее эффективной формы я стал широко использовать регулярные встречи коллектива и прежде всего студентов с интересными людьми, приезжавшими в наш город по приглашению Госмузея ТАССР и его директора В.М. Дьяконова. Сделать это было мне довольно просто, поскольку многие годы я был (и пока остаюсь) неизменным членом Ученого Совета Госмузея.

В 60-е годы нам удалось пригласить в институт многих замечательных людей. Очень трогательно и волнительно прошли встреча с Л.Т. Космодемьянской – матерью двух погибших Героев Советского Союза, Зои и Шуры Космодемьянских. Она подробно рассказала о своих героических детях, об их жизни, учебе и подвигах. Встреча оставила неизгладимые впечатления у преподавателей и студентов. Л.Т. было задано слушателями много вопросов и получены исчерпывающие ответы.

Также незабываемое впечатление оставили встречи с молодогвардейцами Г. Арутюнянцем, Р. Юркиным, отцом Ульяны Громовой, матерью М. Пегливановой и другими родственниками молодогвардейцев.

Перед коллективом выступали видные участники Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, летчик М.Х. Сыртланова, М.П. Девятаев, Г.Б. Сафиуллин, генералы И.А. Сулопаров и Телегин. Ген.-лейт. А.И. Тодорский рассказал слушателям о политических репрессиях 30-х гг., преимущественно в военной среде, поскольку сам оказался пленником ГУЛАГа на 18 лет, рассказал о маршале Тухачевском, книгу о котором издал после освобождения.

Выступали перед нами герои гражданской войны, деятели, встречавшиеся с В.И. Лениным (М.В. Фофанова, А.М. Зайцев, С.К. Гиль, С.А. Бирюков и др.), а также партийные и хозяйственные работники Татарстана – Ф.А. Табеев, Г.И. Зерцалов и др.

Такие встречи имели большое воспитательное значение для будущих учителей и превосходили десятки казенных обязательных политчасов, многие из которых ничего не давали ни уму, ни сердцу. В этом вопросе у нас имеется еще непочатый край работы, и множество неиспользованных резервов.

Наш институт

(Из газеты «За педагогические кадры», 1968, 7 октября)

Большой праздник идет к нам в гости: исполняется 50 лет со дня основания Казанского государственного педагогического института.

Возникновение и развитие его, как и многих других вузов страны, связано с осуществлением ленинского плана культурной революции, с созданием новой системы народного образования, обеспечившей «высокую грамотность населения, быстрый подъем науки и культуры, воспитание подрастающего поколения в духе социализма» (Тезисы ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»).

В суровые годы гражданской войны и иностранной военной интервенции Коммунистическая партия во главе с великим Лениным, организуя всенародный отпор белогвардейцам и интервентам, заботилась о просвещении и культуре, о развитии высшего образования, о приобщении миллионов людей к вершинам знаний, о подготовке учительских кадров.

Именно в это время в стране возникли первые педагогические институты и в их числе – Казанский.

Датой его основания следует считать 19 октября 1918 года. В этот день состоялось первое заседание Совета Казанского педагогического института, возникшего на базе учительского института (основан в 1876 году).

С первых же дней своего существования наш институт стал центром подготовки учителей для единой трудовой школы как для Татарии, так и для национальных школ республик Поволжья.

Теперь можно с гордостью отметить: за полвека в стенах института было подготовлено свыше 25 тысяч учителей, из них около 50 процентов – коренной национальности. Поезжайте в любую школу орденосного Татарстана, и везде вы увидите, как

плодотворно, самозабвенно и самоотверженно трудятся воспитанники института. Многие из них стали директорами и завучами школ, заведующими роно, заслуженными учителями школ РСФСР и ТАССР, отличниками народного просвещения, удостоены высоких правительственных наград. Их имена широко известны педагогической общественности страны.

В 1919–1922 гг. институт назывался Высшим институтом народного образования. Наряду с Московским и Петроградским институтами на него была возложена почетная обязанность – готовить преподавательский состав для всех педагогических вузов РСФСР и усилить подготовку учительских кадров для школы: в то время в республике не хватало 17 тысяч педагогов различных специальностей. Важную роль стала играть основанная при институте показательная школа II ступени, где преподавали ведущие ученые и методисты института.

В 1922 году произошла реорганизация института. Он стал называться Восточно-педагогическим, в состав его вошли Восточная академия и факультет общественных наук Казанского университета (без юридического отделения). На институт возлагалась задача готовить высококвалифицированные кадры учителей для Татарии и других национальных республик Поволжья.

В 1931–34 гг. институт назывался Татарским педагогическим. Функции его были расширены: он должен был готовить кадры преподавателей для всех татарских школ страны. В связи с унификацией структуры педагогических учебных заведений в 1934 г. наш вуз стал называться Казанским государственным педагогическим институтом.

Значительную роль в становлении и развитии института сыграли видные ученые страны и нашей республики, которые заложили здесь прочные традиции и научно-исследовательские направления.

Особенно большую помощь институту оказали ученые Казанского университета. Среди тех, кто закладывал основы нашего вуза, мы с гордостью называем имена старшего большевика, члена партии с 1904 г., впоследствии академика В.В. Адоратского, которого очень хорошо знал В.И. Ленин; видных историков: члена-корреспондента АН СССР Н.И. Ашмарина (он был также лингвистом и этнографом) и Н.Н. Фирсова, профессоров В.Т. Ди-

тякина, С.П. Сингалевича (он был первым ректором Восточно-педагогического института), С.А. Пионтковского, Г. Губайдуллина, крупного философа члена-корреспондента АН СССР Н.О. Маковельского, выдающегося химика, впоследствии академика и Героя Социалистического труда А.Е. Арбузова, замечательных языковедов – членов-корреспондентов АН СССР В.А. Богородицкого и Е.Ф. Будде, профессоров В.П. Брюханова, Г.Ф. Линсцера, Л.Ф. Заляя, Г. Шарафа, Г. Алпарова, М.Х. Курбангалеева, члена-корреспондента Академии педагогических наук М.А. Фазлуллина; видных ученых-математиков: члена-корреспондента АН СССР Н.Г. Чеботарева и заслуженного деятеля наук РСФСР Н.Н. Парфентьева; крупных представителей педагогической науки – действительного члена АПН РСФСР В.Я. Струминского, профессоров В.М. Горохова, А.А. Красовского, В.А. Кондакова, замечательного физика Д.А. Гольдгаммера, физиолога А.Ф. Самойлова, литературоведов – профессоров Х.У. Усманова, М.Х. Гайнуллина, А.Н. Вознесенского, Г.Ф. Линсцера, И.Г. Пехтелева, географа Н.И. Воробьева, заслуженного деятеля науки ТАССР Н.И. Медянцева и многих, многих других.

Немало потрудились в институте замечательный историк, обаятельнейший человек М.Д. Бушмакин, работавший в КГПИ со дня его основания в течение 37 лет. Долгие годы он был ученым секретарем института, деканом, заведующим кафедрой всеобщей истории. Труд его был отмечен высшей наградой Родины – орденом Ленина.

Теплые слова хочется сказать и о ветеране физкультуры и спорта нашего института С.Н. Гладкове. С его именем связаны многие успехи спортсменов КГПИ. Он был основателем кафедры физического воспитания, одним из создателей и первым деканом факультета физвоспитания и спорта. С.Н. Гладков находится на заслуженном отдыхе.

Назову еще одного из первых профессоров института. Это крупнейший биолог нашей страны, заслуженный деятель науки РСФСР Н.А. Ливанов. Ему идет 93-й год. Но несмотря на столь почтенный возраст, Николай Александрович по-прежнему читает лекции студентам КГУ.

Нынешнее поколение ученых бережно хранит и творчески развивает лучшие научные направления своих маститых предшественников.

Институт играет важную роль в развитии культуры и просвещения нашей республики и ряда братских республик.

В 20-е – начале 30-х гг. на специальных отделениях института готовились национальные кадры для Марийской, Чувашской, Удмуртской и других национальных республик и областей, что вызывалось также необходимостью научной разработки истории и культуры народов Поволжья. Здесь работали видные ученые – проф. Н.В. Никольский (его работы имелись в личной библиотеке В.И. Ленина), доц. В.Е. Егоров (ныне заслуж. деятель науки Чувашской АССР), Г. Рахим, Д. Валидов и др.

Возрастал и контингент студентов. В год основания в институте училось всего 236 студентов – почти в 30 раз меньше, чем в настоящее время. В 1931 году их было уже 1800 человек. Дирекция и общественные организации уделяли большое внимание приему в институт студентов коренной национальности, поскольку в 1921 г. они составляли всего 3 процента. С каждым годом число студентов татар непрерывно возрастало.

Это позволило институту успешно решать задачи по подготовке национальных квалифицированных кадров не только для ТАССР, но и для многих других областей, где проживает коренное татарское население. Следует особо отметить в этом деле роль татарского отделения и его кафедр языка и литературы, возникших в 20-е годы. Многие его воспитанники стали не только учителями, но и писателями, поэтами, учеными, представителями творческой интеллигенции.

Большую роль в подготовке учительских кадров сыграли заочное отделение и Учительский институт с двухгодичным сроком обучения, возникшие в начале 30-х годов. Много сил и труда в организацию заочного, а затем и вечернего образования вложили заместитель директора по ОЗО Ш.Г. Галеев, Х.Ф. Рахматуллин, Г.Г. Абузяров (впоследствии Министр просвещения ТАССР), А.Г. Ишмуратов, Б.Ф. Султанбеков, К.К. Кадыров и другие. Заочники института составляют около 40 проц. его воспитанников.

К 1941 году в институте были следующие факультеты: исторический, литературный (с отделением татарского языка и ли-

тературы), географический, биологический, физико-математический. Институт располагался в прекрасном здании (ныне Казанское суворовское училище), имел благоустроенные кабинеты и лаборатории, общежития для студентов.

Кипела жизнь студенческих организаций. В 1940–41 уч. году – последнем перед войной – в институте работает 201 преподаватель (по сравнению с 1921 годом штат преподавателей вырос почти в 2 раза), из них 9 профессоров и докторов, 30 доцентов и кандидатом наук, 84 ст. преподавателей, 78 ассистентов. Преподавателей татар было 38 чел.

...В летний июньский день 1941 года в жизнь института, как и всей страны, ворвалось страшное слово: «Война!..»

Новый отсчет

(Из газеты «Педагог» 1994, № 1)

С особым удовлетворением встретили известие об изменении статуса мы, ветераны института, отдавшие делу подготовки учительских кадров в его стенах не одно десятилетие. С этой даты начался новый отсчет в его интересной 118-летней истории.

Наш педагогический институт прошел за эти годы большой и славный путь. Он превратился в подлинную кузницу подготовки – высококвалифицированных специалистов не только для Татарстана, но и других республик Поволжья. Позднее на базе его отделений возникли самостоятельные пединституты в Чебоксарах, Йошкар-Оле, Ижевске.

Значительна роль института в подготовке кадров национальной интеллигенции: многие ученые, писатели, поэты, артисты получили свое высшее образование в стенах института. Институт формировался в сложной обстановке, переживал те же трудности, что и вся страна – будь ли то годы гражданской войны или первые годы после ее окончания. Подобно черной смерти пронесся над институтом 1937 год – год великого террора и сталинского беззакония. Были незаконно репрессированы видные ученые: ректоры института профессор С.П. Сингалевич и М.Р. Юсупов, зав.кафедрой истории СССР, профессор Н.Н. Эльвов, профессора Г. Алпаров, Г. Нигмати, доценты М. Подъячев, мать

известного ныне писателя В. Аксенова, Е. Гинзбург, ряд преподавателей кафедры педагогики и др.

Во многом осложнила работу института Великая Отечественная война: институт лишился почти всех учебных зданий.

Многие преподаватели и студенты ушли с оружием в руках защищать Отчизну от ненавистного врага. Среди них были Е.И. Устюжанин, А.М. Файт, Д.В. Белихов, И.И. Назаров, И.М. Юнченко, Р.Ш. Тагиров. Многие не вернулись с поля боя, отдали свою жизнь за свободу Отечества: об этом напоминает памятная стела, установленная в главном здании.

Вместе с другими вузами коллектив института выезжал на строительство оборонительных сооружений. Невзирая на трудности военного времени, оставшиеся профессора и преподаватели самоотверженно трудились, готовя столь нужные стране педагогические кадры. На короткое время коллектив института пополнился эвакуированными из Москвы сотрудниками АН СССР.

Послевоенный период – особый этап в развитии института. Конец 1944 – начало 1945 гг. ознаменовался переменами в руководстве института. Директором был назначен выпускник Академии комвоспитания Ю.А. Туишев. Новый молодой руководитель, опираясь на поддержку всего коллектива, внес серьезный вклад в развитие института. На посту ректора он находился 22 года (1945–1967 гг.).

В первые послевоенные годы были приведены в порядок учебные здания, выстроено студенческое общежитие, созданы 2 новых факультета – физвоспитания и музыкально-педагогический, большое внимание уделялось укреплению материальной базы, пришли новые преподаватели, в том числе и выпускники института. Многие из них защитили позднее кандидатские и докторские диссертации, стали ведущими учеными. В их числе были Р.Г. Миннибаев, Я.В. Зайцев, Я.И. Ханбиков, М.М. Зарипов, А.М. Ременников, Л.З. Шакирова, Ф.Г. Ситдилов, А.А. Михеева и многие другие. На заведование кафедрой физики был приглашен молодой выпускник университета К.А. Валиев. Позднее он был переведен в Москву, стал академиком, лауреатом Ленинской премии.

Благодаря стараниям ректора и учебной части, деканов и зав.кафедрами, неуклонно повышался уровень преподавания,

укреплялась связь со школами и органами народного образования. Кафедрой истории СССР был создан воскресный лекторий для учащихся, просуществовавший более двух десятилетий.

Самоотверженный труд коллектива дал свои результаты. В конце 50-х гг. институт стал вузом первой категории, а его опыт начал использоваться другими педвузами страны. В то же время в работе коллектива не все было безоблачно: хватало учебных помещений, оборудования, в преподавательской и воспитательной работе действовал жесткий идеологический прессинг, поскольку преподавание всех дисциплин, особенно общественных наук, носило политизированный характер, отличалось временами начетничеством и цитатологией. Помнится, как вскоре после окончания печально-знаменитой «лысенковской» сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) в институт пришла телеграмма из Минпроса РСФСР. В ней требовалось сообщить, сколько вейсманистов-морганистов уволено с кафедр. Ректор Ю.А. Туишев, осторожный и дальновидный руководитель, задержал ответ примерно на месяц, а затем уведомил, что в Казанском пединституте все преподаватели естественно-географического факультета придерживаются мичуринского направления в биологии и вейсманистов-морганистов среди них нет.

В 60-ые – первой половине 80-х гг. институт продолжал совершенствовать свою работу, опираясь на ранее достигнутые результаты. Много сил и энергии вложил в это дело новый ректор института профессор М.З. Закиев (1967–1986 гг.), ныне академик АН РТ, директор ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова.

В работу института начали широко внедряться плановые начала, в практику работы стало входить составление годовых и перспективных (на 5 лет) планов учебной, научной и воспитательной работы. Особое внимание обращалось на подготовку преподавателями кандидатских и докторских диссертаций – с одновременным созданием преподавателям соответствующих условий. Значительный вклад в это внесли проректора по НИР доц. Р.М. Насыров, В.Р. Нагибаров, Ф.Г. Ситдинов.

На ряде кафедр стали практиковаться приглашения для чтения спецкурсов ученых Москвы и других научных центров. Более целенаправленной стала связь со школами и органами народного образования. Каждая кафедра получила «свой» район для профо-

риентационной работы. Регулярными стали выезды ученого совета института в сельские районы республики. Зав.кафедрами и ведущие преподаватели стали постоянными участниками августовских совещаний. Это расширило взаимодействие школ и педагогического вуза, где был создан институт повышения квалификации директоров школ республики.

Институт неоднократно награждался переходящими знаменами, в 1976 г. был удостоен Ордена Трудового Красного Знамени. Это были достойные награды коллективу за его труд.

Новый этап в развитии наступил в 1990-ые годы, особенно после обретения суверенитета Республики Татарстан. В эти годы институт возглавил (с 1986 г.) известный ученый-языковед проф. Р.А. Юсупов, а ныне академик.

Институт получил возможность решать многие вопросы без мелочной опеки центра.

Гордостью института являются его выпускники. Среди них народный учитель СССР А.С. Салахов, академик и дипломат В.М. Хвостов, академик АО РФ Г.Н. Волков, член-корр. АО РФ А.А. Кирсанов, профессора Ф.Г. Ситдинов, Е.И. Медведев, О.Д. Курмаев, А.С. Чинкин, Р.Г. Фахрутдинов, С.Х. Алишев, Р.С. Цейтлин, А.Н. Филатов, народный поэт Чувашии П. Хузангай, деятели культуры Татарстана, поэты, писатели, ученые и артисты С. Хаким, Р. Харис, Б. и Х. Камаловы, А. Хасанов, Л. Айтуганов, М. Маликова, Р. Ахмеджанов, народный писатель Татарстана М. Магдеев, народный поэт И. Юзеев, народный артист СССР Г. Шамуков и многие другие.

Коллектив радуют наши выпускники-учителя, которые самоотверженно трудятся во всех уголках нашей республики.

Нельзя не вспомнить добрым словом тех, кто стоял у истоков нашего института: акад. В.В. Адоратского, член-корр. АН СССР С.А. Пионтковского, чл.-корр. АПН РСФСР М.А. Фазлуллина, профессора А.А. Красновского, А.О. Маковельского, В.Я. Струминского, Р.Ш. Тагирова, Б.В. Фирсова, М.Х. Гайнуллина, И.И. Назарова, Д.Г. Вазееву и многих других ветеранов института. Честь и слава им, скромным труженикам науки и просвещения!

Получение институтом статуса «педагогический университет» ко многому обязывает. Ведь речь идет не только о простой

смене вывески, а о коренном улучшении всей работы в связи с современными требованиями. Это вполне разрешимая задача. Проработав в стенах института 49 лет, я хорошо знаю наш замечательный коллектив, вполне уверен, что он окажется на высоте новых ответственных задач, стоящих перед ним в наше время.

Воспоминания и статьи

М.А. Зайцева

Дружба длиною в более полувека

«Птица сильна крыльями, человек – дружбой»

(старинная татарская пословица)

«Нет уз святее товарищества»

Н.В. Гоголь

Николай Петрович Муньков в первые годы моей учебы в Казанском университете на историко-филологическом факультете (я поступила в университет в 1943 году) был для меня старшим по курсу, очень уважаемым и очень далеким товарищем. Мне кажется, что за первые два года мы с ним обходились только взаимным приветствием при встрече и ни разу даже не поговорили. Но на заседания научного кружка историков, председателем которого был Николай Петрович, мы, филологи, приходили обязательно. Было интересно: среди выступающих, а иногда и отчаянно спорящих, были Григорий Наумович Вульфсон, будущий профессор, большой ученый, Владимир Андреевич Кузин, тоже будущий профессор, Георгий Федорович Шамов, потом доцент, проректор нашего университета, декан, зав.кафедрой. Потом появились ребята-фронтовики: Михаил Григорьевич Сафронов (будущий доцент) и др.

Удивительная атмосфера царила на этих заседаниях: стремлении познать неизвестное, какой-то задор, уважение к знаниям и научному поиску. Выступления Коли Мунькова всегда отличались логичностью, огромной эрудицией, богатством речи.

Помню, что самые умные, самые сильные по знаниям девочки с филологического отделения в перемену бегали только посмотреть на Колю и возвращались в аудиторию взволнованными и покрасневшими, когда это им удавалось. Такие были времена.

Память о Николае Петровиче Мунькове возвращает меня в 1944 год. Я, студентка уже второго курса историко-филологического факультета Казанского университета, живу в общежитии, расположенном в здании геологического факультета на ул. Чернышевского (ныне Кремлевской).

Двери нашей комнаты выходили прямо на огромное окно, расположенное над аркой между двумя двориками, с широченым подоконником, на котором можно было, лежа с учебником и заглядывая вниз на двор, даже заниматься. И вдруг наши девочки (а они все были из Марий Эл) заметили, что каждый вечер, строго в определенное время, в стороне собора Петра и Павла появляются три наших старшекурсника: Николай Муньков, Шамов и Володя Кузин. Мы так их и окрестили «три мушкетера».

И каждый вечер по сигналу дежурившего на подоконник мы дружно вылетали из комнаты, чтобы увидеть «мушкетеров». Позднее мы узнали, что они ходили к девушкам (Кассе Жаворонковой, Вале Чирице и Ане Казаковой), которые снимали комнату у проф. Винокурова.

И кто мог подумать, что через два года один из них – Георгий Федорович Шамов – станет моим мужем, а Николай Петрович Муньков и Владимир Андреевич Кузин – добрыми, надежными, дорогими друзьями на всю оставшуюся жизнь. Светлая им память!

Всех троих мы на факультете хорошо знали как умнейших ребят, с восторгом слушали их доклады и споры в научных студенческих кружках, но знакомы мы не были. В конце 1944 года в университете дружно отмечали завершение трудового летнего семестра – был большой праздник, на котором я и познакомилась с Жорой Шамовым поближе. Он стал надежным товарищем, очень переживал за мои тройки, буквально завалил меня книгами. Вместе с ним в мою жизнь вошли и Коля с Володей.

А потом был удивительный май 1945 года. В День Победы на общеуниверситетском митинге выступал от студентов Николай Муньков, выступал проникновенно, умно, блестяще (так умел только он!). Мы ликовали.

А потом настало 18 мая – день рождения Коли. Об этом дне хочется рассказать, поподробнее: отмечалось не только двадцатилетие Николая Петровича, но и наша общая победа над фашистами. Праздновали у соседей, так как маленькая комнатка, в которой жил Коля с мамой Марией Ивановной, не могла вместить даже пятой части всех присутствующих. Был накрыт огромный стол и было место для танцев. Веселились от души. Но мне было невесело. Жора, который так уговаривал меня пойти на этот

праздник, не пришел. Позднее он объяснил, что проспал... А тут еще Мухамед Рахимович Булатов (позднее доцент, зав.кафедрой КСХИ) красивым сильным голосом каждую общую песню завершал словами: «Кого-то нет, кого-то жаль, к кому-то сердце рвется вдаль...», и все присутствующие смотрели на меня с любопытством и сочувствием... Потом было много дней рождения Николая – это была добрая семейная традиция. И каждый такой день был настоящим праздником души! Менялся социальный статус семьи, менялись возможности и доходы, росла семья, но неизменно оставались в течение боле полувека друзья. 18 мая! С этого дня у нас начиналась подготовка к летнему отдыху, заканчивался у всех трудовой год. Появлялось солнце, цветы, надежды, связанные с весной и летом!

Для Николая лучшим подарком на празднике был тост – добрые светлые пожелания. Но лучшие тосты всегда произносил он сам. А сколько интересных бесед возникало за столом о новостях в науке, жизни. Для меня это была школа общения.

В 1947 году мы с Жорой, побывав у моей мамы в Вологодской области, в августе приехали в мой родной Ленинград. И надо же случиться такому чуду: в первый же день на Невском мы встретили Николая с группой студентов. Я только помню, что девушки были из пединститута, а ребята (среди них Марат Динмухаметов) – из строительного. Договорились поехали на следующий день на пароходе в Петергоф.

Эту поездку я запомнила на всю жизнь. Петергоф 1947 года! Подходили к Петергофу на «самом тихом», лавируя между затопленными судами, островами сгоревших барж, горящими маяками... Пристани не было. Сходили по трапу прямо на берег...

Разрушенный, обгоревший Петровский дворец был затянут огромными полотнищами, не помню, что на них было. Большой каскад был превращен немцами в руины. Мне, бывавшей в довоенном Петергофе (наверное, и всем остальным), было горько, больно и немножко страшно, хотя мы бродили по указателям «Мин нет». Но самое удивительное на этом пепелище – это был рассказ Николая Петровича о создании Петергофа, о строительстве дворцов, об утраченных исторических ценностях. И так было много уверенности в его словах о будущем этого удивительного создания, что появилась вера – Петергоф возродится!

Обратно возвращались опять на пароходе. С Финского залива дул очень холодный ветер. Все были одеты по-летнему. И только на Коле был темно-синий очень широкий плащ. Вдруг мой муж говорит мне: «Лезь под плащ». Николай широким шестом распахивает плащ и застегивает на все пуговицы. Стало тепло и уютно, только ветер бил в открытое лицо. Так мы вернулись в Ленинград.

На следующий день Коля забежал к нам на Фонтанку, к моим друзьям, попрощаться с нами. Они уезжали в Казань раньше нас. Так у нас появились в Ленинграде общие друзья.

Я всегда вспоминаю один случай. Холодным летом 1953 года днем мы (Коля, Леня Ханин, Гирфановы и мы с Жорой) всей компанией едем на пригородном поезде на свадьбу Кузиных в Зеленодольск. Там жили родители невесты Людья Калитиной. В вагон ворвался бандит с огромным ножом и начал угрожать всем, размахивая ножом, и отчаянно ругался. Какой-то парень даже взлетел на боковую верхнюю полку. Наши ребята стояли, не связывались с ним, но и не шарахаясь в стороны. Он почувствовал немое сопротивление, плюнул и выскочил в другой вагон. Бедолагу с верхней полки снимали все вместе. Смеху не было, было страшно. С таким настроением мы явились на свадьбу.

И еще одно воспоминание из тех же далеких лет. В один из весенних вечеров мы с мужем уже довольно поздно отправились побродить по городу. И, конечно, забрели к Николаю. Он был дома один, а посреди крохотной комнатки стоял небольшой стол, закрытый белоснежную скатертью, под которой выступали очертания чего-то необычного. Николай немножко смутился, но потом величественным жестом снял скатерть и пригласил нас к столу. Мы попали к Николаю на пасхальное угощение. Мария Ивановна, как мы потом догадались, была в церкви, а мы, грешники, до положенного времени уничтожали яства, так бережно ею приготовленных и очень редкие для тех времен.

Когда пришла Колина мама, наш пир продолжался. Она подседа к нам и столько радушия и тепла она принесла с собой, что мы даже не почувствовали никакой неловкости от съеденного. Ушли мы из гостеприимного дома Николая, когда уже начало светать.

Вспоминая Николая Петровича, нельзя не вспомнить его маму Марию Ивановну. Мало сказать, что она по-доброму относилась к друзьям сына, она нас любила. Надо было видеть ее добрые глаза и улыбку при встрече, чтобы это почувствовать. Уже будучи больной, лежащей в постели, она просила бывать у нее почаще.

Мария Ивановна была очень религиозным человеком. У нее была огромная скрытая вера, и я уверена, что молилась она о здоровье, счастье и благополучии своего единственного сына – Николая. Он ведь рос очень болезненным мальчиком и выдержать и выстоять в трудные военные годы (не случайно он не был призван в армию) помочь могла только она. Надо было видеть радость и улыбку на ее лице, когда к ней обращался сын с какой-нибудь доброй шуткой. Я до сих пор вижу, как вспыхивали ее глаза, появлялась необычная улыбка на ее лице и раздавался добрый тихий смех. Нас с мужем она почему-то выделяла из всех друзей Николая. И я помню, что когда ей было за 90 лет, и она не выходила из комнаты, я долго сидела у ее кровати, а она не отпускала меня, молчала и смотрела добрыми усталыми глазами.

А годы шли, дружеские отношения становились крепче и интереснее. Наступило время, когда появилась Нина Александровна, жена Коли, самая молодая и красивая среди нас. Появились дети и общие интересы, связанные с их рождением, ростом и болезнями.

Ниночку любили все, но мне кажется, что в их отношениях с Николаем до конца их дней осталось что-то от отношений влюбленной и восторженной студентки и взыскательного и строго учителя. Николай боготворил Нину, но иногда был необъяснимо упрям. Когда Нина начала разводить сад и занялась строительством, он не помог ей. Мало того, он так и не побывал в ее саду, не порадовал ее этим. Он искренне радовался ее научным и творческим успехам, гордился ею, а в семейных делах, трудных, а иногда и очень сложных, был плохим помощником.

Я была у Ниночки в больнице буквально за день до ее ухода. Она сидела на кровати, молодая, красивая. И вдруг говорит: «Риточка, ведь здесь каждый день люди умирают». А я ей в ответ: «Ниночка, но тебя-то это не касается». А она мне: «Ты так думаешь?..», и как-то повеселела. Через сутки ее не стало...

О том, как тесно мы были связаны духовно с Николаем, свидетельствует мой сон. Это было перед первой серьезной операцией Николая.

Мы идем по широкой пустынной дороге вчетвером: две какие-то незнакомые девушки, между ними наш общий с Николаем друг, тогда уже покойный – Леня Ханин¹³ и я. Леня все время старается прижаться к одной из девушек. Она, отступив на шаг, через его спину мне шепчет: «Так дурно от него пахнет, а туда же...» А я, не отвечая, подумала: «Если бы ты знала, откуда он пришел, ты бы не то сказала...» И вдруг Леня говорит: «Вон дом, а в нем Николай Муньков, зайду за ним...» Я стремительно сорвалась, оставила этих странных спутников, влетела по какому-то новому крыльцу в этот дом, распахнула дверь и увидела Николая. Помню мои слова: «Коля, за тобой Леня Ханин идет». Вижу, как на глазах лицо Коли становится бледным, почти белым, он решительно взмахивает рукой и уходит по длинному коридору. Я просыпаюсь. Об этом сне я никогда не рассказывала Николаю. Тогда после тяжелой операции в железнодорожной больнице он выкарабкался.

И вот наступил последний в жизни Николая май 2002 года. Коля лежал в больнице с тяжелейшим заболеванием почек. В самом начале месяца мне позвонил Г.Н. Вульфсон и попросил проводить его к Коле. Я знала, что он болен, но когда увидела больного, отрешенного от жизни и совершенно беспомощного человека, мне стало страшно. Коля уходил от нас. Гриша принес ему много фруктов и черешню. Я стала кормить Колю черешней и чувствовала, сколько сил стоит ему проглотить каждую ягоду. Съев штук пять-шесть, он решительно отвел мою руку с ягодами. Единственное, что Коля тогда буквально прошептал нам: «В этом году день рождения придется отложить до лучших времен...»

Лучших времен не наступило – Коли не стало. В начале мая 2005 года я пришла к Ниночке и Коле на дорогие могилы. У Ниночки буйно, большим кустом, цвели белые пионы, у Коли – красные, скромный, но яркий кустик. Это было тепло и трогательно. А на душе было горько и больно...

¹³ Леонид Иванович Ханин – большой наш общий друг. Работал редактором газеты «Комсомолец Татарии», затем доцентом кафедры в КХТИ. – Прим. М.З.

Верный друг

В 1940 году я окончил Хиславичскую среднюю школу (Смоленская область). Увлеченный гуманитарными предметами (история, литература), я решил поступать в недавно открывшийся в Москве весьма престижный институт истории, философии и литературы (МИФЛИ). Я сдал экзамены, но не был зачислен, так как мне требовалось место в общежитии. В институте не было своего общежития, имелось крайне ограниченное число мест в общежитии МГУ. Но мне не повезло в этом отношении. Я решил поступать в другое учебное заведение. Встал вопрос: куда? В пединститут мне не очень хотелось.

В этот момент в Москву приехали представители Казанского университета. Они обратились к абитуриентам, сдавшим экзамены, но не зачисленным в МИФЛИ, с предложением поехать в Казань для учебы на историко-филологическом факультете КГУ, с предоставлением общежития. Я, недолго думая, принял это предложение.

По приезде в Казань мне выделили место в общежитии университета на Ершовом поле. Учиться предстояло в группе историков, которая носила номер 88.

Надо сказать, что студенты, с которыми меня свела судьба, относились к учебе очень серьезно. Мы внимательно слушали лекции, добросовестно готовились к семинарским занятиям. Занимаясь в научной библиотеке, пользуясь учебниками и учебными пособиями, мы в то же время с большим интересом изучали труды виднейших российских и зарубежных историков.

Довольно быстро у меня в группе появились друзья: Николай Петрович Муньков и Георгий Федорович Шамов. У Мунькова я часто бывал на его весьма скромной квартире в деревянном, неблагоустроенном доме. Жил он с матерью, отец его рано умер. Мать, Мария Ивановна, несмотря на крайне низкую зарплату кассира аптеки, умело вела домашнее хозяйство, делала все возможное, чтобы вырастить, воспитать любимого сына достойным человеком. Более того, она старалась любезно встречать его друзей, угостить их всем, что было в доме в то трудное время (кусочек

хлеба, «селедочка», чай). Это был человек необыкновенной доброты, доброжелательности к людям.

Лекции нам читали, не скажу, что крупные специалисты, но в общем знающие, добросовестные преподаватели: А.П. Плакатин, Е.И. Устюжанин, М.А. Бушмакин, Шевцов¹⁴ и другие.

Вспоминаются проходившие у нас семинарские занятия по истории СССР, которыми руководил довольно пожилой преподаватель В.И. Пономарев. Занятия эти проходили очень оживленно. Мы горячо отстаивали «свои» точки зрения. Например, изучая «Русскую правду», Муньков защищал концепцию академика Б.Д. Грекова, а я – профессора С.В. Юшкова. Выступления Мунькова были эмоциональными, отличались прекрасной дикцией. Он удивлял нас необыкновенной памятью на имена и даты.

Изучали мы также два иностранных языка (Муньков и я – английский и немецкий), а также латинский и старославянский. Все эти предметы вели пожилые, высококвалифицированные преподаватели (Эллисон – английский, Витенберг – немецкий, Шкляев – латинский). Ими предъявлялись довольно высокие требования. Но с нашей стороны все-таки изучение языков, как правило, недооценивалось, да и не хватало прилежания.

Материальное положение студентов, которым не могли помочь родители, было тяжелым. Помню, что стипендии хватало дней на десять-пятнадцать. Потом обедать в столовую мы уже не ходили. Перебивались на хлебе и кипятке (без сахара). Когда же перед войной стипендию отменили, стало совсем скверно. Мне удалось выйти из этого положения – устроиться учеником слесаря-водопроводчика в мастерской университета.

И вот грянула Отечественная война. Теоретически мне было ясно, что будет когда-то война с фашистами. Представлялась она как что-то огненное, вспыхнувшее и быстро погасшее. Этому способствовала официальная пропаганда и наша художественная литература.

События, как известно, развивались по другой схеме, война оказалась затяжной, небывало кровопролитной, подлинно вселенским бедствием для народа.

¹⁴ Шевцов преподавал новую историю (?) – Прим. М.В.

Но учеба в университете продолжалась, несмотря на уход на фронт то одного, то другого преподавателя или студента. Между тем, в Казань прибывали эвакуированные предприятия и учреждения. В здании университета разместился Физический институт Академии наук во главе с его директором академиком С.И. Вавиловым – братом замученного в застенках НКВД выдающегося ученого-ботаника Н.И. Вавилова.

Наиболее заметным для студентов истфилфака было появление в городе видных советских историков, труды которых мы изучали или слышали о них (академики Е.В. Тарле, Б.Д. Греков, Косминский, член-корреспондент Академии А.В. Ефимов и другие). Некоторые из них стали читать нам лекции. Так, спецкурс «От Наполеона до Крымской кампании» нам прочел Е.В. Тарле. Мы его слушали, затаив дыхание. Было необыкновенно живо, интересно. Читал он без конспекта, без перерыва. Даже Муньков, отличавшийся завидным трудолюбием, заслушавшись, иногда забывал конспектировать его лекции.

Очень интересно читал лекции по новой истории А.В. Ефимов, автор известного учебника. С не разгибавшейся одной ногой, с тростью, высокий, похожий, как нам казалось, на англичанина, он расхаживал по сцене актового зала университета. Запомнилось, как он рассказывал о колонизации Америки. Перед нами вставали живые образы колонистов, их труд и быт.

Однако, наша учеба продолжалась недолго. В ноябре месяце 1941 года студентов университета направили в Чувашию на сооружение оборонительной линии. Наш факультет разместили в одном из сел Канашского района. Трое из восьмидесяти восьмой группы – Н.П. Муньков, Г.Ф. Шапов и я поселились в одном крестьянском доме.

Зима стояла суровая, морозы доходили до 41 градуса. Ежедневно мы выходили на рытье противотанковых рвов. Ломами буквально вгрызались в замерзшую землю.

Николай Петрович выполнял другую, весьма важную работу. Ему поручили доставлять на телеге хлеб из пекарни. Это было для нас поддержкой, так как зачастую он приносил домой «премию» – буханку хлеба. Кроме того, наш хозяин-чуваши, работавший на молочной ферме, проявлял милосердие: угощал нас образом (обезжиренным молоком).

В начале февраля 1942 года нас вернули с оборонных работ, и мы продолжили учебу. В середине февраля этого же года я был мобилизован в армию. Перед уходом на призывной пункт, я собрал свое скромное имущество (постельные принадлежности и книги) и оставил его у Муньковых. Так, почти на пять лет, я расстался со своим другом.

Находясь на фронте, я посылал ему короткие письма, на которые всегда получал ответ. В одном из своих писем он переслал мне письмо моего брата, лежавшего в госпитале, с которым у меня не было связи.

Возвратившись в Казань в 1946 году, я навестил Муньковых. Встреча была дружеской, сердечной. Оставленные у них вещи были мне возвращены в полной сохранности.

Николай Петрович уже окончил университет и успешно преподавал отечественную историю в педагогическом институте и 24 средней школе.

Наши дружеские отношения продолжались. Мы довольно часто встречались, иногда совершали прогулки по городу. К нам нередко присоединялись супруги Шамовы, Леонид Ханин (вечный холостяк...), Владимир Кузин. В этой компании молодых людей летом, вечерами, мы иногда заглядывали в центральный парк культуры подышать свежим воздухом, выпить кружку пива. Вместе нам было интересно, весело. Мы вели доверительные разговоры, дружески разыгрывали друг друга. Как помнится, ни разу между нами не «пробежала черная кошка»...

В 1947 году, совмещая с учебой, я стал работать в Государственном музее Татарии в качестве научного сотрудника, а затем заведующего отделом. Николай Петрович был активным членом Ученого совета музея. Бывая в музее, он всегда заходил ко мне в рабочую комнату, чтобы встретиться, поговорить.

В 1950 году меня пригласили на работу в Ульяновск, на должность директора областного Краеведческого музея. С отъездом в Ульяновск наши дружественные отношения не прекратились. Приезжая в Казань, я всегда встречался с Муньковым, а иногда на сутки-двое останавливался у него на квартире. Семья его окружала меня теплом, заботой. Николай Петрович бывал несколько раз у меня в гостях. Однажды он приехал в Ульяновск вместе с Е.И. Устюжаниным и В.М. Дьяконовым. Мы совершили

прогулку по городу, побывали в ульяновских музеях, у здания Краеведческого музея сфотографировались. Затем я пригласил их к себе на квартиру. За обеденным столом мы приятно провели время.

Выше я писал, что между Муньковым и мной никогда не возникали какие-либо ссоры. Но одно досадное недоразумение все же произошло. Перед защитой своей кандидатской диссертации Николай Петрович прислал мне автореферат с просьбой передать его на отзыв ульяновским историкам. Преподаватели педагогического института подготовили прекрасный отзыв, и я его заказным письмом отправил в Казанский пединститут, на кафедру истории. Можно представить, каково было мое огорчение, когда, уже защитив диссертацию, Николай Петрович написал мне, что отзыв он не получил. Я оказался в неловком положении. Ведь он мог подумать, что я не помог ему в деле, связанном с очень важным событием в его жизни. Примерно через год выяснилась причина этого неприятного для меня случая. Новая секретарша деканата обнаружила в ящике письменного стола, за которым работала ее предшественница, мое письмо. В письме находился злосчастный отзыв. Об этом Муньков немедленно сообщил мне. Так закончилась эта неприятная история.

В последние годы в письмах ко мне Муньков рассказывал о своем житье-бытье, о сложившемся у него тяжелом материальном положении, о переживаниях в связи с уходом из жизни его супруги, о жизни родных и друзей, о своем отношении к событиям, происходившим в стране.

Ниже я публикую три письма, в которых, на мой взгляд, находят отражение последние годы его жизни. Письма покойного друга характеризуют его как человека высокого интеллекта, исключительной порядочности и доброты к людям.

* * *

10.III.1998

Дорогой Марк Харитонович!

Наконец я решил ответить тебе сразу на все письма, полученные во II половине 1997 – начале 1998 г. Извини, что так получилось и что в последнее время я начал нарушать свое же правило – сразу отвечать на получаемые письма.

Все твои письма и посылки, включая денежные, получил своевременно. Большое тебе спасибо за внимание и заботу.

Ты же знаешь, насколько тяжелым оказался для всех нас конец прошлого и начало нынешнего года. В ноябре 1997 г. мне сделали срочную операцию по удалению желчного пузыря и тем самым спасли от возможных последствий – перитонита, т.к. пузырь весь сгнил и готов был лопнуть. Более двух месяцев я пролежал в больнице и дома, встал на ноги в январе с.г. и еще не побывал в урологическом отделении РКБ¹⁵: у меня подозревали опухоль мочевого пузыря, но 10-дневные исследования специалистов показали, что никакой опухоли нет, но есть аденома (небольшая), которую предложили лечить лекарствами, хотя и довольно дорогими.

А в начале февраля на нас обрушился еще более тяжкий удар: тяжело заболела Нина. В больнице она пробыла 13 дней и 17.П, в 0ч.20.м. умерла, хотя врачи собирались выписать ее через неделю домой. Смерть наступила от отека легких на базе обширного инфаркта и диабета.

Ее смерть для меня – непоправимое горе, от нас навсегда отлетел светлый Ангел, добрый, милый человек. Без нее жизнь теряет всякий смысл. Я никогда не думал, что она уйдет из жизни раньше меня. Ужасно сознавать, что ее больше нет, любимой жены, друга и товарища. Она спасла меня во время моей болезни, а еще раньше Колю¹⁶, а мы не могли спасти ее.

Похороны были достойными ее, большую помощь нам оказала Рита Шамова¹⁷. Тебе тоже большое спасибо за сочувствие и помощь. Лекарств никаких не нужно, спасибо вам с А.А. за заботу.

Извини, что пишу так кратко. Большой привет А.А. и твоим ребятам. Будьте здоровы! Не забывайте нас.

С дружеским приветом,

Н. Муньков.

¹⁵ РКБ – Республиканская клиническая больница.

¹⁶ Коля (Николай) – старший сын Н.П. Мунькова.

¹⁷ Рита Шамова (Зайцева) – жена Г.Ф. Шамова.

Казань, 5/XI – 98 г.

Дорогой Марк Харитонович!

Вчера получил твою посылку из 3-х книг и плитку шоколада – за что выражаю тебе искреннюю признательность. Молодец ты, дорогой друг, что, несмотря ни на что, занят большим и очень нужным делом. От души поздравляю тебя с выходом очередного труда и думаю, что еще не раз порадуешь нас своими новыми трудами. Ты поступил очень правильно, решив издать некоторые свои прежние статьи, опубликованные в периодической печати разных лет.

Очень хорошо, что летом же посетил могилы своих родных и близких. И в самом деле, мы немного постарели и совершать такие дальние вояжи становится все более трудным делом.

У нас новостей особых нет, не живем, а существуем. В прошлом месяце на неопределенное время сократили наши оклады, и я теперь получаю в месяц 210 рублей (на 0,5 ставки). Это жалкая подачка, своеобразная мне премия за 53 года работы в институте, ныне университете. Правда, есть еще пенсия в 440 рублей...

7/XI ходил на митинг (у поля Ершова), народу было человек 500, выступавшие дружно осуждали Ельцина и нашего Татарбаши Шаймиева, требовали их отставки. Затем все двинулись к площади Свободы, к памятнику Ленину, а я направился навестить Г.Н. Вульфсона, которому и передал твою книгу. Он с интересом с ней ознакомился, начал ее читать и просил передать тебе благодарность за ценный подарок. Рите еще не вручил, т.к. ее в праздники не было дома.

Г.Н. Вульфсон заболел, его 12/XI положили в ГИДУВ¹⁸ на исследование: у него не прекращаются боли в сердце и держится высокое давление. На днях навещу его в больнице.

8/XI Мише Сафронову исполнилось 80 лет, от Вульфсона по телефону поздравил его со славным юбилеем, его супругой является Вера Осипова, которая училась в нашей группе, поэтому ты должен ее помнить.

12/XI отметили мы на факультете 80-летие профессора кафедры общей истории Ременникова. Он приехал к нам на работу

¹⁸ ГИДУВ – Государственный институт для усовершенствования врачей.

из Москвы в 1950 году и с тех пор преподает историю древнего мира. Человек он очень хороший, а специалист классный, входит в элиту античников страны.

Как видишь, жизнь продолжается, и это очень хорошо. Моя же жизнь во многом потеряла смысл после смерти дорогой и горячо любимой Нины – человека редкой доброты и многих других прекрасных качеств. А 16/X этого года в Кишиневе в возрасте 92 лет умерла ее мать, и там остался один отец, которому исполнился 91 год. Сейчас там живет сестра Нины – Аля. Я написал ему письмо и предлагаю приехать к нам, т.к. в таком возрасте жить одному трудно.

Такова наша жизнь. Сейчас в Казани наступила зима, морозы достигают по ночам 20°, днем же значительно теплее.

Передай большой привет дорогой Анне Андреевне и поздравь ее с наступающим славным юбилеем. Тебе желаю не болеть, продолжать также плодотворно трудиться и радовать нас своими изданиями.

Крепко тебя обнимаю, дорогой друг, живи долго и счастливо, будь здоров. Привет также твоим ребятам и внукам.

С нетерпением жду твоих писем.

Твой старый друг Н. Муньков.

* * *

Казань, 28/VI – 1999

Дорогой Марк Харитонович!

Прежде всего сердечно благодарю тебя за поздравление с днем рождения (пусть и несколько запоздалое) и приложение к нему. За последнее хочется объявить тебе строгий выговор, поскольку ты еще не достиг состояния Рокфеллера, Гейтса, Сороса и других воротил американского бизнеса, и твоя собственная жизнь тоже не является легкой, хотя и большое тебе спасибо за заботу и внимание. Все мы считаем тебя верным и дорогим другом, ждем в гости.

Хотя это и не легко, но я все же предпочитаю руководствоваться философией исторического оптимизма, ибо от бесконечных повторений, что сейчас все плохо – лучше не станет. Так что будем надеяться на лучшее.

Новостей особых нет. В мае отметил очередной – 76 – день рождения. С визитом были Гр. Наумович, Рита Шамова и моя зав. кафедрой Мустафина. Посидели хорошо, вспоминали друзей и прежде всего тебя.

Самая главная новость, которую сообщаю тебе, печальная. 2 июня я был сбит легковой автомашиной на остановке улицы Толстого. Водитель, студент 1 курса КФЭИ, ехал по трамвайной линии, а не по дороге (что разрешено правилами) и сбил меня во время перехода на остановку. Не сбежал, а отвез меня в травм-пункт, где мне сделали рентгеновский снимок и обнаружили закрытый перелом малой берцовой кости левой ноги. Наложили гипс и вот почти целый месяц я сижу дома. Достали мне костыли, но ходить на них я не могу. 5 июля гипс обещают снять. Думаю, что все будет хорошо. Друзья навещают, была Рита, Вульфсон и другие. Как видишь, несчастья начали меня преследовать.

Передавай большой привет Анне Андреевне, твоим детям Мише и Юре, их ребятам и женам. Крепко тебя обнимаю, дорогой друг, извини, что письмо это написано карандашом. Будь здоров и счастлив!

С дружеским приветом,

Н. Муньков.

P.S. С наступающим тебя днем рождения.

**Эта дружба продолжается и сегодня
(из воспоминаний «Страницы памяти»¹⁹)**

[... с. 50] С Василием Ивановичем [*Пономаревым. – Г.М.*] мне привелось затем на протяжении многих лет встречаться и на занятиях, и на кафедре, и у него дома. Помню, как первый раз пришел к нему домой. Учился тогда уже на втором курсе. Пошел не один, а с первокурсником Николаем Муньковым. Он был председателем студенческого научного кружка. О том, как лучше организовать работу кружка, мы и хотели посоветоваться с Василием Ивановичем. [...]

Василий Иванович занимал хорошую квартиру. Когда мы вошли в его кабинет, то, прежде всего обратили внимание на большой портрет импозантного мужчины в дорогой черной раме. Портрет стоял на мольберте недалеко от массивного письменного стола и занимал почетное место. Мы спросили Василия Ивановича: «Это портрет Вашего отца?». «Нет, — ответил он. — Это портрет моего университетского учителя, профессора Казанского университета Дмитрия Александровича Корсакова». Портрет университетского учителя Василий Иванович бережно хранил в своем доме более 50 лет. Для нас это был незабываемый пример уважительного отношения ученика к учителю. [...]

[с. 59–60] Многие студенты-историки первого курса второго набора впоследствии проявили себя как интересные и яркие личности: Сергей Романовский, Александр Лосев, Георгий Шамов, Марк Валкин... Но дружить я начал с одним. Эта дружба продолжается и сегодня. Речь идет о выпускнике казанской школы № 20 Николае Мунькове. Школу он окончил с аттестатом отлич-

¹⁹ Вульфсон Г.Н. Страницы памяти. Казань, 2010. 232 с. Ниже представлены фрагменты книги, связанные с именем Н.П. Мунькова – друга Г. Н. Вульфсона со студенческой поры. Г.Н. Вульфсон писал свои воспоминания летом 1998 г., предполагая, что их редактором станет Н.П. Муньков, о чем даже написал в авторском предисловии: «Работая над воспоминаниями, я то и дело обращался к своему давнему другу – Николаю Петровичу Мунькову. У него феноменальная память. Читая черновик этих записок, он сделал ряд поправок и уточнений. Его я и попросил стать редактором. Он согласился. Большое ему спасибо за это» (с. 12). В действительности обстоятельства сложились так, что Николай Петрович так и не прочитал рукопись. Хотя, следует отметить, что при личных встречах Григорий Наумович обращался к его памяти, вместе они вспоминали о каких-то событиях, что находило впоследствии на страницах мемуаров.

ника и был принят в число студентов истфилфака без экзаменов. Николай избрал историческое отделение. Познакомились мы на заседании студенческого кружка. В кружке я был уже старожилом, Муньков — новичок, но именно его избрали председателем кружка. Мы тут же окрестили его президентом и обращались к нему по имени и отчеству — Николай Петрович.

Еще учась на первом курсе, я не раз бывал в Центральном архиве ТАССР и испытал счастье прикоснуться к подлинным документам. Меня интересовала тема «Участие А.П. Щапова в Куртинской панихиде» — антиправительственной демонстрации, проведенной по случаю расстрела крестьян в селе Бездна Казанской губернии в апреле 1861 года. На кружке обсуждался очерк профессора, доктора медицины Василия Николаевича Терновского, посвященный А.П. Щапову и напечатанный в книге «Жизнь замечательных людей в Казани». Книга была опубликована Таткнигоиздатом. Я выступил с резкой критикой этого очерка Терновского. Меня поддержал Муньков. Он начал свое выступление словами из басни Крылова «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник...». Мне его выступление понравилось и по форме, и по содержанию. Я подошел к нему, мы разговорились. С этого дня и началась наша дружба.

Спустя некоторое время мы (т.е. я и Муньков) критиковали этот очерк о Щапове в Государственном музее ТАССР на «краеведческой среде». Инициатором этих «сред» был директор музея Василий Михайлович Дьяконов. Терновский присутствовал на этом заседании вместе с супругой, которая чувствовала там себя не очень уютно. Были на том заседании доцент Е.И. Устюжанин, известный казанский краевед Н.Ф. Калинин, доктор церковной истории И.М. Покровский, искусствоведы П.М. Дульский, В.В. Егерев и другие специалисты. С документами в руках мы показали, что ничего нового Терновский в своем очерке не написал. Профессор с очень импозантным видом ничего с свое оправдание сказать не мог и наконец заявил, что очерк писал не он, а его жена, но она, к сожалению, исторического образования не имела.

Смелые тогда были студенты: не побоялись ни «ученых мужей», ни сотрудников газеты «Красная Татария», по чьей иници-

ативе и готовились два выпуска сборника «Жизнь замечательных людей в Казани». Выступали мы горячо, убежденно, искренне, честно. На том же заседании была создана комиссия для написания на эту книгу рецензии. В нее вошли Николай Филиппович Калинин, я и Муньков. Рецензия была написана, Калининным заметно смягчена и опубликована в «Красной Татарии» за одной только подписью: Н. Калинин.

О нашем выступлении в музее заговорили, узнали на факультете. Говорили, Плакатин не без гордости сказал коллегам: «Рождается новое поколение историков». [...]

[с. 68] Первым из приехавших академиков начал читать у нас лекции Борис Дмитриевич Греков [*речь идет об эвакуированных в Казань в 1941 г. сотрудниках Академии наук СССР. – Г.М.*]. Кое-кто из наших студентов был с ним знаком еще раньше, правда, заочно. Николай Муньков рассказывал мне о том, как это произошло. Студенты на семинарских занятиях изучали «Русскую правду». Занятия вел В.И. Пономарев. У студентов развернулась дискуссия по вопросу о том, можно ли считать «обельных холопов» рабами? Споры были горячими, но ни к какому единому мнению не пришли. Вот тогда кто-то из студентов предложил написать письмо самому Грекову. Попросили сделать это Мунькова как председателя научного кружка. Он согласился. В апреле 1941 года пришел ответ. То-то было радости! Об этом, я думаю, узнали все историки историко-филологического факультета. Борис Дмитриевич обстоятельно разъяснил свою точку зрения по этому вопросу, а в конце письма сделал приписку: «Хотелось бы побывать как-нибудь у вас».

И вот он, автор книги «Киевская Русь» и редактор первого тома вузовского учебника (эпоха феодализма), стоит перед нами, студентами, читает лекции по истории Древней Руси. [...]

[с. 73–74] Не без влияния приехавших ученых активизировалась студенческая научная работа. Особое значение большая группа студентов придавала студенческому научному кружку. Помню, как я и Муньков, набравшись храбрости, пришли к Б.Д. Грекову домой. Он жил в доме № 59 по улице Большая Красная. Принял он нас в небольшой комнате очень приветливо, предложил сесть. Не посмели. И стоя изложили ему нашу просьбу. Мы просили его помочь нам составить тематику докладов для

студенческого кружка. Выслушав нас, Борис Дмитриевич дал нам ряд советов. «На данном этапе, — сказал он нам, — надо ряд тем посвятить героическому военному прошлому народов России». Кружковцы энергично принялись за доклады, которые горячо обсуждались. Большую помощь при обсуждении докладов оказывал нам профессор Б.Ф. Поршневу. Лучшие доклады рекомендовались на студенческие научные конференции. Трудно сейчас вспомнить, кто из студентов с какими докладами выступали. У меня был доклад о Куликовской битве, у Мунькова — о взятии Берлина русскими войсками в 1760 году, в период Семилетней войны.

Отдавая должное актуальной тематике, я продолжал заниматься своей старой темой, посвященной бездненским событиям 1861 года. Когда удавалось выкроить свободное время, бежал в «Научку», читал «Колокол» Герцена, опубликованные письма современников и их воспоминания о волнении крестьян в селе Бездна, о Куртинской панихиде. Этим сюжетом я был сильно увлечен и вскоре мне представилась возможность показать свою эрудицию в этих вопросах.

В университете прочитал объявление, что на ученом совете истфилфака состоится защита кандидатской диссертации Е.А. Седовой, посвященной крестьянским волнениям в ответ на реформу 1861 года. Официальные оппоненты — академик Е.В. Тарле, профессор Б.Ф. Поршневу. Естественно, что тема меня весьма заинтересовала. Я пошел в библиотеку, взял диссертацию и несколько дней ее штудировал. Прочитав, решил непременно на диссертационном диспуте выступить. В свой план посвятил только одного человека — Мунькова. Готовился тщательно.

И вот сама защита. Кто такая Седова, я не знал, но то, что она была не казанская, это мне было известно. С Академией ли наук она эвакуировалась в Казань или какими-либо другими путями приехала в наш город, я тоже не ведал. Защита шла по обыкновенному сценарию. Соискатель доложила свои основные положения, оппоненты дали свою положительную оценку, и дело шло к спокойному завершению. Но, соблюдая процедуру, председательствующий обратился к аудитории: «Есть ли желающие выступить?» Таковым оказался я. Это было для присутствующих, в том числе и для наших преподавателей, полной неожиданностью. Они недоумевали. Что может сказать «наш Гриша» после

Евгения Викторовича и Бориса Федоровича? Когда я вышел, в аудитории стало очень тихо.

Я не ставил перед собой задачу провалить диссертанта. Скорее всего задача была другая: выскочить и показать самого себя. Выступал я резко. Цитировал документы, извлеченные из фондов Государственного архива ТАССР, цитировал письма современников, их воспоминания, говорил о том, что в диссертации того-то и того-то нет, такой-то факт освещен односторонне и т.п. Никакого влияния на голосование мое выступление не имело: диссертация была защищена единогласно. Когда уже результаты были объявлены, и первое волнение улеглось, академик Тарле позвал меня. «Молодой человек, — сказал он мне, — Вы студент-историк. Увлеченно работаете, но зачем выступать так резко?! Подумайте...» Что же касается самой Е.А. Седовой, то она оказалась человеком весьма благородным. О ее благородстве по отношению ко мне расскажу позже.

Однажды мне привелось лично обратиться к Евгению Викторовичу Тарле. В городе он читал публичные лекции на тему «Гитлеровщина и Наполеоновская эпоха». Попасть к нему на эти лекции было очень трудно, студенту — практически невозможно. На лекции пускали по билетам, но билеты не продавались, а распределялись. Они доставались главным образом так называемым ответственным работникам и партийно-комсомольскому активу. Мне, как активному комсомольцу, билет достался, а у друга моего, Мунькова, билета не было. Вот я и сказал ему: «Давай сходим к Евгению Викторовичу домой и попросим у него». Он жил в том же доме № 59 по улице Большая Красная. Мы пришли, я рассказал академику, что у меня есть билет, а у председателя научного кружка Мунькова — нет». И добавил: «Завтра я уйду в армию и очень хочу быть на вашей лекции. Может быть, мне доведется слушать вас в последний раз». Тарле взял клочок бумаги, спросил мою фамилию и написал «Прошу пропустить студента Вульфсона на мою лекцию» и расписался. Студенты-однруппники, узнав об этом, мне завидовали. Мы пошли на лекцию: Муньков — по билету, я — по записке. При входе билеты проверялись, и записку академика Тарле у меня отобрали. Жаль, лишился ценного автографа. [...]

[с. 88–89] Второй месяц весны 1945 года приближался к двадцатым числам. Все, кто хотел, могли сдавать текущие экзамены досрочно с тем, чтобы выиграть время для подготовки к государственным экзаменам. Этот апрель мне памятен. Родители решили устроить мне праздник: провести мой «первый юбилей». Мне исполнялось 25 лет. Настроение у людей было хорошее: все чувствовали приближение дня Победы.

Торжество проходило в родительской квартире. За праздничным столом сидело 25 человек: родители, брат, я с женой, остальные гости. Провозглашались тосты за здоровье, за успехи, за Победу.

Среди гостей – сокурсники, некоторые комсомольцы-активисты и, конечно, Леонид Тузов и Николай Муньков. У Николая было великое пристрастие к чаю. Мои родители знали эту особенность. Для него поставили особый самовар – большой, медный. Его водрузили на комод. Муньков восседал отдельно и попивал благодатный напиток из большой кружки. Удивить ли кого хотел, или жажда мучила его (день был очень теплый) — самовар он одолел, и, представьте, с ним ничего не случилось.

Хорошо прошел тот вечер, а на утро снова взялись за подготовку к экзаменам. [...]

[с. 90] А в 10 утра [9 мая 1945 г. – Г. М.] в переполненном актовом зале университета состоялся митинг по случаю Великой Победы. Его открыл ректор Кирилл Прокофьевич Ситников. Выступили член-корреспондент Академии наук СССР Борис Александрович Арбузов, студент-выпускник Николай Муньков, аспирант Леонид Леонидович Тузов, член-корреспондент Академии наук СССР Николай Григорьевич Чеботарев, старейший профессор университета Николай Алексеевич Ливанов, заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма доцент Дмитрий Георгиевич Морозов. Удивительно: среди выступавших были только участники трудового фронта и не оказалось ни одного солдата, сражавшегося с оружием в руках и опаленного войной. Как так случилось, до сих пор не могу объяснить.

Пока живы его ученики

Мы, студенты исторического факультета КГПИ приема 1946 года, к началу учебных занятий знали только двух работников факультета – Елену Георгиевну Матвееву и Льва Яковлевича Липеца, принимавших у нас вступительные экзамены по истории СССР. Они как лучшие студенты выпуска 1946 года были рекомендованы в аспирантуру. В ожидании приезда профессора В.И. Писарева из г. Куйбышева (он приехал только в 1948 году) они занимали должности заведующего и лаборанта кабинета истории.

Л.Я. Липец был человек женатый, зарабатывал уроками истории в школе. Не дождавшись профессора, он совсем ушел из института учителем истории в школу № 28. В период педагогической практики он принимал студентов III и IV курсов, которые учились у него многому. Лев Яковлевич делился с ними опытом, вовлекал студентов в индивидуальную работу с учениками. Наши сокурсники, проходившие практику у него, остались очень довольны и многие приемы его работы затем использовали у себя на практике. Через некоторое время и Е.Г. Матвеева ушла из института, устроилась в КГУ, где до ухода на пенсию прошла путь от лаборанта до доцента кафедры отечественной истории.

Наша необычно большая группа была вверена Е.И. Устюжанину. Он провел с нами несколько политчасов по серьезным вопросам современности. Занятый подготовкой к защите кандидатской диссертации, он уделял нам немного внимания. Заменивший его в следующем учебном году молодой преподаватель Николай Петрович Муньков стал нам ближе. Он читал нам курс истории СССР XIX века, вел семинарские занятия, руководил курсовыми работами. Под его руководством я написала курсовую работу «Южное общество декабристов» на II курсе и «Советско-германские переговоры 1939 года» на III курсе. Мне трудно судить об уровне этих работ, но Николай Петрович их одобрил.

Мы замечали его и раньше. Молодой, высокого роста, очень худощавый, он носил длинное темное демисезонное пальто, еще больше подчеркивавшее его рост и худобу. Мы, еще первокурсники, часто видели его около аудитории № 4, весело разговаривающим со старшекурсниками. Среди них обычно бывали Надя

Васильева (ныне Сальтина), Яков Зайцев, Виталий Казанцев и другие.

В отличие от Евгения Ивановича Устюжанина, молодой, еще неженатый Николай Петрович познакомился с нами основательно и стал ближе. Кроме учебной работы он внимательно занимался нашим досугом, часто навещал нас в общежитии по выходным дням и праздникам. Он приходил к нам в общежитие по выходным дням. На наши «посиделки» в 20 комнату собирались однокурсники из других комнат. Иногда, особенно по праздникам, мы покупали бидончик пива и, собрав свои запасы, проводили «сбор» – не богато, но весело. Разговаривали, делились впечатлениями, задавали вопросы и т.д. Вообще мы с ним встречались часто на лекциях, семинарах, политчасах, в институте и общежитии.

В один из выходных дней осени 1947 года Николай Петрович приехал в общежитие и вывел нас на экскурсию по городу. От Арского поля мы прошли до Кремля, осмотрели красивые постройки, значительные служебные здания на улицах Карла Маркса и Чернышевского. С большим интересом мы обошли территорию Кремля, полюбовались видами Казани с башни Сююмбеки. Тогда еще не было Большой Волги, на окраинах города зеленели широкие луга. Этот выход в Кремль запомнился нам еще и тем, что там мы встретились с супругами Адо. Николай Петрович познакомил нас с Василием Ивановичем Адо, который на следующий год читал нам курс новой истории, его супруга Ефимова много лет следующим за нами группам студентов-историков читала курс археологии и вела с ними полевую практику в Булгарах.

Во II учебном здании рядом с нами учились студенты исторического отделения учительского института (мы учились 4 года, они – 2 года). Педагогический институт готовил кадры учителей для средней, учительский – для семилетней (неполной средней) школы. Выпускники учительского института позже заочно обучались в педагогическом институте и получали диплом соответствующего уровня. С переходом школ на обязательное среднее образование учительские институты изжили себя.

Н.П. Муньков работал со студентами и учительского, и педагогического институтов стационара и ОЗО, с людьми самого

разного возраста. Даже в нашей группе хорошо была видна такая разница – наш бессменный староста Василий Добрынин был с 1914 года рождения, а самая молодая Галия Гайфуллина – с 1929 года. По возрасту (1923 года рождения) Николай Петрович вполне мог сойти за нашего сокурсника, но он обогнал нас, завершив обучение и получив высшее образование в КГУ в 1945 году.

В течение 1947–1950 гг. Николай Петрович уделял нам много внимания как преподаватель двух учебных курсов (история СССР XIX в. и историография истории СССР) и как куратор. Летом 1950 года мы, учителя с новенькими дипломатами, тепло попрощались с Николаем Петровичем после трех лет очень тесного общения, сохранив добрые чувства к нему и институту.

После завершения обучения я осталась в институте и работала с ним на одной кафедре. И наши встречи проходили уже на другом уровне.

В мае 1953 года меня и Рашата Бирюшева (аспирантов кафедры) он пригласил к себе на день рождения. Мы с радостью приняли приглашение и побегали по городу в поисках подарка для 30-летнего учителя. Ходили по обычным и комиссионным магазинам. В одном из них увидели и облюбовали необыкновенную очень большой емкости чайную чашку с блюдцем (по виду чашка могла вместить до 1 л. воды). Мы знали, что Николай Петрович большой любитель чая и считали подобный подарок вполне подходящим случаю. Однако нас смутило то, что эта вещь уже была в употреблении, и нести ее в подарок на юбилейный день рождения было не совсем уместным. Купили что-то другое.

К приему гостей Николай Петрович подготовился основательно. Гости он принимал в квартире соседей, т.к. своя комната была очень тесной, маленькой. Кроме нас, в компании были супруги Вульфсоны, друг – директор музея из Ульяновска. Когда начались тосты и поздравления, мы с Рашатом были «уничтожены» за свою нерешительность, когда при нас Григорий Наумович Вульфсон с супругой подарили Николаю Петровичу «ту» чашку. Он приходил и на наши дни рождения. Один из таких заметных дней мы отмечали на квартире нашего товарища по работе на ул. Баумана. Николай Петрович знал адрес, но мы все же вышли

встречать его. Он шел по улице, неся осторожно подарок – шка- тулку, украшенную ракушками, которая долго хранилась у меня.

Николай Петрович жил на ул. Свердлова в центре города в очень маленькой комнате вместе с мамой. В студенческие годы мне однажды по делу пришлось побывать у них. Комната, где стояли две кровати, маленький стол и железная печка, была мала даже для одного человека. У них жила большая собака серой ма- сти, любимица Николая Петровича. Вполне понятно, почему он встречался с нами в основном на факультете или общежитии. Уже после женитьбы он из той квартиры переехал в Ленинский район, а позднее получил 3-х комнатную квартиру в центре горо- да на ул. Татарстан недалеко от главного здания пединститута. К тому времени он был главой семьи из 5 человек и вскоре шестого члена семьи – внука. В этой новой квартире успела пожить его мама – Мария Ивановна, умершая в возрасте 99 лет. Николаю Петровичу не суждено было дожить до ее лет. Из жизни сначала ушла Нина Александровна, доцент кафедры русского языка пед- института, через некоторое время не стало и Николая Петровича.

После них остались два сына, любимый внук Саша и гор- дость Николая Петровича – большая библиотека. Но более доро- гим наследием Николая Петровича стала память многочисленных его учеников. В любом из районов республики Татарстан, куда нам приходилось выезжать, учителя всегда с большим интересом спрашивались о делах в институте и преподавателях, в частности, о Николае Петровиче.

Имя Николая Петровича Мунькова, простого в общении, строгого и требовательного на занятиях и экзаменах, обладавше- го удивительной памятью на студентов и выпускников факульте- та, живет и будет жить еще долго, пока живы его ученики.

Наши сокурсники, приезжая в Казань, всегда навещали фа- культет и своих лучших учителей, скучали. В 1970 году мы суме- ли собраться и отметить 20-летие окончания института в школе № 1, где работала директором наша однокурсница Ж.В. Юшкан- цева, 25-летие – в кафе, 30-летие – в квартире однокурсницы Насти Беляковой. На эти встречи приходили приглашенные нами директор КГПИ Юсеф Ахметзянович Туишев, преподаватель госправа Р.Г. Виноградова, академруководитель нашей группы Н.П. Муньков и другие.

Наставник

Мне везло на хороших людей. Обозревая свое почти что шестидесятилетнее пребывание на различных участках «исторической нивы», вспоминаю десятки имен людей, которым я обязан своими познаниями, а главное – методом подхода к изучению прошлого. Да и в формировании нравственных принципов они сыграли свою роль. Наверное, одним из первых среди них – и не только по времени знакомства – назову профессора Николая Петровича Мунькова. Первая встреча с ним состоялась в 1945 году, когда я вместе со своими однокурсниками по учительскому институту слушал его лекции. Мунькова отличали не только совершенно свободное владение материалом, но и потрясающая память на даты и личности. Вообще энциклопедичность знаний была одной из главных черт его личности. Послушать его лекции приходили и студенты других специальностей. В неофициальном рейтинге наиболее популярных преподавателей института по гуманитарным дисциплинам он был в одном ряду с М.В. Брауде и Х.Ф. Сабировым.

Именно Муньков стал руководителем нашей педагогической практики в школе № 24 Молотовского района Казани, когда в 1947 году я впервые переступил классный порог в качестве учителя. Помню его дружеское напутствие: «Не робей, все мы через это проходили». Нам он казался «мэтром», хотя совсем еще недавно окончил исторический факультет КГУ. На фотографии той поры он выглядит очень высоким и худощавым, правда, потом его «габариты» несколько увеличились. После окончания учительского института, во время преподавания истории в Шемордане, а затем службы в армии и работы в обкоме я встречался с Н.П. Муньковым редко, но каждая из встреч приносила что-то новое. Особенно он советовал поддерживать постоянную связь с библиотекой и архивами. Именно он рекомендовал мне перейти из обкома в вуз и начать писать диссертацию, причем не по истории КПСС, которую я преподавал в институте, а по истории СССР. Оказывается, он хорошо помнил мое студенческое увлечение жизнью замечательных людей и посоветовал начать сбор материалов для будущей диссертации. Правда, путь в науку ока-

зался более длительным, чем я предполагал, когда после семилетней работы в обкоме, а до этого – четырехлетней службы в армии, оказалось, что многие мои сверстники, сразу же пришедшие в вуз, уже защитили или были близки к защите диссертаций. Да и из пединститута, где я проработал около десяти лет, был проректором, доцентом, секретарем партийной организации, пришлось для завершения диссертации уйти на полтора года в университет в целевую аспирантуру. Здесь моим научным руководителем стал И.М. Ионенко, мой первый декан по пединституту. Но это уже особая тема, к которой я еще вернусь в ближайшем будущем. Равно как и к другим ученым-историкам – и не только университета – с которыми меня связала судьба, а они были весьма разные не только по знаниям, но и по привычкам и характерам.

Мне пришлось поработать с Н.П. Муньковым, когда он по рекомендации Ю.А. Туишева стал проректором пединститута по учебной работе, а затем долго и успешно руководил кафедрой истории СССР, заменив на этой должности ушедшего по состоянию здоровья Е.И. Устюжанина, тоже человека незаурядного, имевшего широкий кругозор, заслуживающего отдельной публикации. Н.П. Муньков пользовался большим авторитетом среди историков и не только занимавшихся историей Отечества. В пединституте с ним считались такие выдающиеся ученые-историки, как М.Д. Бушмакин, Р.Ш. Тагиров, Ю.Г. Трунский, А.М. Ременников и др. В течение ряда лет он возглавлял государственную экзаменационную комиссию университета. Говоря об особенностях характера и научных взглядов Н.П. Мунькова, замечу, что, наверное, самое главное – он не занимался темами, сулившими быстрое получение ученой степени. Приведу только два примера: первая книга казанского историка, изданная в Москве в послевоенное время, принадлежала Н.П. Мунькову. Она не была посвящена весьма востребованным тогда проблемам революционной борьбы рабочего класса или крестьянства, или студенческим сходкам. Н.П. Муньков скрупулезно и долго изучал, впервые в советской исторической науке, малоизвестную даже специалистам дипломатическую деятельность М.И. Кутузова, по этой теме защитил кандидатскую диссертацию и издал книгу в Москве. Она была, как указано выше, первой в послевоенное время работой

казанского историка, вышедшей в столице. По современным критериям это была полноценная докторская диссертация.

Другой пример первопроходческой работы Н.П. Мунькова – его книга «Историография истории СССР», изданная в 1973 году в Казани как пособие для студентов. Такого пособия в то время не было ни в одном вузе Поволжья. В нем он дает популярный обзор важнейших работ историков досоветского периода. И что особенно ценно, в приложении он приводит краткие сведения об историках XVIII – первой половины XIX вв., хронологическую таблицу основных дат и событий русской историографии и рекомендательный список основных архивных источников и литературы по курсу историографии истории СССР. Будучи опытным педагогом и зная студенческие нравы, Н.П. Муньков не преминул написать в конце пособия, что студент «обязан прочитать одну-две монографии, указанные в рекомендательном списке, причем одна монография должна быть обязательно законспектирована». Помню, что при всем «либерализме» Мунькова, он требовал неукоснительного выполнения указанного выше требования. Это была своеобразная школа, за которую потом его благодарили многие ученики. Благодарили устно и не более того. Это был период, когда не вошли еще в обычай различного рода подношения и подарки. Правда, элементы этой «мини-коррупции» в вузах начали уже появляться, но Н.П. Муньков пресекал их самым решительным образом, будучи и проректором, и заведующим кафедрой. А самое главное – был лично безупречен в этой области: так, будучи депутатом, он не удосужился поставить домашний телефон. Телефон появился позднее, когда ухудшилось здоровье матери и возникла необходимость частого вызова врачей. К сожалению, Н.П. Муньков не смог завершить и издать вторую часть своего пособия по историографии, в которой предполагал проанализировать работы историков советского периода. Одной из причин этого, кроме семейных, было ужесточение цензуры, а создавать апологетику советской исторической науки он не хотел. Он, конечно, не был диссидентом, но в силу своей интеллигентности писать по принципу «чего изволите» не мог. Большой популярностью в школе пользовались его учебные пособия по истории Татарстана, написанные в соавторстве с сотрудниками кафедры. Муньков принимал самое активное участие в обще-

ственной жизни, являлся депутатом казанского горсовета нескольких созывов, нередко выезжал в районы республики с лекциями, выступал на предприятиях города. Что еще запомнилось из человеческих черт Н.П. Мунькова – доброта, стремление бескорыстно помочь нуждающимся, отсутствие зависти в любых ее формах. Не было у Н.П. Мунькова и злопамятности, даже по отношению к людям, попавшим в институт благодаря его содействию, а затем интриговавших против него. Он всегда поддерживал ректора института Ю.А. Туишева, смело бравшего на работу людей, которым по причинам, не имевшим отношения к науке и преподаванию, не находилось места в других вузах. В своих готовящихся к печати воспоминаниях, я, возможно, расскажу обо всем подробнее. Он обладал великолепным чувством юмора, не уступая в этом Ю.А. Туишеву, был демократичен и никогда плохо не отзывался о людях. Я бережно храню подаренные им книги и фотографии с теплыми словами, оценками моей работы и напутствием, которому пытался следовать в меру своих сил. Одну из своих новых книг посвящу его памяти как выдающегося историка, краеведа и просто хорошего человека. Думаю, что всему нашему сообществу историков очень не хватает Николая Петровича и вообще людей его калибра. Я рад тому, что в последние годы, омраченные личными потерями и особенно уходом из жизни супруги Нины Александровны и ухудшившимся состоянием здоровья, большую заботу о Николае Петровиче проявила Г.М. Мустафина. Помню и последнюю встречу с ним в больнице, когда Гульшат Мударисовна сказала мне после выхода из палаты, что надеется на лучшее, но шансы на это, по мнению врачей, постоянно уменьшаются.

Провожая Мунькова в последний путь, его ближайший друг и сокурсник, профессор Казанского университета Г.Н. Вульфсон сказал: «Такие люди, как Николай Петрович, сочетающие талант ученого, дар лектора и великолепные человеческие качества, встречаются очень редко, и жалко, что все хорошие слова о них звучат в основном во время прощания». Сказанное выше можно отнести и к самому Григорию Наумовичу, несколько лет назад ушедшему из жизни. Время подтверждает правоту этих слов.

Наука жизни

1952 год. Отслужив 7 лет в армии (за это время я успел повоевать и с фашистами, и с японцами), я решил пойти учиться в педагогический институт на историческое отделение. По традиции ректор КГПИ Ю.А. Туишев обязательно беседовал со всеми абитуриентами – участниками Великой Отечественной войны. Вот здесь, в кабинете ректора, я впервые встретился с Николаем Петровичем Муньковым, заведовавшим тогда историческим отделением института. А с началом учебного года мы с Николаем Петровичем познакомились поближе и, как оказалось, на всю жизнь.

Первое, о чем хочется сказать – это отношение Николая Петровича, да и всего педагогического коллектива того времени к участникам Великой Отечественной войны. В нашей группе таких было шестеро, и мы постоянно ощущали особое внимание к себе. К нам обращались не просто как к студентам, а как к людям, имеющим достаточный жизненный опыт, умудренным жизнью. Видимо, поэтому многие из нас стали руководителями студенческих комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций.

Я прошел путь комсомольского и партийного работника от комсорга курса до секретаря комитета ВЛКСМ КГПИ. И на всем этом пути я чувствовал постоянную поддержку Николая Петровича, его внимание к моим успехам и промахам. Он учил меня общению с людьми на своем примере, учил гасить конфликты, находить правильные решения.

Безусловно, мы, студенты, учились у Николая Петровича его искусству преподавателя. Его лекции, семинары, экскурсии по Казани не только были интересны, они закладывали основы методики преподавания любимого предмета-истории.

Закончив институт, мы никогда не теряли связи со своими преподавателями и, собираясь вместе, обязательно «за учителей своих заздравный кубок поднимали». И всегда получали от них, в том числе и от Николая Петровича, не только практические советы, но и моральную поддержку.

В 1981 году Николай Петрович сделал мне необыкновенный подарок: он приехал на мой юбилей в школу-интернат № 9 в поселке Васильево. Для меня это был сюрприз! Но главное не в его присутствии. Главное в том, что Николай Петрович своим выступлением как бы поднял престиж нашего родного института и укрепил авторитет своего «внученика» перед коллегами. А хвалить своих учеников он любил и умел. Это большой дар. Конечно, все это оставило неизгладимый след в моей душе.

В нашей домашней библиотеке есть многие из печатных работ Николая Петровича с автографами. Мы храним их как бесценные раритеты.

Можно сказать, что заложенное в нас Николаем Петровичем: любовь и уважение к людям, к Родине и ее истории не осталось мертвым грузом. Многолетняя работа на поприще учителя истории и руководителя педагогического коллектива – это продолжение цепочки «учитель-ученик». И мы благодарны Николаю Петровичу за его науку жизни, за его бескорыстную дружескую поддержку. Поэтому бесконечна наша любовь и память о нем.

Н.Н. Краснова

Лучшие чувства не умирают

Когда он первый раз появился в аудитории, стало ясно, что именно он надолго станет кумиром всех девчонок. Большой, стремительный; так красиво читает лекции, что не знаешь: писать или просто слушать... И... какой-то неухоженный... Как будто одинокий... Не то, что были какие-то осознанные мечты его осчастливить, но что-то такое было в душе у нас – у всех первокурсниц 1953 года.

Мы упивались лекциями Николая Петровича о культуре России и международных отношениях, запоминали, заучивали его хлесткие фразы и словечки: «Акулы мирового империализма», «мракобесы от политики»... Нам это казалось верхом смелости и красноречия.

На свои первые студенческие каникулы я ехала первый раз одна (самостоятельно!) на Украину. И вот в вагоне поезда Казань-Москва я вдруг увидела (О ужас и восторг!) Николая Петровича. Он ехал в Москву с кем-то из преподавателей института (кажется, это был Е.И. Устюжанин). Я оказалась в компании ве-

сельных и остроумных людей, гуляла с ними по ночному перрону какой-то станции в майке Николая Петровича!.. Вот это было приключение! Что еще нужно для дурочки в 18 лет?!

Но все это скоро отошло в прошлое, в Москве меня ждал друг, на Украине – родители, и, когда я вернулась в Казань, о приключении вспоминалось приятно и отстраненно. Могла ли я тогда думать, что через несколько лет наши семьи соединят крепкие долголетние отношения.

Когда Нина Наумова вышла замуж за Николая Петровича, по-моему, студенчество пединститута было повергнуто в шок второй раз (первый – это когда я вышла замуж за секретаря комитета комсомола пединститута Краснова Виктора: на меня бегали смотреть с других факультетов с удивлением, недоверием и еще Бог знает с чем). Теперь это выпало на долю Нины, и это нас сблизило: до этого, хоть мы и учились в одной группе, близкими подругами не были. А теперь просто деловые отношения становились дружескими и необходимыми. Так и переплеталось: семья, дело, отдых – и все это становилось дружбой.

Нельзя сказать, что мы встречались часто. Нет. Слишком большой была разница в круге общения каждой семьи, очень разные люди на окружали. Но когда уж встречались, это было замечательно: весело, дружески, даже как-то любовно. Мы с Ниной хлопотали вокруг стола и детей, а Николай Петрович с Виктором, вольготно расположившись на диване или в кресле, обсуждали международные дела. Потом сидели за столом, на котором пофыркивал самовар... Какое удовольствие доставлял нам этот самовар! Во-первых, его нужно было вытащить на крыльцо, во-вторых, заправить лучиной и шишками, затем раздуть, перемазавшись в саже и золе, и – наконец – напугать половину Соцгорода густым дымом и запахом пожара. Наши мальчишки (два Николая и Алеша) носились вокруг с восторженными воплями, а наша старшая дочь пыталась их урезонить. А потом мы все шли провожать Муньковых к остановке трамвая по темной улице к трамвайному депо...

Шли годы, выросли дети, старели мы, уже и внуки появились, а все оставалось как прежде: весело, дружно и как-то любовно. И всегда звучали веселые и серьезные, с хорошей долей юмора тосты Николая Петровича. Столько любви и нежности,

вкладывал он в слова «мальчишки» и «Ника», обращенные к Нине, что было даже немножко завидно. И каким светом сияли его глаза, когда с тревогой и надеждой говорил он о своих «мальчишках», Коле и Алеше. И как тепло и проникновенно отзывался он о своих друзьях.

А потом было больно и горько. Сначала ушла Нина, потом – Николай Петрович. И остались только воспоминания да дружба наших мальчиков – двух Николаев. И это, видимо, залог того, что лучшие чувства не умирают, а продолжают в наших детях. А значит, продолжается и память о замечательных людях, какими были для нас Нина и Николай Петрович.

А.С. Городнянская

Он умел убеждать

В 1945 году я поступила в Казанский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет. Трудное это было время, карточный паек до 1947 года. Но студенты занимались с большим интересом, стремились получить как можно больше знаний.

Лекции педагогов были праздником для студентов. Нам преподавали Илья А. Рахин, Семен Николаевич Никольский, Вячеслав М. Неболюбов, Иван Георгиевич Пехтелев. Молодыми педагогами были Зоя Алексеевна Старицына и Николай Петрович Муньков. Его лекции по всемирной истории никого не оставляли равнодушными. Этот высокий худой педагог читал лекции по памяти, читал увлеченно, как будто сам участвовал в тех событиях. Отношения со студентами были уважительные и дружественные.

Мне пришлось по распределению после окончания пединститута работать в г. Набережные Челны. Я была единственным педагогом с высшим образованием по русскому языку и литературе. С 60-х годов я работала в Казани в авиационном техникуме, десять лет проработала на кафедре русского языка КГПИ. Я часто слушала выступления Николая Петровича на партсобраниях. Его высказывания были всегда самыми аргументированными, самыми значительными. Он умел убеждать.

Я узнала, что Николай Петрович женился на своей ученице, выпускнице литфака. В семейной жизни он был заботливым сыном, мужем и отцом своих сыновей. Оба сына получили высшее образование.

С Н.П. Муньковым и с его женой Ниной Александровной мы встречались в семейном кругу у Анастасии Александровны Михеевой и у нас. Проводили встречи выпускников через 20-30 лет. Николай Петрович был прекрасным собеседником, блистал своей эрудицией, всегда был в центре внимания. В мой юбилей подарил мне книгу по истории Татарии с дарственной надписью.

Мы уважали своих педагогов и умели их ценить.

И.П. Ермолаев

**Учитель, коллега, товарищ
(память о Николае Петровиче Мунькове)**

С чувством большого волнения я думаю о замечательном человеке, встретившемся на моем жизненном пути и сыгравшим заметную роль в становлении меня как историка-профессионала – Николае Петровиче Мунькове.

Судьба свела меня с Муньковым в мои студенческие годы. Сначала я услышал его имя. Один из наших преподавателей, Григорий Наумович Вульфсон, часто рассказывал о том, как он вместе со своим другом и однокашником в университетские студенческие годы Муньковым занимался в фондах Исторического музея (ныне – Национальный музей Республики Татарстан), изучая документы и свидетельства о деятельности историка-демократа Афанасия Прокопьевича Щапова и его знаменитом участии в Куртинской панихиде. Эти рассказы были, как все в исполнении Вульфсона, столь «живыми», что зрительный образ Мунькова у меня сложился задолго до того, как я впервые увидел. И, как оказалось, он был очень близок к оригиналу.

С самим Муньковым мы, студенты-историки первой половины 50-х годов прошлого века, встретились на 3-м или на 4-м курсе (скорее, на четвертом), когда он, преподаватель Казанского педагогического института, был приглашен в университет для чтения нам специального курса. Самое любопытное со-

стоит в том, что я не могу вспомнить, какой именно из прочитанных нам спецкурсов был «муньковским», но вместе с тем превосходно помню, как читался этот курс. Я запомнил не содержание курса, а методику его чтения, впечатление, какое оставлял от этого курса лектор. По-моему, это был курс о Гражданской войне. Помню, что Н.П. Муньков во время его чтения все время приводил конкретные примеры, конкретные места действия сообщаемых фактов. Это было столь интересно, столь близко к местности (примеры чаще всего строились на местном, близком всем нам, материале), они были насыщены такими подробностями, что оставались в памяти. Образ Николая Петровича – лектора за университетской кафедрой – у меня жив до сего времени.

Более близкое знакомство с Муньковым состоялось у меня в послеаспирантское время. Так, случилось, что за годы аспирантуры я не успел защитить кандидатскую диссертацию (в тот период времени задачей аспирантуры ставилась подготовка материалов к диссертации; сам процесс защиты приветствовался, но не был самоцелью, как сейчас) и попал в весьма сложную ситуацию. Мой научный руководитель профессор Владимир Иванович Писарев к этому времени уехал из Казани (он стал заведовать кафедрой в Пензенском педагогическом институте), и на университетской кафедре не нашлось для меня места (отсутствие защищенной диссертации сыграло в этом определенную роль). Другими словами, я остался без преподавательской работы. Некоторое время мне пришлось перебиваться «случайными» заработками (я работал редактором журнала «Коммунист Татарии», заведующим литературной частью Казанского театра юного зрителя и т.д.). Вот в это «трудное» для меня время я однажды как-то случайно встретился с Николаем Петровичем, и он, узнав о моем «бедственном» положении, пригласил в педагогический институт, где он заведовал кафедрой и одновременно был в это время проректором по учебной работе.

Несколько лет в конце 50-х – начале 60-х годов я был преподавателем-почасовиком Казанского педагогического института. От того времени у меня остались не только приятные воспоминания, но и ученики. До сих пор я встречаю людей, которые, вспоминая свое студенческое прошлое в пединституте,

называют меня в числе своих учителей. В эти годы мне довелось довольно близко познакомиться с Николаем Петровичем. Я присутствовал на заседаниях кафедры, которые он проводил как заведующий кафедрой, познакомился с его женой, светлой памяти Ниной Александровной, участвовал в общественных мероприятиях факультета. Муньков принял самое активное участие в подготовке к защите моей кандидатской диссертации. Он дал блестящий отзыв о моей работе и, помнится, участвовал в предзащитном обсуждении моей диссертации на кафедре истории СССР Казанского университета (диссертация защищалась в Диссертационном совете Куйбышевского педагогического института).

Новый этап жизни в постоянном общении с Муньковым связан у меня с периодом, начиная со второй половины 60-х годов, когда я стал штатным преподавателем университетской кафедры отечественной истории, был избран секретарем партийной организации историко-филологического факультета, позднее назначен заместителем декана по учебно-методической работе, а затем стал проректором университета по учебной части. Здесь источником связи с Муньковым у меня стали не только наши предшествующие личные отношения, сколько опосредованные через Г.Н. Вульфсона. Их студенческая дружба прошла через всю жизнь. Насколько я помню, дом Вульфсона, его многочисленные застолья (которые так любил Григорий Наумович) невозможно было представить без Мунькова. А у меня с Вульфсоном сложились особенно близкие отношения именно в это время (начиная с конца 60-х годов). Часто бывая у Вульфсона в семье, я неизменно встречал там Мунькова. Николай Петрович постоянно интересовался моей жизнью, проблемами служебной деятельности, научными занятиями (в 70-е годы я начал работать над докторской диссертацией).

Встречаться с Муньковым было приятно и на официальных, и на неофициальных (личных) встречах. Застолья он любил не меньше своего друга Вульфсона, человеком он был столь же остроумным, столь же жизнерадостным и столь же доброжелательным.

Мунькова и Вульфсона связывали узы большой дружбы, на их отношения друг к другу было приятно смотреть. Они лю-

били подшучивать друг над другом. Помню, рассказы Вульфсона о том, как они «накалывали» друг друга. Особенно запомнился рассказ о, якобы, хобби Николая Петровича одно время коллекционировать невскрытые винные бутылки. Вульфсон с юмором рассказывал, что этих бутылок с винами самых различных марок у Мунькова собралось великое множество, и он очень гордился собранной коллекцией и с удовольствием показывал ее своим гостям. Однажды в день рождения Николая Петровича собравшиеся выпили все, что было приготовлено хозяином к пиршеству, но гостям показалось, что они еще недостаточно поздравили Мунькова и что не все тосты были произнесены. Учитывая наличие большой коллекции вин, блестящих разноцветными этикетками, гости категорически потребовали продолжения банкета и «допекли» хозяина, который, естественно, вынужден был нарушить целостность своей коллекции. Однако, когда вскрыли вынутую из шкафа бутылку, оказалось, что ее содержимое превратилось в горьковатую воду. Муньков был, рассказывал Вульфсон, настолько ошарашен, что после этого пустил всю свою коллекцию «в дело», и все муньковские друзья с великим наслаждением некоторое время помогали ему осуществлять это мероприятие, а после его реализации устроили банкет по поводу благополучного его окончания.

Превосходно помню грандиозное застолье по поводу юбилея (по-видимому, 60-летия) Николая Петровича. Неофициальная часть проводилась в одном из залов официальных приемов на улице Восстания. Была еще жива жена Николая Петровича Нина Александровна. Пиршество было столь же веселое, как и продолжительное. Мы расходились далеко за полночь.

Николай Петрович Муньков был не только замечательным человеком большой доброты, но и превосходным ученым. Правда, эта сторона его личности внешне как-то менее впечатляет: он не рискует выйти на защиту докторской диссертации, не получил ВАКовского звания профессора, не стал номинантом каких-либо почетных ученых наград и премий. Думаю, что причина этого лежит в характере Мунькова, отличавшегося не только большой скромностью, но и отсутствием какой-либо

степени даже намеков на тщеславие и стремление личного возвышения. Я глубоко убежден в том, что научно-исследовательская деятельность Мунькова, особенно в области историографии, была и многогранна, и плодотворна. Его книга (к сожалению, неоконченная, издана только первая часть) по истории исторической науки представляет из себя большое достижение советской историографии. Во всяком случае, на моей полке справочной литературы первой степени важности она занимает самое почетное место.

Но еще более важное место в науке занимают достижения Мунькова в области краеведения в широком масштабе. Его многочисленные (изданные и в немалой степени, судя по широте его взглядов и глубины эрудиции, наверняка, еще неопубликованные) экскурсии и эскизы по истории местного края, его учебное пособие по истории Татарстана, его активное участие в научно-исследовательской работе Национального музея нашей республики имеют непреходящее значение для региональной историографии. Думаю, что руководство Казанского государственного педагогического университета сделает очень большое, полезное и крайне нужное дело, если осуществит издание сборника научных трудов Н.П. Мунькова.

Лично я ношу в своем сердце незабываемый образ замечательного человека – Николая Петровича Мунькова. Светлая ему память!

28 сентября 2008 г.

А.Л. Литвин

Его всегда было интересно слушать

Меня познакомил с ним Георгий Федорович Шамо́в, руководитель моей дипломной работы. Я работал тогда в школе учителем истории, но очень нуждался в приработках. Так сложилась тогда жизнь после окончания истфилфака Казанского университета. Г.Ф. Шамо́в привел меня к Н.П. Мунькову, в 1957 г. проректору по учебной работе Казанского государственного педагогического института, в большой кабинет, наполненный книгами и бумагами. Муньков принял нас приветливо, большой, вальяжный, дипломатичный. Шамо́в сказал мне, что они знакомы со

студенческих лет. Мне было предложено поработать почасовиком на кафедре истории, тогда не было разделения на кафедры истории СССР и всеобщей истории, это случилось позже. Кафедру возглавлял Евгений Иванович Устюжанин, прекрасный, доброжелательный человек, профессионально подготовленный историк. Он определил меня к доценту Рифгату Шакирдзяновичу Тагирову, проверять контрольные работы студентов-заочников по новой и новейшей истории. Так началась моя работа в КГПИ.

В 1963 г. Е.И. Устюжанин и Н.П. Муньков предложили мне перейти на ставку старшего преподавателя кафедры истории, вскоре после ее разделения я остался работать на кафедре истории СССР, став доцентом. С этого времени мы встречались с Муньковым на заседаниях кафедры, а позже подружились семьями. У него была очень хорошая семья, жили мы тогда рядом: он на улице Ибрагимова, я – на Гагарина. С ним жила его мама – Мария Ивановна, жена Нина и двое сыновей – Коля и Алеша. Это была очень дружная, гостеприимная семья, в которой чувствовалось огромное уважение к Марии Ивановне. Тогда мне и в голову не приходило, что к старости Николай Петрович потеряет мать, затем жену и останется в одиночестве, помогая уже взрослым сыновьям...

С ним было легко работать. Он был непревзойденным лектором с удивительной памятью, помнящим даты рождения и смерти, имена многих исторических и политических деятелей. Он написал кандидатскую диссертацию и книгу о М.И. Кутузове как дипломате, стал автором качественного курса лекций по историографии России XIX века. Его всегда было интересно слушать: большая эрудиция и образность мышления привлекали к его лекциям не одно поколение студентов.

Муньков длительное время был проректором института. Ректором тогда был Юзеф Ахметзянович Туишев, педагог и организатор с большим и доброжелательным опытом работы с людьми. Помощником Мунькова была Галина Васильевна Орлова, сердечная, ответственная, за все переживавшая женщина. У меня осталось впечатление об этом периоде работы в институте, где я в общей сложности проработал около 17 лет, как о самом демократичном времени. Мы тогда на кафедре выпускали ежегодники научных трудов «Из истории Татарии» и «Вопросы ис-

ториографии и источниковедения», приглашали для чтения лекций таких известных ученых, каким был А.А. Зимин, в сборниках публиковали его работы и его учеников С.М. Каштанова и многих других. В 1968 г. отметили 50-летие института. Муньков и Туишев были сторонниками политического просвещения студентов и сотрудников института: тогда часто устраивались научные конференции и диспуты, на общих политчасах в институте выступали такие известные в стране люди, как А.И. Тодорский, автор многих книг и воспоминаний, генерал, ставший жертвой политических репрессий в 1930-е годы, и др.

С поста проректора Муньков перешел заведующим кафедрой истории СССР, где проработал длительное время. Он сменил на этом посту своего учителя Е.И. Устюжанина. Я работал под начальством того и другого. У меня осталось впечатление, что как заведующий кафедрой и просто как человек, Устюжанин был посильнее. Муньков был необычайно либеральным заведующим, он просто не способен был сам сделать что-либо неприятное. Но Устюжанин мог заступиться, если чувствовал несправедливость по отношению к члену кафедры, Муньков этого не делал, сам не принимая участия ни в чем. Он дипломатично хотел остаться в стороне, разумеется, если происходящее не касалось лично его интересов. Я пишу об этом, может быть, до сих пор чувствуя личную обиду за то, что он ничего не сделал, когда мне пришлось уйти из института, но он точно также поступал и в других известных мне случаях.

С годами вспоминается больше хорошего, нежели иного, неприятного. Тем более, если речь идет о Мунькове, с которым мы были знакомы десятки лет и которого мне было искренне жаль, когда он оказался с тяжелой болезнью в больнице и рядом с ним была только его верная ученица Гуля Мустафина. Мы навестили его вместе с Булатом Султанбековым в больничной палате и не сразу узнали в резко похудевшем, измученном болезнью человеке, Николая Петровича, который приветствовал нас как всегда бодро и громогласно. Потом были похороны...

С уходом таких людей, как Муньков, его студенческих друзей Г.Ф. Шамова, Г.Н. Вульфсона, мы, их младшие коллеги и ученики, постепенно сиротели, лишаясь старших, пусть не всегда надежных товарищей, с которыми можно было всегда посовето-

ваться и решить, как поступить в тех или иных ситуациях. Остались многочисленные ученики Мунькова, и пока жива память о нем, он остается с нами.

И.Х. Кадыров

Н.П. Муньков и школа

Шел ноябрь 1942 года. В один из классов школы № 24 Казани вошел высокий, худой, бледный молодой человек. Это был 19-летний второкурсник Казанского университета Николай Муньков. Ему удалось с первого же урока приковать к себе внимание ребят грозной военной поры. Красивый голос, прекрасная дикция, яркий рассказ учителя произвели сильное впечатление. Спустя 10 лет в той же школе, в 10-м классе вместе с моими сокурсниками я проходил педпрактику. Уроки, которые дал тогда Николай Петрович, надолго нам запомнились.

Поскольку Н.П. Муньков работал с десятыми классами, в расписание занятий были включены сдвоенные уроки – на первом уроке проводился опрос, учащиеся отвечали по домашнему заданию. А второй урок представлял собой то, что стали именовать школьной лекцией, в которой освещалась очередная тема и давалось домашнее задание. Николай Петрович всегда уделял особое внимание раскрытию сущности исторических событий, выявлению причинно-следственных связей и отбору фактического материала.

Вспоминая ту педпрактику, хотелось бы упомянуть собрание одного из 10-х классов, на котором рассматривался вопрос о поведении одного из учеников и возникшую в связи с этим конфликтную ситуацию. Очень сильное впечатление произвело глубокое и убедительное выступление другого талантливого учителя-историка, бывшего опытного комсомольского работника Хариса Фатыховича Сабирова, который в более поздние годы работал в нашем институте зав.кафедрой философии и был близким другом и Николая Петровича, и моим тоже.

Работа школьного учителя наложила отпечаток и на педагогическую, научно-исследовательскую, методическую и воспитательную работу Н.П. Мунькова на историческом и истори-

ко-филологическом факультете педагогического института. К тому же, надо добавить, что он был человеком разносторонних интересов, глубоких знаний в различных областях исторической науки, литературы и искусства. Ведя преподавательскую деятельность, занимая руководящие посты (зам.декана исторического и декана историко-филологического факультета, проректора по учебной работе, зав.кафедрой истории СССР), Николай Петрович уделял особое внимание профессиональной направленности учебного процесса, вооружению будущих педагогов знаниями и умениями, необходимыми в школе. Если говорить об учебном процессе, то хотелось бы рассказать об инициативе Николая Петровича по постановке годовичного семинара «Мировое значение русской культуры XIX века». Тема эта вызвала большой интерес как у студентов, так и у других преподавателей. Доклады и выступления студентов сопровождались прослушиванием музыки великих русских композиторов, демонстрацией произведений живописи. Некоторые темы обсуждались после посещения выставок, концертов и спектаклей.

Инициатива Н.П. Мунькова получила развитие в практике работы преподавателей кафедры истории СССР Р.М. Бикметовой и И.М. Абдрашитовой. Кстати сказать, в 50-е годы комсомольская и профсоюзная организация регулярно проводили культпоходы в театры. Вместе со студентами почти всегда был и Н.П. Муньков.

Интерес Николая Петровича к вопросам культуры не остался незамеченным в коллективе института – в течение ряда лет он был председателем жюри по проведению смотров художественной самодеятельности. Я, как секретарь комитета ВЛКСМ КГПИ, также участвовал в его работе. С большим размахом проходили заключительные концерты, на которых Н.П. Муньков ярко и образно подводил итоги художественного творчества наших студентов.

Вспоминается еще одна инициатива Николая Петровича и – в ту пору зав.кафедрой истории СССР – Евгения Ивановича Устюжанина, поддержанная и кафедрой всеобщей истории, руководителями которой были М.Д. Бушмакин, а затем А.М. Ременников. Речь идет об организации постоянно действующего

(в феврале–апреле) воскресного лектория по актуальным вопросам истории для учащихся-старшеклассников. В изготовленной типографским способом афише указана была дата и место проведения, тема лекции и имя лектора. Афиши были вывешены не только в школах, но и в общественных местах города. На лекциях присутствовали и учителя городских школ, сотрудники нашего института, не говоря уже о преподавателях исторических кафедр. После лекций завязывались беседы с учащимися, происходил обмен мнениями между членами кафедр истории СССР и всеобщей истории. За 20 лет своего существования (с 1945 года), по подсчетам самого Н.П. Мунькова, было прочитано более 30 циклов лекций, которые прослушали около 10 тысяч старшеклассников и других слушателей.

Весьма полезной инициативой тогдашнего руководства института было создание районного общественного университета учителя, занятия которого посещали до 800 учителей Бауманского района. Одно время деканом исторического факультета этого университета был автор этих строк.

Опыт работы данного университета оказался интересным. Вскоре по инициативе Казанского горкома КПСС возник Городской университет учителя, в рамках которого функционировал и исторический факультет. Кстати сказать, на протяжении нескольких десятилетий Николай Петрович был лектором еще одного университета – Вечернего университета марксизма-ленинизма при Казанском ГК КПСС, где он читал курс истории внешней политики СССР и международных отношений. Немало наших выпускников – учителей истории прослушали лекции Н.П. Мунькова, который был признанным знатоком и исследователем международных отношений.

Николай Петрович живо откликнулся на нужды школы и учителя, брался за выполнение такой работы, которая отвлекала его от основной проблемы его научных изысканий. Вместе с Е.И. Устюжаниным он был инициатором создания учебников и учебных пособий для школ республики по истории Татарстана. У меня дома имеется учебное пособие «История Татарской АССР» (изд.2-е. Казань, 1973) Е.И. Устюжанина, И.М. Абдрашитовой, Н.П. Мунькова с дарственной надписью Николая Петровича моему сыну – ученику 5-го класса. Данное пособие

в течение ряда лет было основным при изучении этого предмета в школе.

Весьма плодотворной были общественная деятельность Николая Петровича в сфере народного образования. В течение полутора десятилетий он был депутатом и председателем постоянной комиссии по народному образованию Казанского городского совета депутатов трудящихся. В те годы партийные и советские органы при поддержке общественности провели большую работу по расширению сети школ и дошкольных учреждений, многие школы перешли на односменные занятия. Постоянная комиссия Горсовета под руководством Н.П. Мунькова обсуждала конкретные и перспективные вопросы школьной жизни, заботилось о жизни и быте учителей, держала под своим контролем вопросы организации детского творчества, летнего отдыха детей. Руководство Исполкома Городского совета всегда отмечало эффективную помощь депутатской комиссии органам народного образования и школам.

Многогранная успешная работа Николая Петровича была результатом не только его добросовестного отношения к любому делу, но и таких его качеств, как уважительное отношение и интерес к людям, доброжелательность. Обладая феноменальной памятью, он помнил по именам тех, кто работал в его время, сотни выпускников.

Николай Петрович любил встречаться со своими учениками, где бы они волею судеб не работали, в том числе и в неформальной обстановке.

Обозревая жизненный и творческий путь Н.П. Мунькова, отдавая должное его успехам в научных исследованиях, можно вслед за известной в нашем городе журналисткой В. Гудковой сказать о нем – Педагог по призванию.

Н.П. Муньков как историограф

Николай Петрович Муньков (1923–2002) – выпускник исторического факультета Казанского университета был энциклопедически образованным человеком, обладал широким кругозором, а его научно-педагогическая и общественная деятельность была разносторонней и многообразной. С 1945 до 2002 года он проработал в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете (ранее КГПИ, КГПУ): проректор по учебной работе Казанского государственного педагогического института, декан исторического факультета, доцент, профессор, зав. кафедрой истории СССР, депутат Казанского городского совета народных депутатов, председатель постоянной комиссии по образованию, член диссертационного совета в КГУ, член научного совета по истории исторической науки, заслуженный учитель Республики Татарстан, заслуженный деятель культуры Республики Татарстан, кавалер ордена Знак Почёта и т.д.

В своих научных трудах Н.П. Муньков затрагивал как конкретно исторические, так и историографические проблемы отечественной истории. В разработке как тех, так и других им были достигнуты значительные для своего времени результаты.

Историографией как научной и учебной дисциплиной он заинтересовался ещё в студенческие годы. По его воспоминаниям историографические сюжеты были неизменным явлением заседаний студенческого научного кружка, председателем которого все 5 лет являлся Николай Петрович. В дальнейшем историографией в научно-исследовательской и преподавательской работе он занимался профессионально вплоть до последних дней своей жизни.

В научно-педагогическом наследии Н.П. Мунькова присутствует как проблемная историография, посвященная, главным образом, различным вопросам внешней политики России и СССР, так и персонифицированная историография, посвященная анализу исторических взглядов отдельных историков, и историография прикладная, учебная, т.е. подготовка и публикация учебников и учебных пособий, в том числе по вопросам методологии и методики преподавания историографии в высшей школе.

Из первой группы трудов – по проблемной историографии – выделяется серия статей, опубликованная в Учёных записках Казанского государственного педагогического института «Вопросы историографии и источниковедения», ответственным редактором которого являлся Николай Петрович Муньков.

Исследовательская проблематика и хронологические рамки были весьма актуальны и научно-значимы по своим задачам. Н.П. Муньков вполне обосновано замечал, что после XX съезда КПСС за 10-12 лет «изучение внешнеполитических проблем шло наиболее интенсивно..., вышли серьезные публикации дипломатических документов, были созданы обстоятельные коллективные исследования и крупные монографии по дипломатической истории нашей страны, вышли в свет научные биографические очерки, посвященные деятельности крупных русских и советских дипломатов, на русский язык были переведены лучшие исследования зарубежных авторов, посвященные в основном периоду второй мировой войны, появились мемуары русских, советских и зарубежных дипломатов и государственных деятелей, наконец, история международных отношений и внешней политики стала отображаться в художественной литературе» .

Обращает на себя внимание, во-первых, комплексный подход Н.П. Мунькова к проблемной историографии, нашедший выражение в более широком определении её предмета, включающего в себя как научное познание прошлого, основанного на анализе исторических источников, применении общенаучных и специальных методов исторического исследования, теоретических и практических выводов, так и более широкий аспект исторического знания – обращение к историческим представлениям общественных, государственных деятелей, публицистов, писателей и т.д. Это был новаторский подход, отвечающий запросам того времени, что нашло выражение в постановке функционирования исторических знаний в социальной среде и общественной практике, тем более имеющей отношение к внешней политике. Во-вторых, прослеживается мысль Н.П. Мунькова о преемственности дипломатии русской и советской, что также было важно и обосновано.

Из работ по названной мною «персонифицированной историографии» следует выделить такие исследования Н.П. Мунько-

ва, как «К изучению исторических взглядов П.А. Ровинского – видного землеводца» (в соавторстве с Г.Н. Вульфсоном), «Е.И. Устюжанин как историк местного края», рецензия на книгу Г.Н. Вульфсона «Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации». Этим работам присущи по-муньковски яркие характеристики историков, сравнительный анализ концепций, умение выделить главное, что присуще историческим взглядам персоналий.

Большой ряд публикаций и докладов на научных конференциях Н.П. Мунькова посвящены опыту преподавания историографии в Казанском государственном педагогическом институте. Общий курс историографии отечественной истории читается студентам историкам КГПИ-КГПУ-ТГПУ с 1946 года, и всё это время вплоть до последних дней своей жизни читался именно Н.П. Муньковым. Выражаю безмерную благодарность Николаю Петровичу, что в конце 1980-х годов, будучи заведующим кафедрой, он поручил мне вести семинарские занятия по историографии истории СССР, а затем и читать часть общего лекционного курса как на очном, так и на заочном отделениях. Накопленный Н.П. Муньковым опыт преподавания историографии в высшей школе бесценен. Он частично обобщён в публикациях Николая Петровича. В 1974 году в очередном выпуске «Вопросов историографии и источниковедения» им была опубликована статья «Из опыта работы кафедры истории СССР Казанского пединститута по постановке преподавания методологии и историографии истории СССР на историческом отделении». В 1975 г. в Смоленске вышла его статья «Постановка преподавания историографии истории СССР на историческом отделении КГПИ», а в 1985 г. в Днепропетровске была опубликована следующая статья из этой серии: «О преподавании отечественной историографии на историческом отделении Казанского пединститута». К ним примыкает и наша совместная учебно-методическая разработка.

Обращает на себя внимание, что во всех этих публикациях Николай Петрович пишет о работе кафедры. Историография действительно стала кафедральным направлением научных и учебно-методических изысканий. Безымянно говоря о своей методологии и методике преподавания курса историографии, Н.П. Муньков привлекает внимание читателей к особенностям науч-

ной и преподавательской работы других членов кафедры – В.В. Иванова, А.Л. Литвина, Ю.К. Краснова, И.М. Абдрашитовой. Привлекательной стороной работы кафедры истории СССР того времени было приглашение читать спецкурсы видных и авторитетных учёных Москвы и Казанского университета. Перед студентами исторического отделения историко-филологического факультета КГПИ выступали такие известные и авторитетные доктора наук, профессора как А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.П. Ненароков, А.Е. Иванов, Г.Н. Вульфсон, З.И. Гильманов, И.М. Ионенко, Р.И. Нафигов, И.Р. Тагиров, А.М. Залялов и др.

Николай Петрович подчеркивал ещё два важных момента деятельности кафедры в области историографии. Первое – это восстановление в 1972 г. аспирантуры при кафедре по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», которую впоследствии под научным руководством профессора В.В. Иванова закончили, защитив диссертации, 7 человек. Впоследствии при кафедре истории России ТГГПУ действовала аспирантура по «Отечественной истории» и вопросы историографии отечественной истории неизменно стояли в центре диссертационных исследований аспирантов. Второе – это то, что кафедра широко пропагандировала достижения отечественной историографии перед учителями города и республики. Это направление деятельности кафедры и самого Николая Петровича нашло воплощение в подготовке и издании учебников для средних школ по истории Татарстана и учебных пособий для студентов исторических факультетов. В этой связи особое значение имеет авторское учебное пособие, которое вполне можно назвать учебником по историографии истории СССР, изданное в КГПИ в 1973 году. Данное учебное пособие представляет собой переработку курса лекций по историографии и является его первой частью: с древнейших времен до 1861 г. Вторая часть планировалась по периоду с 1861 г. до 70-х годов XX в., но, к сожалению, она так и не увидела свет. Определённым продолжением первой части стала изданная в 1989 г. методическая разработка по курсу историографии на тему «В.О. Ключевский – выдающийся русский историк второй половины XIX – начала XX вв.». Таким образом, можно говорить о том, что Н.П. Мунькову удалось в своих учебно-методических работах охватить и осветить историю исто-

рической науки в России до начала XX в. К достоинствам этого труда Н.П. Мунькова относится краткое систематическое изложение основных проблем отечественной историографии, выявление закономерностей формирования, развития и смены исторических концепций, определение условий развития исторической науки и её функционирования в практике общественной жизни, яркое, образное, живое изложение историографического материала, что способствовало лучшему его усвоению студентами. Многим поколениям студентов историков это учебное пособие помогло усвоить азы историографии отечественной истории.

Наконец, нельзя не отметить активное участие Н.П. Мунькова в научных сессиях, историографических конференциях в Москве, Ленинграде, Луцке, Смоленске, Днепропетровске, Казани, Самаре и т.д. В декабре 1977 г. решением Президиума АН СССР Н.П. Муньков был утвержден членом Научного совета по истории исторической науки при Институте истории АН СССР и стал одним из наиболее активных деятелей Средневолжской секции, за что неоднократно получал благодарственные отзывы от председателя Совета академика М.В. Нечкиной и зам. председателя профессора В.А. Дунаевского.

Николая Петровича Мунькова знали, ценили за его весомый вклад в разработку, изучение проблем историографии отечественной истории и богатый опыт преподавания историографии в высшей школе во всех республиках Советского Союза, во всех крупных университетских центрах России. Это дань признания заслуг Н.П. Мунькова перед исторической наукой и изучением её истории.

Публикации прошлых лет

В. Гудкова

заслуженный работник культуры ТАССР

Педагог по призванию

(Из газеты «Вечерняя Казань», 1983, 24 мая)

Еще вчера его называли просто Николаем, Никой, а сегодня он впервые услышал: «Николай Петрович». Директор казанской средней школы № 24 имени Валерия Чкалова В.А. Фриновская представила шестиклассникам нового учителя истории...

Пройдет свыше сорока лет, Николай Петрович Муньков станет известным в Казани человеком, создаст учебник истории Татарской АССР, а свой первый школьный урок запомнит до мельчайших подробностей. Перед ним, 19-летним второкурсником Казанского университета, сидели за партами дети военной поры. Худые от недоедания лица, печальные глаза. Да и сам учитель мало чем отличался от учащихся: долговязый, бледный. Но вот он заговорил о восстании Спартака, и будто раздвинулись стены тесного класса (в школьном здании разместился госпиталь), и двинулись на Древний Рим колонны восставших рабов. Учитель говорил с таким вдохновением, что никто из учащихся не заметил, как промелькнули 45 минут урока. На перемену никто не побежал, все окружили Николая Петровича, засыпав его вопросами.

Преподаватель латинского языка КГУ Николай Павлович Шкляев, уговоривший студента Мунькова поработать в школе (учителей не хватало), не без тревоги спросил в учительской о том, как прошел урок. Но, увидев счастливое лицо юноши, успокоился.

Закончится победой война с гитлеровским фашизмом, Муньков получит университетский диплом с отличием, станет преподавателем кафедры истории СССР Казанского педагогического института, но с 24-й школой не расстанется, оставаясь в ней учителем в течение четырнадцати лет. И только перед защитой кандидатской диссертации он не без сожаления покинет школу, сохранив на всю жизнь самые светлые впечатления о своей учительской работе.

О таких учителях, как Николай Петрович Муньков, говорят, что они прирожденные педагоги. Умение увлечь класс, огромная эрудиция, великолепная память, добродушие и юмор делают уроки таких преподавателей яркими, интересными. Человеческая личность, как нигде, проявляется в учительской профессии. И если это личность неординарная, к ней непременно потянутся чистые ребячьи сердца, открытые для добра и правды.

Педагогическое поприще изберут для себя и его бывшие ученики – ныне секретарь парткома КГПИ Ю.В. Бабанов, заведующая кафедрой Н.Х. Салехова, преподаватели К.Х. Габидуллин, М.В. Слесарев. а сколько тех, кто стали школьными учителями! Приезжая по традиции через три года после окончания вуза на слет молодых специалистов, они добрым словом вспоминают своего наставника, заведующего кафедрой Н.П. Мунькова, у которого учились преданности избранному делу.

...Те военные учительские годы Николай Петрович помнит еще и потому, что они не просто определили жизненное призвание, но и были отмечены правительственной наградой. Осенью 1946 года в помещении Бауманского райкома партии учительнице Н.А. Михайловой и ее бывшему ученику Н.П. Мунькову вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Настанет время, и доцент КГПИ получит орден, но самой дорогой для него останется та первая награда, признание первых успехов на педагогическом поприще.

Николай Петрович долго не оставлял школу еще и потому, что она давала ему возможность по-настоящему организовать педагогическую практику студентов, или, выражаясь современным языком, устанавливать обратную связь. Для него никогда не существовало проблемы дисциплины на уроках, ибо, по его глубокому убеждению, возникает такая проблема только по вине педагога, не умеющего заинтересовать ребят своим предметом.

История – мировоззренческая наука. Идейная убежденность, высокое профессиональное мастерство преподавателя – лучшая методика. И, конечно, красноречие, а говорит Муньков хорошо поставленным голосом, красиво, образно, словно раз-

мышляя вслух, ненавязчиво одаривая слушателей таким запасом знаний, который не почерпнешь ни в одном учебнике.

Как-то мне довелось побывать на его лекции по истории для абитуриентов – слушателей подготовительных курсов. В самой большой аудитории главного здания пединститута собрались далеко не троечники, но каждое слово заведующего кафедрой они ловили как откровение. А он говорил им об исторических закономерностях, учил видеть в этой науке главное – движущие силы исторического процесса.

Признаться, тогда, после лекции, не скрыла своего удивления: заведующий кафедрой выступает перед абитуриентами? Ведь Муньков – очень занятый человек, ведет огромную общественную работу.

Николай Петрович рассмеялся раскатисто, весело. Помолчал и заговорил, как о глубоко продуманном: видимо, таким вопросом его донимали не раз.

– Нет, не считаю это лишним, мне ведь очень важно знать, какое пополнение идет в педагогический институт, тем более, что у нас на историко-филологическом факультете студенты обучаются по программе широкого профиля, получая две специальности: учителя истории и иностранного языка. Нагрузка колоссальная, не каждому она под силу, поэтому качество приема на первый курс играет особенно важную роль.

Нельзя не удивляться широте его научных и педагогических интересов. Он по праву считается высококвалифицированным и широко эрудированным специалистом в области истории СССР и историографии, а также внешней политики СССР и международных отношений. Общие и специальные курсы в Казанском университете, курс истории внешней политики СССР и международных отношений в университете марксизма-ленинизма при Татарском обкоме КПСС – это помимо заведования кафедрой в КГПИ. Увлечение историей дипломатии проявилось во время подготовки кандидатской диссертации, итогом которой стала ученая степень и монография «М.И. Кутузов – дипломат», опубликованная к 150-летию блистательной победы России в войне 1812 года над Наполеоном. Весь тираж книги разошелся во время открытия Бородинской панорамы в Москве.

Свыше 10 тысяч томов насчитывает личная библиотека Н.П. Мунькова, и каждая книга – с многочисленными закладками и пометками. И все же трудно представить этого высокого, крупного человека книжным затворником. Удивительно жизнерадостный, готовый первым прийти на помощь, умеющий быть преданным, отвечать добром на добро – он всегда с людьми.

В Казанском педагогическом институте Н.П. Муньков работает с 1945 года – сразу же после университетской скамьи. Многие годы был он деканом истфака, десять лет – проректором по учебной работе, с 1967 года принял заведование кафедрой истории СССР. Небольшой коллектив преподавателей (кстати, здесь выросли два доктора наук) явился первопроходцем в области составления учебников и учебных пособий по истории ТАССР для школ республики.

Хотя Николай Петрович и не ведет теперь уроков в школе, но связан с ней прочными нитями: 16-й год он возглавляет постоянную комиссию по народному образованию Казанского городского совета народных депутатов, оказывая педагогическим коллективам большую помощь в совершенствовании учебного процесса и воспитательной работы, укреплении материальной базы школ, улучшении условий жизни и быта учителей.

А многочисленные друзья Николая Петровича, все те, кому выпало счастье общаться с ним, любят его за добрый характер, заразительный смех, оптимизм.

**Из статьи «Икенче рәттәге кара төймә...»
(Журнал “Сәхнә”, 2004, № 3)**

...Әдәбият-сәнгатьнең кешегә тәэсир итү көче турында мин студентларга һәр уку елының башында беренче тапкыр күренгәндә бер лекция сөйли идем. Болар – игелекле остазым Николай Петрович Муньковның махсус курсыннан алынган (ул безгә “XIX йөз рус культурасы” дигән темага лекцияләр укыган иде) һәм үзем жыйган мәгълүматлар. Остазым сөйләгәнә шул.

Рус рәссамы Василий Пукиревның (1832–1890) “Неравный брак” дигән картинасы бар. Ул картинада 70-80 яшьлек бер сановникның 18-19 яшьләрдәге бер кыз белән никахлашуы сурәтләнган. Шунда ук кызның әтисе белән әнисе куркып калганнар, тыннары кысылган. Фәкыйрьлектән чыгу максатында бердәнбер кызларын харап иткәннәр бит! Картина 1862 елда Третьяков галереясенә куела. Халык гөҗ килә. Мәскәү газеталарында бу картинаның эчтәлегә турында мәкаләләр күренә. Никах исәп-хисапка корылган! Картина бик каты шаулагач, моны галереягә килеп тарихчы, язучы, этнограф Николай Костомаров та (1817–1885) карый. Аның хатыны үлгән була, аңа яшь бер кызны димләгәннәр икән һәм инде фәлән көнне алар никахлашасылар, вәгдәләр бирелгән икән. Костомаров әлегә картинаны күргәч тынсыз кала һәм өенә кайткач әлегә кәләшенә хат юллай: гафу итегез, мин никахтан баш тартам...

1913 елның гыйнварында психик авыру Балашов рәссам Илья Репинның “Явыз Иван һәм аның улы Иван” картинасын карап торганда кинәт кенә явыз патшага һөҗүм итә һәм картинаны пычак белән өч жирдән ярып төшерә. Бу картинаны репродукциядә генә булса карагыз әле: безнең күпме-күпме фәннәр докторы, кандидаты Казан ханлыгының Мәскәүгә кушылуы прогрессив күренеш дип үзенә каржера ясады. Алар мәшһүр Илья Репинның кисеп ташлаган тырнагына да тормыйлар! Явыз Иванның күзләренә генә карагыз! Үз улын чигәсенә тимер таяк башы белән сугып үтергән. Малаеның чигәсеннән кан ага. Әтисенең күзләре шашкан, ни эшләгәнән аңлап, акылыннан язган. Күзләренә генә карагыз әле! Шушы уголовник (103 нче статья) Казан татарларын жиңгәч ниләр генә

кылмас? Студент Балашовны “психик авыру” дип тарихка керткәннәр. Архивларны актарырга кирәк. Бәлки, ул әле бездән акыллырак булгандыр? Бәлки, ул әле безнең халыкның – татарның – бер оныгыдыр... Илья Репинны чакырып кайтаралар. Картинаның рәсми исеме болай: “1581 елның 16 нче ноябрәндә Явыз Иван һәм аның улы Иван”.

Репин узенең ярдәмчеләре белән бу картинаны ярты ел буе реставрацияли-ремонтлый. Кереп карагыз әле: ямаулар әле дә беләнә. Хәер, кеше шундый: Явыз Иван, имансыз Иван турында түгел, картинаны караганда теге эзләр турында гына уйлый, шуларны табарга тырыша. Остазым Н.П.Муньков лекцияләреннән соң исә мин гел Иван Мөдһиш яулап алган бәчетсез татар халкының кан бәрәп торган чигәсе турында гына уйлыйм.

Библиография трудов Н.П. Мунькова

1949

1. Из истории студенческих волнений в Казанском университете в 1881–1882 гг. // Ученые записки КГПИ. – Казань, 1949. – Вып. 7. – С.81–91.
2. Из писем Левашовых к проф. Флоринскому (документы о студенческой сходке в Казанском университете 4/XII 1887) // Ученые записки КГПИ. – Казань, 1949. – Вып. 7. – С. 91–95.

1955

3. Об объективно-прогрессивном значении борьбы России за выход к Черному морю (методическая разработка для учителей). – Казань: ТИУУ, 1955. – 5 с.
4. Прогрессивное значение воссоединения с Россией Белоруссии и Правобережной Украины. Прогрессивное значение сближения с русским языком народов Закавказья, Молдавии и Финляндии (методическая разработка для учителей). – Казань: ТИУУ, 1955. – 5 с.

1956

5. М.И. Кутузов и национально-освободительное движение на Балканах в начале XIX века // Ученые записки КГПИ. – Казань, 1956. – Вып. 11. – С.93–119.
6. Новые документы об И.П. Павлове и В.А. Богородицком // Ученые записки КГПИ. – Казань, 1956. – Вып. 11. – С. 111–116.

1957

7. Из дипломатической деятельности М.И. Кутузова (1792–1813) // Ученые записки КГПИ. – Казань, 1957. – Вып. 12. – С. 253–309.

1958

8. Дипломатическая деятельность М.И. Кутузова (1792–1813): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1958. – 471 л., 8л. прил.

1959

9. Дипломатическая деятельность М.И. Кутузова (1792–1813): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1959. – 17 с.

1962

10. М.И. Кутузов – дипломат [монография]. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 141 с., 2 л. ил. – (Сер. «Выдающиеся дипломаты).
11. Идеология и политика современного Ватикана. – Казань: Таткнигоиздат, 1962. – 24 с.

1967

12. К изучению исторических взглядов П.А. Ровинского – видного землевольца / Г.Н. Вульфсон, Н.П. Муньков // Вопросы историографии и источниковедения. – Казань, 1967. – Сб. 2. – С. 201–210.

1968

13. К изучению вопросов русской дипломатии и внешней политики СССР (обзор литературы 1956–1968 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения. – Казань, 1968. – Сб. 4. – С. 238–260.
14. Е.И. Устюжанин как историк местного края // Вопросы историографии и источниковедения. – Казань, 1968. – Сб. 4. – С. 343–348.
15. Вопросы историографии и источниковедения: сборник / отв. ред. Н.П. Муньков. – Казань: КГПИ, 1968. – Сб. 4. – 348 с. – (Ученые записки Казан. гос. пед. ин-та; вып. 71).
16. Новейшие достижения и успехи советской исторической науки // Совет мәктәбе. – 1968. – № 10. – С. 14–16.

1970

17. История Татарской АССР: учебное пособие для средней школы / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. – 176 с.
18. Татарстан тарихы: урта мәкт. өчен уку ярдәмлеге / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, В.В. Кузьмин, Н.П. Муньков; тәрж. Н. Габитов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1980. – 176 б.
19. Из истории Казанского государственного педагогического института // Из истории Татарии. – Казань, 1970. – Сб. 4. – С. 39–48.
20. О подготовке студентов-историков к ведению факультативного практикума по истории международных отношений и

внешней политики СССР // Из истории Татарии. – Казань, 1970. – Сб. 4. – С. 228–233.

21. В.И. Ленин – организатор побед советской дипломатии на Генуэзской конференции (1922) // Материалы республиканской конференции по общественным наукам, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. – Казань, 1970.
22. Фридрих Энгельс и революционная Россия // Коммунист Татарии. – 1970. – № 9. – С. 20–25.

1971

23. Рекомендательный список основной и дополнительной литературы и источников по курсу историографии истории СССР для студентов стационара и ОЗО исторического отделения истфака КГПИ. – Казань, 1971. – 12 с.

1972

24. Татарстан тарихы: урта мәкт. өчен уку ярдәмлеге / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков; тәрж. Н. Габитов. – 2 басма. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1980. – 176 б.
25. Рекомендательный список основной и дополнительной литературы и источников по курсу истории СССР XIX – начала XX века. – Казань, 1972. – 12 с.

1973

26. Историография истории СССР (краткое учебное пособие по русской и советской историографии). – Казань: КГПИ, 1973. – Ч. 1. – 133 с.
27. История Татарской АССР: учебное пособие для средней школы / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков; ред. В.В. Кузьмин. – 2-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 176 с.

1974

28. Казанский государственный педагогический институт / Т.Я. Курбанов, Я.И. Ханбиков, А.Л. Литвин, Н.П. Муньков, Б.Ф. Султанбеков, М.З. Тутаев, А.А. Михеева, А.А. Кирсанов, В.З. Закиров, В.Р. Нагибаров, Г.Х. Хисамов. – Казань, 1974. – 198 с.
29. Из опыта работы кафедры истории СССР Казанского пединститута по постановке преподавания методологии и историо-

- графии истории СССР на историческом отделении // Вопросы историографии и источниковедения. – Казань, 1974. – Вып. 6. – С. 104–111. – (Ученые записки КГПИ; Вып. 121).
30. Вопросы историографии и источниковедения: сборник / отв. ред. Н.П. Муньков. – Казань: КГПИ, 1974. – Вып. 6. – 140 с. – (Ученые записки Казан. гос. пед. ин-та; вып. 121).
31. Татарстан тарихы: урта мәкт. өчен уку ярдәмлеге / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков; тәрж Н. Габитов. – 3 басма. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1974. – 180 б.
32. Советская программа мира в действии // Коммунист Татарии. – 1974. – № 2. – С. 24–31.

1975

33. К изучению вопросов русской дипломатии и внешней политики СССР (обзор литературы 1969–1975 гг.). // Вопросы историографии и источниковедения. – Казань, 1975. – Сб. 7. – С. 33–85.
34. Вопросы историографии и источниковедения: сборник / отв. ред. Н.П. Муньков. – Казань: КГПИ, 1975. – Сб. 7. – 154 с. – (Ученые записки Казан. гос. пед. ин-та).
35. Интересное исследование / В. Королева, Н. Муньков, Я. Шарапов) // Коммунист Татарии. – 1975. – № 3. – С. 94–96. – Рец. на кн.: Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. – 352 с.
36. Постановка преподавания историографии истории СССР на историческом отделении КГПИ // Вопросы историографии в высшей школе. – Смоленск, 1975. – С. 89–90.
37. История Татарской АССР: учебное пособие для средней школы / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков. – 3-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. – 180 с.
38. Советская внешняя политика мира и сотрудничества // Коммунист Татарии. – 1975. – № 4. – С. 25–32.
39. Классовые, интернационалистические основы внешней политики СССР // Коммунист Татарии. – 1975. – № 12. – С. 65–69.
40. Страницы памяти (Историко-филологический факультет в годы Великой Отечественной войны) / Г.Н. Вульфсон, Н.П.

- Муньков // Во имя Отчизны: Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. – Казань, 1975. – С. 42–63.
41. Внешняя политика СССР в годы Великой Отечественной войны // В помощь лектору. – Казань, 1975. – 4 с.
42. Возникновение первых тайных обществ дворянских революционеров (к 150-летию восстания декабристов) // В помощь лектору. – Казань, 1975. – 4 с.
43. Укрепление связи Казанского пединститута со школами и органами народного образования (1959–1975) // Из истории Татарии. – Казань, 1975. – С. 6.

1976

44. Научные исследования в области истории СССР в КГПИ // Научные исследования в КГПИ. – Казань, 1976. – С. 139–147.

1977

45. Изучение внешнеполитической деятельности В.И. Ленина в советской исторической литературе // Историография и источниковедение истории СССР: сб. статей. – Казань, 1977. – С. 3–23.
46. Историография и источниковедение истории СССР: сб. статей / отв. ред. Н.П. Муньков. – Казань: КГПИ, 1977. – 130 с.
47. Развитие ленинских принципов внешней политики СССР в решениях XXIV и XXV съездов КПСС: программа спецкурса / КГПИ. – Казань, 1977. – 16 с.
48. Внешняя политика СССР: мирное сосуществование // Коммунист Татарии. – 1977. – № 9. – С. 84–90.

1978

49. Беседы, интервью и ответы В.И. Ленина иностранным корреспондентам и дипломатам как источник для изучения внешней политики Советского государства // Историография и источниковедение: вопросы методики исследования. – Казань, 1978. – С.12–34. – (Ученые записки КГПИ; вып. 184).
50. Историография и источниковедение: вопросы методики исследования / науч. ред. Н.П. Муньков; ред. Э.А. Салимова. – Казань, 1978. – 144 с. – (Ученые записки КГПИ; вып. 184).
51. Внешняя политика СССР. Защита социалистического Отечества (для изучающих Конституцию СССР) // Коммунист Татарии. – 1978. – № 3. – С. 74–78.

1979

52. Ленинским курсом миролюбивой внешней политики // Коммунист Татарии. – 1979. – № 4. – С. 89–92.

1980

53. История Татарской АССР: учебное пособие для средней школы / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков, В.В. Кузьмин. – 4-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. – 144 с.
54. Татарстан тарихы: урта мәкт. өчен уку ярдәмлеге / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, В.В. Кузьмин, Н.П. Муньков; тәрж. Н. Габитов. – 4 басма. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1980. – 144 б.
55. История Казанского государственного университета (рецензия на работу аналогичного названия) / Я. Абдуллин, Ф. Газизуллин, Н. Муньков // Коммунист Татарии. – 1980. – № 1. – С. 94–96. – Рец. на кн.: Казанский университет: Очерки истории. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979.

1983

56. Программа мира и ее осуществление // Коммунист Татарии. – 1983. – № 5. – С. 89–96.

1984

57. Средневолжская зональная секция научного совета по проблеме «История исторической науки» // Вопросы истории современной исторической науки. – М.: Наука, 1984. – С. 112–114.
58. Борьба СССР за укрепление всеобщего мира и международной безопасности, за предотвращение термоядерной катастрофы: программа спецкурса. – Казань: КГПИ, 1984. – 20 с.
59. Планы семинарских занятий, вопросы для повторения и темы дипломных работ (отделение международных отношений, II курс университета марксизма-ленинизма ОК КПСС). – Казань, 1984. – 20 с.
60. Изучение ленинского теоретического наследия в курсе истории СССР // Пути совершенствования учебно-воспитательного процесса и качества подготовки учителей истории: тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции. – Луцк, 1984. – С. 17–18.

1985

61. О преподавании отечественной историографии на историческом отделении Казанского пединститута // Вопросы развития историографических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС: материалы Всесоюзной научной конференции / под ред. проф. Н.П. Ковальского. – Днепропетровск: ДГУ, 1985. – С. 94–95.

1987

62. Планы семинарских занятий по историографии истории СССР и методические рекомендации к ним / Н.П. Муньков, О.В. Сеницын. – Казань: КГПИ, 1987. – 16 с.

1989

63. В.О. Ключевский – выдающийся русский историк второй половины XIX – начала XX вв.: методическая разработка по курсу «Историография истории СССР». – Казань: КГПИ, 1989. – 31 с.

1999

64. Устюжанин Евгений Иванович (1902–1968) // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета: сб. статей. – Казань, 1999. – С.139–142.

2003

65. История Татарстана. XIX век: учебное пособие для средних общеобразовательных школ, гимназий, лицеев и средних специальных учебных заведений / Г.М. Мустафина, Н.П. Муньков, Л.М. Свердлова. – Казань: Магариф, 2003. – 255 с.

2004

66. Татарстан тарихы. XIX гасыр: татар урта гомуми белем мәктәбе, гимназия, лицей һәм махсус урта уку йортлары өчен дәреслек / Г.М. Мостафина, Н.П. Муньков, Л.М. Свердлова; русчадан Э.М. Камалов тәрж. – Казан: Мәгариф, 2004. – 255 б.

Именной указатель

Абдрашитова Ирек Мухамедовна (1929–1990), старший преподаватель кафедры истории СССР. Работала в КГПИ в 1953–1987 гг. 36, 110, 111, 116, 125, 126, 127, 129

Абдулхакова Галина Насыровна (р.1920), студентка первого набора исторического факультета КГУ. Окончила университет в 1944 г. 16

Адо Василий Иванович (1905–1995), выпускник общественно-экономического отделения Восточно-педагогического института. В 1938–1942 гг. старший преподаватель и и.о. заведующего кафедрой всеобщей истории КГПИ. Участник Великой Отечественной войны. С 1946 г. старший преподаватель, доцент кафедры всеобщей истории КГУ. 47, 91

Азимуратова Надежда Михайловна (р.1922), студентка отделения истории историко-филологического факультета КГУ (1940–1942). Отчислена по собственному желанию в ноябре 1942 г. 16

Бахмутова Елена Константиновна (1897–1957), доцент. Работала в КГУ с 1941 г., организатор и заведующий кафедрой (1944–1957) русского языка и общего языкознания. 15

Бикметова Резеда Маликовна (р.1926), выпускница КГПИ 1950 г., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР (отечественной истории) КГПИ. 35, 90, 110

Бондаренко Валентина Андреевна (1922–1992), студентка первого набора исторического факультета КГУ. Кандидат исторических наук, доцент. Преподавала в КАИ, затем в КГПИ. 16

Булатов Мухамед Рахимович (1919–1992), кандидат исторических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны. В 1947–1949 гг. заведующий кафедрой марксизма-ленинизма КГПИ. Впоследствии заведующий кафедрой философии и науч-

ного коммунизма Казанского сельскохозяйственного института. Друг Н.П. Мунькова. 32, 71

Бурматин Сергей Петрович (1913–1943), студент первого набора исторического факультета КГУ. Погиб на фронте. 16

Бушмакин Михаил Дмитриевич (1882–1962), кандидат исторических наук (1942), доцент, в 1948–1955 гг. заведующий кафедрой всеобщей истории КГПИ. Один из первых преподавателей открытого в 1939 г. исторического факультета КГУ, в 1945–1948 гг. и.о. заведующего кафедрой всеобщей истории КГУ. 20, 21, 24, 25, 26, 43, 45, 62, 76, 95, 110

Валиев Камиль Ахметович (1931–2010), выдающийся ученый-физик. Доктор физико-математических наук (1963), академик АН СССР (1984). Лауреат Ленинской премии. 45, 56, 65

Валкин Марк Харитонович (1922–2012), друг Н.П. Мунькова. В 1950–1982 гг. директор Ульяновского областного краеведческого музея. 75, 84

Васнецов Николай Алексеевич (1901–1961), доктор биологических наук (1940), профессор. В 1927–1961 гг. преподавал в Казанском ветеринарном институте. 32

Вульфсон Григорий Наумович (1920–2002), студент первого набора исторического факультета КГУ. Участник Великой Отечественной войны. Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории КГУ. Друг Н.П. Мунькова. 4, 8, 15, 16, 31, 41, 69, 74, 81, 83, 84, 92, 97, 102, 104, 105, 108, 115, 116, 125, 127, 128

Горбачева Евдокия Андреевна (1905–1980), старший преподаватель кафедры истории СССР КГПИ в 1938–1959 гг. 26, 27, 28

Городнянская Антонина Степановна (р.1925), выпускница КГПИ 1949 г. Старший преподаватель кафедры русского языка КГПИ. 101

Григорьев Александр Николаевич (1903–1947), выпускник общественно-экономического отделения Восточно-педагогического института, кандидат исторических наук. Работал в КГПИ в 1930–1947 гг. *24, 26*

Громов Иван Андреевич (1897–1964), выпускник Всесоюзного коммунистического университета им. Я. Свердлова, кандидат исторических наук (1947). В сентябре 1941 – январе 1945 г. директор и заведующий кафедрой марксизма КГПИ, с 1945 г. заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Казанского медицинского института. *22*

Гудкова Валентина Яковлевна (1926–2002), видный публицист, сотрудник газеты «Советская Татария». Заслуженный работник культуры Татарской АССР. *4, 112, 118*

Диев Дмитрий Владимирович (1923–2008), студент отделения истории историко-филологического факультета (1940–1941). Участник Великой Отечественной войны. Впоследствии окончил Военный институт иностранных языков. Генерал-майор. *16*

Донской Владимир Борисович (1907–?), выпускник ЛГУ, кандидат исторических наук (1941). Заведующий кафедрой истории СССР КГУ в конце 1940 – мае 1941. Участник Великой Отечественной войны. *16, 30*

Ермолаев Игорь Петрович (р.1932), выпускник КГУ 1955 г., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории КФУ. *102*

Жадаева Лидия Петровна (1921–?), студентка первого набора исторического факультета КГУ, окончила университет с отличием в 1944 г. *16*

Зайцева Маргарита Андреевна (р.1926), выпускница филологического факультета КГУ 1948 г., жена Г.Ф. Шамова. *69, 80*

Закиев Мирфатых Закиевич (р.1928), доктор филологических наук, профессор. В 1967–1986 гг. ректор КГПИ. 34, 50, 58, 66

Замалеева Насима Замалеевна (1918–1959), студентка первого набора исторического факультета КГУ. Депутат Верховного Совета ТАССР первого созыва (с 1938). Окончила университет в 1944 г. Кандидат исторических наук, доцент КГПИ. 16

Иванов Владимир Васильевич (1939–2004), доктор исторических наук. В 1985–1988 гг. заведующий кафедрой истории СССР КГПИ. 37, 38, 53, 116

Иванов Геннадий Иванович (1923–2013), студент отделения истории историко-филологического факультета КГУ (1940–1941). Участник Великой Отечественной войны (призван в армию в августе 1941 г.). Выпускник Военной академии бронетанковых и механизированных войск, гвардии полковник. Служил заместителем командира дивизии, начальником отдела бронетанковой службы армии, военного округа. 16

Ионенко Иван Михайлович (1913–1989), доктор исторических наук, профессор. В 1939–1947 гг. работал в КГПИ. В 1945–1947 гг. декан исторического факультета КГПИ. С 1960 г. работал в КГУ, в 1970–1983 гг. заведующий кафедрой истории СССР КГУ. Участник Великой Отечественной войны. 26, 28, 29, 45, 51, 52, 65, 95, 116

Ионов Иван Михайлович (1912–1943), студент первого набора исторического факультета КГУ. Погиб на фронте. 16

Кадыров Ильгиз Ханович (1929–2016), выпускник КГПИ 1953 г., кандидат исторических наук, доцент. В 1988–2008 гг. заведующий кафедрой всеобщей истории КГПИ-КГПУ. 109

Калинин Николай Филиппович (1888–1959), историк-краевед, археолог, кандидат исторических наук. В 1920–1940-х гг. научный сотрудник, ученый секретарь Государственного музея ТАССР. В 1933–1935 гг. доцент кафедры истории КГПИ. Впо-

следствии работал в Институте языка, литературы и искусства, преподавал в КГУ. 31, 85, 86

Красильникова Татьяна Николаевна (1920–?), студентка первого набора исторического факультета КГУ. Окончила университет с отличием в 1944 г. 16

Краснов Виктор Иванович (1926–2008), выпускник КГПИ 1956 г. Учитель истории, директор школы (№120, 11, 66), школы-интерната №9 пос. Васильево. 98, 100

Краснов Юрий Константинович (1925–1976), старший преподаватель кафедры истории СССР КГПИ в 1965–1976 гг. 37, 38, 116

Краснова Нина Николаевна (р.1935), выпускница КГПИ 1958 г. Учитель русского языка, литературы и истории. 99

Кузин Владимир Андреевич (1924–1992), доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой философии Казанского химико-технологического института в 1962–1990 гг. Друг Н.П. Мунькова. 69, 70, 72, 78

Кузнецова (Вовченко) Галина Леонидовна (1920–?), студентка первого набора исторического факультета КГУ. Окончила университет в 1944 г. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Заочного института советской торговли в Казани. 16

Линков Яков Иосифович (1909–1966), известный историк, исследователь общественного движения, доктор исторических наук. В 1944–1946 гг. преподавал в КГУ²⁰. 11

Литвин Алтер Львович (р.1931), доктор исторических наук, профессор. В 1963–1979 гг. работал в КГПИ. 39, 40, 41, 53, 106, 116, 126

²⁰ Как отмечается в воспоминаниях Г.Н. Вульфсона и Н.П. Мунькова «Страницы памяти», Я.И. Линков, будучи тогда в армии в чине подполковника, находился в Казани и провел спецкурс и спецсеминар о А.И. Герцене. (Во имя Отчизны. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. С. 61).

Лосев Александр Иванович (р.1923), студент отделения истории историко-филологического факультета КГУ (1940–1941). В октябре 1941 г. призван в РККА. В 1951 г. окончил МГИМО. *16, 84*

Магдиев Мухаммет Сунгатович (1930–1995), выпускник КГПИ 1959 г. Писатель, литературовед, кандидат филологических наук. *5, 43, 67, 122*

Малышкина Валентина Алексеевна (р.1923), студентка отделения истории историко-филологического факультета КГУ. Отчислена по собственному желанию в октябре 1941 г. *16*

Медведев Ефрем Игнатьевич (1903–1982), доктор исторических наук, профессор. Выпускник общественно-экономического отделения Восточно-педагогического института (1929). *41, 67*

Мишанина (Константинова) Антонина Дмитриевна (1922–2013), студентка отделения истории историко-филологического факультета КГУ (1940–1946). Впоследствии кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории КГУ. *16*

Мунькова (Наумова) Нина Александровна (1935–1998), выпускница КГПИ 1958 г. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КГПИ. Жена Н.П. Мунькова. *73, 74, 80, 82, 93, 97, 100, 101, 102, 104, 105, 107*

Мустафина Гульшат Мударисовна (р.1951), выпускница КГПИ 1974 г., кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КФУ. *8, 35, 39, 40, 50, 83, 97, 108, 130*

Мухаметзянова Эмма Хуснутдиновна (р.1932), выпускница КГПИ 1954 г. Ассистент, старший преподаватель кафедры истории СССР КГПИ (1970–1990). *36*

Петрова Галина Ивановна (р.1922), студентка отделения истории историко-филологического факультета КГУ в 1940–1945 гг. Аспирантка кафедры всеобщей истории (1945–1947). Отчислена из аспирантуры по собственному желанию. *16*

Пехтелев Иван Георгиевич (1906–1969), доктор филологических наук, профессор. С 1939 г. работал в КГПИ, до 1946 г. заведующий кафедрой литературы. В 1962–1967 гг. заведующий кафедрой журналистики КГУ. 22, 53, 57, 62, 101

Писарев Владимир Иванович (1890–?), профессор, заведующий кафедрой истории СССР КГУ в 1948–1958 гг. 90, 103

Плакатин Александр Павлович (1904–1943), первый декан исторического факультета КГУ, кандидат исторических наук. Участник Великой Отечественной войны. 15, 16, 76, 86

Пономарев Василий Иванович (1880–1972), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР КГУ (1939–1955). В 1944–1945 гг. заместитель декана историко-филологического факультета. 15, 16, 76, 84, 86

Порфирьев Вассиан Сергеевич (1907–1990), доктор биологических наук, профессор. Работал в КГПИ с 1935 г. 44

Ременников Алексей Михайлович (1918–2007), доктор исторических наук, профессор. Работал в КГПИ с 1950 по 2001 гг. Заведующий кафедрой всеобщей истории в 1962–1988 гг. 43, 47, 48, 49, 53, 65, 81, 95, 110

Романовский Сергей Калистратович (1923–2003), студент отделения истории историко-филологического факультета КГУ (1940–1941). С октября 1941 г. в РККА, участник Великой Отечественной войны. Впоследствии окончил МГИМО (1948), находился на дипломатической и государственной службе. В 1993–1996 гг. ректор Дипломатической академии МИД РФ. 16, 84

Сабиров Харис Фатыхович (1925–2016), доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой философии КГПИ. 42, 94, 109

Синицын Олег Владимирович (р.1957), выпускник КГПИ 1979 г., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории КФУ. 5, 29, 53, 113, 130

Синицына Клара Романовна (1932–1997), кандидат исторических наук, доцент. Работала на кафедре истории СССР (отечественной истории) КГПИ с 1970 по 1997 гг. 39

Старицына Зоя Алексеевна (1918–2014), кандидат филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы КГПИ. Работала в КГПИ с 1943 г. 21, 53, 101

Султанбеков Булат Файзрахманович (р.1928), выпускник КГПИ 1950 г., кандидат исторических наук, профессор. 63, 94, 108, 126

Трунский Юзеф Геннадьевич (1915–1989), доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории. Работал в КГПИ с 1952 по 1989 гг. 43, 48, 49, 53, 55, 95

Тузов Леонид Леонидович (1919–1993), кандидат философских наук, доцент. В 1973–1980 гг. заведующий кафедрой философии КГУ. 32, 89

Туишев Юзеф Ахметзянович (1907–1984), кандидат педагогических наук, доцент. Работал в КГПИ в 1945–1984 гг., до 1967 г. ректор. 22, 23, 26, 32, 34, 44, 45, 47, 48, 50, 51, 56, 65, 66, 93, 95, 97, 98, 107, 108

Устюжанин Евгений Иванович (1902–1968), кандидат исторических наук (1947), доцент. В 1939–1941 гг. заведующий кафедрой истории КГУ. Заведующий кафедрой истории СССР КГПИ в 1947–1967 гг. 14, 16, 26, 27, 30, 32, 33, 34, 42, 43, 44, 50, 51, 65, 76, 78, 85, 90, 91, 95, 99, 107, 108, 110, 111, 115, 125, 126, 127, 129, 130

Федорова Вера Николаевна, преподаватель биологического факультета КГПИ. Впоследствии работала в Москве. Доктор педагогических наук. Жена Е.И. Устюжанина. *33, 44*

Ханин Леонид Иванович (1920–?), студент первого набора исторического факультета КГУ. Окончил университет с отличием в 1944 г., кандидат исторических наук. В 1950-е гг. работал в Государственном музее ТАССР заведующим отделом советского периода. Позднее доцент кафедры истории КПСС КХТИ. *16, 72, 74, 78*

Чернов Анатолий Иванович (1906–1983), старший преподаватель кафедры истории СССР КГПИ в 1946–1966 гг. Участник Великой Отечественной войны. *26, 27, 42, 44*

Шамов Георгий Федорович (1921–1984), в 1940–1945 гг. студент отделения истории историко-филологического факультета КГУ. Кандидат исторических наук, доцент. Декан историко-филологического факультета (1958–1960), проректор КГУ (1960–1965), заведующий кафедрой истории СССР (1965–1971). Друг Н.П. Мунькова. *16, 37, 38, 69, 70, 75, 77, 78, 80, 84, 106, 108*

Шкляев Николай Павлович (1888–1959), преподаватель латинского языка и античной литературы в КГУ (с 1938), кандидат исторических наук (1945). В 1946–1957 гг. заведующий кафедрой классической филологии. *15, 76, 118*

Шофман Аркадий Семенович (1913–1993), доктор исторических наук, профессор. В 1948–1960 и 1961–1986 заведующий кафедрой всеобщей истории КГУ. *43, 49*

Юсупов Рузаль Абдуллазянович (р.1938), доктор филологических наук, профессор. Ректор КГПИ (КГПУ) в 1986–2002 гг. *50, 67*

Ян Тамара Германовна (1922–2011), студентка первого набора исторического факультета. Поэтесса, драматург. *16*

Яснитская Надежда Николаевна (1886–1972), старший преподаватель кафедры истории СССР КГПИ (1942–1957). *28*

Заказ № 751 от 28.11.16 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 8,75.
Бумага офсет 80 г. Печать ризографическая.
Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ПК «Астор и Я»
420021, г. Казань, ул. Ахтямова, 4-3
тел.: 212-21-40